

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ

Кафедра политической теории

И.Н. ТИМОФЕЕВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
альтернативы и тенденции**

Монография

Издательство «МГИМО-Университет»
2008

Научный редактор

Т.А. Алексеева, доктор философ. наук, профессор,
зав. каф. полит. теории МГИМО(У) МИД России

Рецензенты:

Е.Н. Данилова, канд. социолог. наук,
зав. отд. теор. анализа социальных трансформаций
Института социологии РАН

И.М. Бусыгина, доктор полит. наук,
профессор каф. сравнит. политологии
МГИМО(У) МИД России

Тимофеев И.Н.

Т41 Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции : монография / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. полит. теории. — М. : МГИМО-Университет, 2008. —176 с.

ISBN 978-5-9228-0369-4

Монография посвящена проблеме формирования российской политической идентичности в постсоветский период. Выделяются три альтернативы — советская, постсоветская негативная и постсоветская синтетическая. Их смена определяется как магистральная тенденция эволюции российской политической идентичности. Утверждение синтетической альтернативы рассматривается как симптом завершения постсоветского транзита.

Книга предназначена для политологов, международников, историков и социологов, исследующих проблематику идейных и доктринальных оснований внешней и внутренней политики России.

ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-9228-0369-4

© Московский государственный институт
международных отношений (университет),
МИД России, 2008

© Тимофеев И.Н., 2008

Введение 4

Глава 1

**Политическая идентичность:
концептуализация понятия** 10

§ 1. Политическая идентичность как механизм «воображения» политического сообщества 19

§ 2. Политическая идентичность: маркирование границ сообщества и актуализация Другого 40

§ 3. Политическая идентичность: интерпретация прошлого и конструирование традиций 58

Глава 2

**Эволюция политической идентичности России
в постсоветский период** 77

§ 1. Российская политическая идентичность в постсоветский период: «воображение» политического сообщества 82

§ 2. Российская политическая идентичность в постсоветский период: альтернативный Другой и новые границы 103

§ 3. Российская политическая идентичность в постсоветский период: реинтерпретация прошлого и конструирование новых традиций 130

Заключение 151

Список литературы 159

Введение

Формирование политической идентичности представляет собой один из ключевых вызовов для стран демократического транзита. Этот вызов особенно актуален для России, чье общество с точки зрения этнического состава, развитости территорий, их политического устройства, экономического и социального потенциала даже после распада СССР остается достаточно разнородным. В постсоветский период потребность в обретении новых политических принципов, интегрирующих разнородное российское общество в рамках единой концепции нации и государства, поставила социум перед необходимостью формирования новой политической идентичности страны.

С другой стороны, эта потребность диктовалась глобальными изменениями последних 20 лет. После распада СССР России пришлось по-новому сформулировать видение своей роли и места в мире, переосмыслить базовые принципы своих отношений с внешней средой. Проблему политической идентичности делали актуальной и радикальные изменения политической системы. На повестку дня вышел вопрос о степени и основаниях преемственности между Россией и ее историческими предшественниками — СССР и Россией дореволюционного периода: вопрос о консенсусе относительно прошлого страны и ее политических традиций превратился в одну из мировоззренческих дилемм постсоветского периода.

Подобная ситуация заключает в себе комплекс исследовательских проблем. Каковы основные тенденции становления политической идентичности России в постсоветский период? В логике каких альтернатив формируются эти тенденции? Способствуют ли эти тенденции функционированию России как интегрированного и целостного государства, а также как значимого актора международных отношений?

Актуальность ответов на эти вопросы обуславливается необходимостью в критической рефлексии относительно процессов фор-

мирования политической идентичности, которые еще не завершились. Наряду с этим, она определяется и потребностью в преодолении складывающихся в ряде зарубежных и российских источников стереотипов относительно новой российской идентичности. В частности, в последние десятилетия сложился достаточно устойчивый стереотип, в соответствии с которым политическая идентичность России изучается в логике оппозиций «демократия-авторитаризм», «право-порядок», «либерализм-национализм» и т.п. В качестве носителей политической идентичности нередко рассматриваются политические партии, движения или силы, делающие в своих программах акцент на те или иные стороны указанных оппозиций, а преобладание этих сил определяется как индикатор той или иной политической идентичности.

Настоящая работа является попыткой опровергнуть этот стереотип. Речь идет о том, чтобы рассмотреть политическую идентичность как совокупность представлений, являющихся основанием общности всех граждан страны (или их критической массы), представлений, имеющих более фундаментальный и длительный характер, нежели установки, формируемые электронными циклами или политическими кампаниями.

К числу основных тезисов работы относятся следующие положения:

- Понятие политической идентичности может быть раскрыто через три составляющие. В рамках первой составляющей политическая идентичность определяется как совокупность политических принципов, служащих нормативным основанием ответа на вопрос «Кто мы?», то есть осознания гражданами страны своей политической общности. В рамках второй — как совокупность представлений, задающих уникальную сущность конкретного государства через его соотнесение с актуальными Другими в логике оппозиции «Мы-Они», а также — через маркирование границ государства (главным образом, символических). В рамках третьей — как совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан страны, и осознания ими своей политической общности.
- Политическая идентичность в условиях нации-государства современного типа выступает предметом политики идентичности, то есть целенаправленных действий государства по ее

формированию, выполняя функции интеграции политического сообщества, легитимации политического режима, мобилизации граждан. В то же время, целенаправленное конструирование политической идентичности ограничено историческим контекстом, политическими традициями, культурой и другими факторами.

- Формирование политической идентичности России может рассматриваться в логике трех альтернатив, «диалектически» сменяющих друг друга. Первая альтернатива — советская политическая идентичность, кризис которой становится стартовой точкой в становлении новой российской идентичности в постсоветский период. Вторая альтернатива — негативная идентичность — совокупность представлений о новом российском государстве, сформированных в начальный период транзита как в рамках отрицания советской идентичности, так и на основе актуализации некоторых символических компонентов досоветской идентичности. Третья альтернатива — синтез новых представлений о российском государстве, которые постепенно накапливались в 1990-е гг. с рядом традиционных представлений, актуальных для советской и в меньшей степени для досоветской идентичности.
- В этом свете, тенденции становления политической идентичности имеют следующую логику: кризис советской идентичности, ее эволюция в негативную идентичность на фоне распада СССР и образования нового российского государства, появление координат качественно новой политической идентичности, не отрицающей, но синтезирующей в себе элементы политической идентичности предшествующих эпох.
- Ключевые координаты новой идентичности, отраженные, в частности в доктринах Российской Федерации, включают в себя следующие элементы. Представления о России как о единой гражданской нации; как о суверенном государстве и великой державе, одном из мировых центров силы; как о преемнице достижений и ряда политических традиций СССР и дореволюционной России. Эти составляющие актуализируются через патриотическую (в противовес идеологической) компоненту интерпретации прошлого страны, понимания ее настоящего и будущего. Иными словами, они постепенно выходят за рамки конкуренции тех или иных политических

партий и их идеологий, превращаясь в ценностный инвариант, служащий предметом относительного консенсуса системных политических сил в стране.

- Формирование новой политической идентичности, вместе с тем, нельзя рассматривать как завершённый процесс. Несмотря на ее оформление в доктринах российского государства, выполнение новой идентичностью своих функций стоит перед целым рядом проблем. В контексте представлений о России как о единой гражданской нации — это проблемы утверждения единого культурного, образовательного, символического пространства, укоренение этих представлений в самосознании граждан, без чего невозможно преодоление ксенофобии, локализма, уязвимости страны перед радикальными идеологиями. В контексте представлений о России как о суверенной и великой державе — вопрос «формата» великодержавности (имперский, национально-государственный?), проблемы дальнейшей увязки отношений с внешним миром с задачами модернизации страны. В контексте представлений о России как преемнице СССР и дореволюционной России — проблемы снятия конфликтных, противоречивых представлений в восприятии истории страны, недопущения подмены исторического патриотизма ложным, «фасадным» патриотизмом, с одной стороны, и радикальным национализмом — с другой.

В свете выдвинутых тезисов цель настоящей работы заключается в исследовании основных альтернатив и тенденций формирования российской политической идентичности в постсоветский период.

Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- Задать концептуальные рамки понятия политической идентичности через раскрытие его базовых составляющих.
- Выявить характеристики политической идентичности нации-государства современного типа, в том числе в условиях глобализации и «размывания суверенитета».
- Провести анализ динамики российской политической идентичности в постсоветский период как политического процесса в контексте политических действий государства (государственных деятелей России) по формированию ее доктринальных оснований.

- В логике трех смысловых блоков понятия политической идентичности раскрыть содержание российской идентичности и тенденций её эволюции в постсоветский период.

Решение первых двух задач осуществляется в первой главе, которая носит концептуальный, теоретический характер. В ней выстраивается концептуальная модель понятия политической идентичности. Она базируется, главным образом, на положениях модернистских теорий национализма с учетом их возможностей и ограничений. Во второй главе эта концептуальная модель накладывается на казус постсоветской России.

Методологический инструментарий исследования преимущественно составляют два метода. Речь идет, во-первых, о методе построения «исторического понятия» (в том смысле, в котором его использует Макс Вебер¹). Этот метод применяется как в процессе концептуализации понятия политической идентичности, построения его абстрактной модели, так и в процессе его использования в исследовании российского случая. Метод подразумевает выявление комплекса связей, черт и характеристик, присущих изучаемому явлению в определенных исторических и культурных условиях. Понятие формируется из отдельных частей, которые берутся, с одной стороны, из широкого исторического контекста (эпоха Современности, или Модерна), а с другой стороны, из узкого контекста (постсоветский период, период после окончания «холодной войны» и т.д.). При этом метод используется не для выделения «общего» или «конечного» определения понятия политической идентичности, а для его интерпретации, представленной в исторической эволюции.

Во-вторых, речь идет о методе кейс-стади, который подразумевает, что сформированный концепт накладывается на конкретный казус, или случай, и рассматривается в эмпирическом ключе. Метод кейс-стади выступает тем «зонтиком», в рамках которого систематизируется информация об изучаемом случае, собранная из различных источников, включая нормативно-правовые и доктринальные документы, научные публикации, публикации и выступления ведущих политиков, результаты социологических исследований и др. Логика использования это-

го метода была в значительной мере воспринята из работ Джона Герринга².

Вместе с тем предлагаемая работа не является чисто «позитивистской» — рассматриваемая проблематика существенно затрудняет ее подготовку за «вуалью неведения» или с позиций «объективного» исследователя. Иными словами, книга в значительной степени представляет собой отражение не только исследовательских результатов как таковых, но также и гражданской позиции автора, его представлений как о действительном, так и о желаемом образе страны. Эти представления открыты для критики, а сама работа является приглашением к дальнейшей дискуссии.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — С. 69.

² См., например, *Gerring J. Case Study Research. Principles and Practices.* Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

В политической науке, и в особенности в политической теории, трудно найти понятие, которое могло бы быть истолковано с позиций эссенциализма. То есть с такой позиции, которая предполагает, что по отношению к тому или иному понятию возможно применить некий конечный набор характеристик и черт, определяющих его неизменную сущность. Конкретное содержание того или иного концепта может быть самым разным. Более того, как отмечает в одной из своих работ Славой Жижек, оно может быть взаимоисключающим³. Это значит, что в рамках политической науки трудно представить себе абсолютно «конвенциональное», неоспариваемое понятие⁴. Каждый концепт подразумевает различные интерпретации, которые выступают в качестве *конкурирующих концепций* этого понятия⁵.

В контексте данного исследования это положение является принципиальным. Концептуализация политической идентичности предполагает особую интерпретацию этого концепта, в рамках которого одни кластеры понятия (смыслы, значения, характеристики) могут быть актуализированы, тогда как другие, наоборот, не будут включаться в анализ; или же одни значения будут противопоставлены другим. Другими словами, концепция как интерпретация и развитие понятия подразумевает выбор тех или иных кластеров этого понятия (но не всех) и их увязку в особую логику и конфигурацию⁶. Подобное понимание концептуа-

³ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. — М.: Художественный журнал, 1999. — С. 104-105.

⁴ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 22.

⁵ Алексеева Т.А. Политическая философия. От концепций к теориям. — М.: РОССПЭН, 2003. — С. 57.

⁶ Там же. — С. 57.

лизации основного понятия противопоставляется построению интегрированной, общей и тем более конечной модели концепта политической идентичности, которая бы объединила в себе максимально возможное число смыслов, значений, характеристик и составляющих этого феномена.

Концептуализация понятия политической идентичности в контексте работы играет двоякую роль. С одной стороны, она выполняет роль аналитического инструмента, отвечающего проблематике изучаемого случая и задачам исследования. С этой точки зрения формирование концепции политической идентичности в некотором смысле можно представить как конструирование идеального типа анализируемого феномена: действительность анализируется посредством накладывания концептуальной схемы на изучаемую реальность⁷. В этом свете концепция политической идентичности представляется эмпирической, то есть относящейся к фактам, к тому, что существует⁸. При этом на характер концепции большое влияние оказывает не только видение проблемы, но и сама проблематика исследования.

С другой стороны, концептуализация политической идентичности в рамках работы несет в себе определенную нормативную нагрузку. Рассматриваемый концепт, казалось бы, далеко отстоящий от таких политико-философских понятий, как свобода, равенство или демократия, несет в себе достаточно серьезный «нормативный заряд». Его можно выразить, например, следующим вопросом: может ли политическая идентичность быть источником блага и какой она должна быть, чтобы это благо стало достижимым — быть ли ей монологической или диалогической, органичной или сконструированной и т.п. Эта нагрузка существенно возрастает, когда речь идет не просто о формировании концепций идентичности в исследовательских целях, но об использова-

⁷ В контексте методологии Макса Вебера речь идет о том, что исследуемая реальность не является сугубо рациональной. Ей присущи большая доля случайности, влияние иррациональных, непредсказуемых факторов, в силу чего их трудно понять научным, то есть рациональным путем. Идеальный тип подразумевает выделение базовых характеристик изучаемого феномена, его «предполагаемого смысла», выявление того, каким он должен быть. При этом случайные, «нерациональные» моменты не принимаются во внимание, считаются помехами. См. Вебер М. Основные социологические понятия. / Теоретическая социология. В 2 т. Т. 1 / Под ред. С.П. Баньковской — М.: Книжный дом «Университет», 2002. — С. 75-76, 95.

⁸ Алексеева Т.А. Указ. соч. — С. 54.

нии данного феномена в практической политике, где нормативный смысл превращает описательные образы сложных социальных единиц в нормативные самообразы⁹. Это означает, что нормативный элемент как бы непосредственно «встроен» в содержание понятия, что делает невозможным, во-первых, его конвенциональное определение, а во-вторых, истинность одной из конкурирующих концепций этого понятия¹⁰. Таким образом, концептуализация основного понятия носит как эмпирический, так и нормативный характер.

Формируя концепцию понятия, целесообразно задать ряд изначальных ограничений, очерчивающих приблизительные границы анализа¹¹. Это тем более актуально в отношении концепта политической идентичности, являющегося не только сложным и многоуровневым понятием, но и частью концептуальных сетей (каркасов) различных дисциплин и наук¹².

Первое ограничение состоит в том, что в рамках настоящей работы политическая идентичность будет рассматриваться как коллективная, а не индивидуальная идентичность. Следует отметить, что использование концепта идентичности как категории анализа индивидуального характерно, прежде всего, для социологических и психологических наук. Речь идет, в частности, о таких направлениях, как символический интеракционизм (Дж. Г. Мид¹³), теория социального конструирования (П. Бер-

⁹ Тезис о нормативности самоописания сложных социальных единиц раскрывает, например, В. Хесле. См. *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // *Вопросы философии.* — 1994. — № 10. — С. 116.

¹⁰ *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 11; *Алексеева Т.А.* Указ. соч. — С. 55.

¹¹ По меткому замечанию А. Этциони «В том случае, когда понятию дается такое определение, которое включает в себя все случаи... оно утрачивает способность к объяснению чего бы то ни было». Цит. по *Ротштайн Б.* Политические институты: общие проблемы / *Политическая наука: новые направления* / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. — М.: Вече, 1999. — С. 161.

¹² Используется выражение Карла Поппера. Под концептуальной сетью он и ряд его критиков понимают совокупность понятий и их взаимосвязей, составляющих содержание науки. Концептуальные сети весьма подвижны и изменчивы: сеть одной науки может включать в себя понятия другой. См. *Фримен Ю., Сколимовский Г.* Поиск объективности у Пирса и Поппера / *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики* / Под ред. Д.Г. Лакуты и др. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 264.

¹³ См., например, *Мид Дж.* Интернализированные другие и самость / *Американская социологическая мысль* / Под ред. В.И. Добренкова. — М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. — С. 222-225.

гер и Т. Лукман¹⁴), драматургический подход (И. Гофман¹⁵) или психологическое направление (Э. Эриксон¹⁶, Ч.Х. Кули¹⁷). В социологических исследованиях идентичности именно индивид, как правило, выступает единицей анализа. Под политической идентичностью при этом понимается, в самом общем виде, отождествление *индивидом* себя с определенными политическими принципами или установками, хотя в качестве объяснительных (независимых) переменных часто используются социальные или групповые факторы¹⁸. Однако, несмотря на то что в этом случае исследователи говорят о классовой, партийной или иной идентичности¹⁹, методологически она сводится к идентичностям отдельных людей (партийная идентичность респондента А отличается от партийной идентичности респондента Б). Иными словами, в основании индивидуальной политической идентичности лежит уникальный опыт конкретного человека и его особые переживания политических явлений. На уровне эмпи-

¹⁴ См. *Береер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Academia центр, 1995.

¹⁵ См. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. — М.: Канон-Пресс, 2000; *Гофман И.* Порядок взаимодействия / *Теоретическая социология.* В 2 т. Т. 2 / Под ред. С.П. Баньковской. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. — С. 60-105.

¹⁶ *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996.

¹⁷ *Кули Ч.Х.* Социальная самость. Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. — М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. — С. 314-328; *Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. — С. 125-154.

¹⁸ В.А. Ядов, например, выделяет идентификацию (как процесс формирования идентичности) индивида на уровне обобщенных установок, на уровне ценностей и идеалов, на уровне группы (корпоративная солидарность). См. *Социология в России* / Под ред. В.А. Ядова. — М.: Изд-во ИС РАН, 1998. — С. 361.

¹⁹ Например, М.С. Липсет и С. Роккан в качестве базовой составляющей социальных кливажей выделяют, помимо социальных различий и политической организации, идентичность с тем или иным полюсом социального раскола. При наложении этой схемы на феномен «замороженной партийной системы» или же на феномен партийной системы в обществах демократического транзита (как это делают последователи Липсета и Роккана) речь идет, прежде всего, об идентичности избирателя. См. *Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction / S.M. Lipset, S.Rokkan (eds). Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. New York: The Free Press, 1967. P. 1-64; См. также, Lawson K., Rommele A., Karasimeonov G. (eds). Cleavages, Parties and Voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania. London: Routledge, 1999.

рических социологических исследований этот опыт может быть стандартизирован (в случае использования количественных методов) или, наоборот, рассмотрен во всей своей уникальности сквозь призму качественных методов («фокус-групп», включенного наблюдения, глубинного нестандартизированного интервью).

Коллективная идентичность, наоборот, не сводима к индивидуальному опыту. Она существует на уровне сообщества, представляя собой то, что члены данного сообщества считают общим для них всех или то, что объединяет людей независимо от их индивидуального опыта (будь то цели, проблемы или символы). В этом смысле коллективная идентичность «воображается», она существует как стилизованное социальное явление²⁰. Политическая идентичность как коллективная идентичность, таким образом, выступает в качестве *политического проекта, политического самоопределения* коллективного Я²¹, превращая разрозненных индивидов в политическое сообщество, сплоченное общим проектом, целями и ценностями. Любой политический проект по определению носит нормативный характер. Именно в этом свете политическая идентичность выступает в данной работе как предмет нормативной политической теории, а не как предмет наук социологического цикла, хотя нормативные аспекты тесно переплетаются с эмпирическими.

Второе ограничение заключается в том, что политическая идентичность рассматривается как идентичность нации-государства. Необходимость подобного ограничения заключается в том, что в политической науке эта проблематика выходит за рамки национальных государств, что особенно характерно для исследований последнего десятилетия²². Например, после окончания «холодной войны» проблема политической идентичности вошла

²⁰ Подобную трактовку предлагает, например, Ивэр Нойман. См. *Нойман И.* Использование другого. — М.: Новое изд-во, 2004. — С. 13-14.

²¹ Это в то же время не означает, что сообщество должно мыслиться по аналогии с личностью. См. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. — 1998. — № 2.

²² См. *Алексеева Т.А.* «Реванш кочевников» или ценностное осмысление глобализации // Космополис. — 2003. — № 2(4); *Алексеева Т.А.* Национализм в мировой политике / Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2004. — С. 238-240.

в мейнстрим теории международных отношений (МО)²³. В качестве примера может служить концептуализация понятия идентичности в рамках конструктивистской модели мировой политики Александра Вендта²⁴. Другой пример — концепция Сэмуэля Хантингтона о будущем мировой политики как столкновении цивилизаций²⁵. Интерес также представляют концепции политической идентичности в связи с проблемой глобализации и эрозии Вестфальской системы МО²⁶, в контексте локальных ответов на вызовы глобализации²⁷, а также в свете развития глобальных коммуникаций и Интернета²⁸.

Распад советского блока стал тем импульсом, который сделал проблему политической идентичности крайне актуальной на уровне наднациональных регионов. Речь идет о посткоммунистической Центральной и Восточной Европе, страны которой поставили своей целью возвращение в «западную цивилизацию» и оказались перед необходимостью конструирования новой идентичности демократических сообществ, противостоящих наследию советского прошлого. Для бывших республик СССР актуальность

²³ Богатый обзор литературы по этой проблематике был сделан Вячеславом Морозовым. См. *Морозов В.* Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Международные процессы. — 2006. Январь—апрель. — Т. 4. — № 1(10); См. также *Тимофеев И.Н.* Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии // Международные процессы. — 2007. — Январь—апрель. — Т. 5. — № 1(13).

²⁴ *Wendt, A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

²⁵ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: Изд-во «АСТ», 2003. — С. 185-238.

²⁶ См. *Falk R.* The Decline of Citizenship in an Era of Globalization // Citizenship Studies, Vol. 4, No 1, 2000. P. 5-17.

²⁷ *Merrett Ch.D.* Understanding Local Responses to Globalization: the Production of Geographical Scale and Political Identity // National Identities, Vol. 3, No 1, 2001. P. 69-87. См. также *Пацюрковский В.В.* Идентичность человека и общества в условиях глобализации // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия / Под ред. Е. Алексеевой. — М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2003. — С. 82-91.

²⁸ *Poster M.* National Identities and Communication Technologies // The Information Society. Irvine: California University Press, 1999. P. 235-240. См. также *Игнатьева И.* Виртуализация идентичности в условиях развития новых технологий / Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. — М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2003. — С. 92-100.

этой проблемы возрастала и в связи с отсутствием традиций собственной государственности как таковой. Данная проблема стала одной из центральных в исследованиях посткоммунистического транзита²⁹. Другим импульсом стало расширение ЕС и ускорение интеграционных процессов в рамках этого образования. На повестку дня вышел вопрос о соотношении национальной и наднациональной идентичностей и о возможности последней³⁰.

И распад советского блока, и интеграция ЕС существенно увеличили актуальность проблемы политической идентичности на региональном уровне. В первом случае речь идет о роли региональных идентичностей в построении посткоммунистических федераций и многосоставных обществ — российские регионы в данном случае выступают одним из объектов исследований³¹. Во втором случае речь идет о влиянии региональных идентичностей на политическое конструирование регионов в условиях европейской интеграции, о роли идентичности в процессе регионализации Европы³².

Принимая во внимание актуальность новых тенденций и проблемных вопросов исследования политической идентичности, настоящая работа все-таки концентрируется на более традиционном понимании коллективной политической идентичности —

²⁹ См., например, *Schopflin G.* The Political Traditions of Eastern Europe // Graubard S.R. (ed.). Eastern Europe... Central Europe... Europe. Boulder, 1991; *Sztompka P.* Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // *Zeitschrift für Soziologie*, No 2, April 1993.

³⁰ См., например, *Kosłowski R.* EU Citizenship: Implications for Identity and Legitimacy // Banchoff T. and Smith M.P. (eds). Legitimacy and the European Union: The Contested Policy. London: Routledge, 1999. См. также *Bruter M.* On What Citizens Mean by Feeling “European”: Perception of News, Symbols and Borderlessness // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 30, No 1, January 2004. P. 21–39. Из числа работ российских ученых следует отметить, например, следующую работу: *Борко Ю., Буторина О.* Европа: поиск новой идентичности // *Космополис*. — Осень, 2002. — № 1.

³¹ См., например, *Туровский Р.* Региональная идентичность в современной России / Формирование демократических ценностей в России / Под ред. М. Макфола и А. Рябова. — М.: Гендальф, 1999. — С. 87–136. Интерес также представляет работа, подготовленная в рамках проекта «Томская инициатива». См. Базовые ценности россиян / Под ред. А.В. Рябова и Е.Ш. Курбангалеевой. — М.: ИКСИ РАН, «Регион-Информ», 2003.

³² См., например, *Бусыгина И.М.* Территориальный фактор в европейском сознании // *Космополис*. — 2002–2003. — № 2; *Бусыгина И.М.* О состоянии немецкой нации: территориальный фактор в национальном самосознании немцев // *Полис*. — 1999. — № 1.

как идентичности нации-государства. Это понимание базируется на предположении, о том, что у современного государства есть признаваемые всеми общие принципы и цели, благодаря которым оно претендует на «локус выражения» для своих подданных. При этом главным является не реальная обоснованность этих притязаний, а то, что для того, чтобы быть *легитимным*, оно должно представлять таким в «воображении», в коллективных представлениях граждан. В этом смысле, политическая идентичность — это принимаемый всеми гражданами ответ на вопрос «Для чего и для кого существует государство?»³³. Если, например, в случае Европейского Союза государство в некоторой степени делегирует «локус выражения» наднациональной структуре, то в случае постсоветской России о наличии такой структуры говорить не приходится, что оправдывает обращение именно к государству как единице анализа. Подобный акцент оправдан и тем, что политическую идентичность России (как и идентичность большинства государств) невозможно осмыслить как совокупность идентичностей ее регионов.

Наконец, третье ограничение концепта политической идентичности лежит в области определения отношения между понятиями политической и национальной идентичности: и в российских, и в зарубежных источниках эти понятия очень тесно переплетены и границы между ними, по меньшей мере, приблизительные, прочерчиваются далеко не всегда. Очевидно, что, рассматривая политическую идентичность государства было бы неправильным игнорировать понятие нации. Методологическая ловушка в данном случае заключается в том, что, на первый взгляд, идентичность нации-государства должна трактоваться как национальная идентичность и концепт политической идентичности теряет свой смысл. В этом свете необходимо задать четкую логическую связь между двумя концептами. В рамках работы понятия политической и национальной идентичности будут находиться в отношении пересечения³⁴.

Отношение пересечения базируется на том, что нация, с одной стороны, может пониматься как органичное сообщество

³³ *Taylor Ch.* Democratic Exclusion (and its Remedies?) // Cairns A. C. et al (eds). Citizenship, Democracy and Pluralism. Montreal and Kingston: McGill — Queen’s University Press, 1999. P. 269.

³⁴ См. *Тоноян Л.Г.* Логика. СПб.: Общество «Знание», 1997. — С. 12.

(примордиалистский подход), в основе которого лежит общность культуры, языка, этнических традиций. С другой стороны, нация может пониматься как политическое сообщество, которое составляет коллективный государственный суверенитет, основанный на общем политическом участии (антипримордиалистский подход)³⁵. Представляется, что сущностной чертой политической идентичности является выход за рамки органических диакрифик — языка, расы, этничности. Такая идентичность опирается, прежде всего, на политические принципы, тогда как культурные, языковые, этнические составляющие носят подчиненный характер³⁶. В этом смысле понятия национальной и политической идентичности пересекаются в понимании нации именно как политического сообщества. Не каждое национальное (этническое) сообщество является сообществом политическим, не каждое политическое сообщество предполагает этническую или языковую общность. Это пересечение особенно актуально тогда, когда объектом исследования является многосоставное, мультикультурное государство, то есть такое государство, легитимность которого базируется, прежде всего, на политических принципах, а не на этнокультурной общности. Кроме того, предпочтительность использования термина политической идентичности связано и с тем, что вопрос о завершенности формирования в России политического сообщества в виде *российской нации*, остается открытым и дискуссионным, что также делает целесообразным использование термина политической, а не национальной идентичности.

Итак, концепт политической идентичности получил ряд общих ограничений, которые задали определенные рамки анализа. Следующий шаг концептуализации понятия предполагает выделение и актуализацию кластеров (характеристик) понятия, которые составят ядро концепта в данной интерпретации. К этим ха-

³⁵ См. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? См. электронный ресурс «Государство и антропоток». // <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a197.htm>.; Ашкерова А. Политика идентичности. См. электронный ресурс «Государство и антропоток». <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a188.htm>

³⁶ Тимофеев И.Н. Коллективная идентичность как объект политической теории: концептуальный анализ // Актуальные проблемы политической теории. Вып. 2 / Под ред. Т.А. Алексеевой. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2005.

рактеристикам относятся: «воображение» сообщества, маркирование границ и актуализация Другого и интерпретация прошлого. Именно через эти характеристики понятие политической идентичности будет концептуализировано в следующих трех параграфах.

§ 1. Политическая идентичность как механизм «воображения» политического сообщества

Задавая изначальные ограничения концепта политической идентичности, мы охарактеризовали рассматриваемое понятие как «воображаемый» политический проект и привязали его к нации-государству как *политическому сообществу*. Закономерно возникает вопрос: почему в качестве такой привязки выбрано именно политическое сообщество, а не, например, политическое общество, институт или организация? В качестве ответа на этот вопрос принимается допущение о том, что в рамках изучаемого проблемного поля связка между политической идентичностью и политическим сообществом значительно сильнее, нежели связка идентичности с институтом, организацией или обществом. Коллективная идентичность — ключевой элемент идеи сообщества как такового, равно как и сообщество представляет собой сферу реализации идентичности и ее результат.

В 1956 г. Жак Маритен, пытаясь обозначить границы понятий, которые стали центральными в ряде его работ, признал, что смешение и отождествление концептов нации и политического общества, политического общества и государства, нации и государства представляет собой «проклятие современной эпохи»³⁷. Маритен проводит демаркационную линию между сообществом и обществом. В сообществе коллективное сознание доминирует над индивидуальным, тогда как в обществе индивидуальное сознание сохраняет свой приоритет³⁸. В сообществе принуждение проявляет себя как предопределенность, в обществе принуждение исходит из закона или рациональных предписаний. В этом

³⁷ Маритен Ж. Человек и государство. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. — С. 11.

³⁸ В этом свете проблема сообщества и общества может быть переведена в проблему баланса индивида и общества, как это имеет место, например, в работе Норберта Элиаса «Общество индивидов». См. Элиас Н. Общество Индивидов. — М.: Практикс, 2001.

контексте французский философ противопоставляет нацию и политическое общество (его стержнем является государство), причем нация, рассматриваемая в чистом виде, выводится за пределы политического. Сущностная черта нации как сообщества — появление *самосознания*, то есть ситуации, когда этническая группа осознает, что она составляет единое сообщество и обладает волей к продолжению его существования. Фундаментальная основа политического общества и государства, с другой стороны, рациональные законы, институты, решения³⁹. Ключевым является то, что политическое общество (и государство) может развиваться до такой степени, что национальные сообщества, заключенные в нем, получают признание своих прав и «стремятся слиться в едином более высоком и сложном национальном сообществе»⁴⁰. Однако в этом синтезе у Маритена теряется самосознание как сущностная черта нации. Рациональные политические принципы и установления оказываются вне самосознания, в пределах которого остаются лишь инстинкты и страсти.

Следует отметить, что эмпирически подобные казусы имели место, например, в случае государств имперского или феодального типа. Чарльз Тейлор, например, рассматривает пример Австрийской империи: «В старые добрые времена Австро-Венгерской империи польский крестьянин в Галиции мог совершенно забыть о существовании венгерских помещиков, пражской буржуазии или венских рабочих, и это никоим образом не угрожало стабильности государства. Как раз напротив — поддерживало стабильность»⁴¹.

Подобная ситуация стала невозможной в условиях трансформации основ легитимности и суверенитета государств, диктуемой логикой Модерна, которая нарушила систему иерархий, уходящую своими корнями в Средние века. Стабильность феодальных политий, в рамках этой системы, определялась, главным образом, лояльностью аристократии и дворянства монарху, как носителю суверенитета. Так, на протяжении Средневековья, эпохи Возрождения и первых веков Нового времени термин нация не

³⁹ *Маритен Ж.* Указ. соч. — С. 14, 19.

⁴⁰ Там же. — С. 17.

⁴¹ *Taylor Ch.* Op. cit. P. 270.

обозначал народ той или иной страны. Под нацией понималась лишь высшая часть общества — светская и духовная аристократия⁴².

Эта система радикально меняется в период буржуазных революций. Политическое устройство стало определяться не от имени монарха и благородного сословия, а от имени всего народа, следовательно, и основы легитимного порядка переместились от лояльности благородного сословия монарху к признанию власти массами⁴³. Никто не может обладать властью, не будучи на то уполномоченным. Сувереном отныне выступает не монарх, а нация, включающая в себя не только благородное сословие, но и третье сословие — буржуазию. Если в до-современных обществах у суверенитета был физический носитель (монарх выступал в качестве воплощения идеи государства), то в современных обществах это воплощение утрачивается. Нация как источник легитимности становится абстрактной, символической инстанцией⁴⁴. Это означало, что нация-государство отныне могло обеспечить свою легитимность только тогда, когда ее члены были тесно взаимосвязаны через общую лояльность политическому сообществу, через осознание этой общности, через принятие *общих принципов и общего политического проекта*. В эпоху Модерна вопрос о том, чье это государство, чья эта свобода и суверенитет, бессмысленный в случае Габсбургской или Оттоманской империй, выходит на первый план. Современное государство, таким образом, как отмечает Чарльз Тейлор, потребовало наличие нации с очень сильной коллективной политической идентичностью, с гораздо большей взаимосвязью (пусть и воображаемой) граждан в совме-

⁴² *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. — М.: Книжный дом «Университет», 2005. — С. 18.

⁴³ Это не означает, что в условиях феодального государства массы не оказывали никакого влияния на политику (вспомним хотя бы сколько внимания уделяется политике государя в отношении масс в труде Николо Макиавелли «Государь». См. *Макиавелли Н.* Князь. — Минск: Завигор, 2000). Конечно, такие явления, как, например, Жакерия были серьезными испытаниями для феодальных государств. Но эти восстания не претендовали на сами основы власти, на ее легитимность и на ее самосохранение: народ не мог определить, кому быть или не быть государем. Право нисходило свыше. Власть, как и вера, признавалась божественною. Повиновение народов было делом священным, а рабство — добродетелью. См. *Ламартин А.* Жирондисты. Историко-прагматическое исследование // История и историки. — М.: Остожье, 1998. — С. 240.

⁴⁴ *Малахов В.С.* Указ. соч. — С. 33.

стном политическом проекте, чем это требовалось в иерархизированных государствах прошлого⁴⁵.

Политическая идентичность становится источником и гарантом *свободы*, которая понимается не как негативная гражданская свобода, а как противоположность деспотии. Последняя подразумевает, что совокупность необходимых дисциплинарных требований (соблюдение законов, служба в армии, уплата налогов) поддерживается, главным образом, насилием. В свободном же обществе насилие заменяется *желанием* со стороны граждан отождествлять себя с государством, признавать его собственным выражением. Люди, таким образом, становятся «привержены общему добру и общей свободе»⁴⁶.

Это, конечно же, не значит, что государства до-Модерна представляли собой исключительно деспотии. В терминах Макса Вебера деспотия, по существу, представляет собой власть, но не легитимное господство⁴⁷. В этом смысле феодальные государства не были деспотиями, ибо имели вполне конкретный источник легитимности, олицетворяя собой идеальный тип традиционного господства. Другое дело, что в государстве Модерна нивелируются формальные посредники между властью и нацией. Отождествление себя с государством происходит теперь напрямую, а политическая идентичность теряет свою сословную и корпоративную привязку⁴⁸.

⁴⁵ *Taylor Ch.* Op. cit. P. 4 –7.

⁴⁶ См. *Тейлор Ч.* Пересечение целей: спор между либералами и коммунистами // Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. — С. 227.

⁴⁷ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 644-650.

⁴⁸ Небезынтересно то, что в ряде случаев подобное нивелирование словесных и корпоративных границ не противоречило, а, наоборот, совпадало с нормативными требованиями теорий абсолютизма. В случае Франции, например, теория абсолютизма рассматривала нацию как совокупность подданных, в равной степени, независимо от их происхождения и статуса, подчиненных воле короля. В реальности же дело обстояло совершенно иначе. «Корпоративная организация общества, с ее иерархией, привилегиями и частными правами, представляла собою почти непреодолимый оплот против применения суверенной власти в полном объеме. Правительственные решения чаще всего принимались в результате переговоров между королевской бюрократией и опосредующими корпорациями, которые вмешивались в теоретически прямые отношения монарха и подданных. Уничтожение сословий и корпораций 4 августа 1789 г. осуществило мечту теоретиков абсолютизма, создав общество юридически равных индивидов, отныне подверженных

Здесь важно отметить, что идея политического сообщества как «приверженности общему добру и общей свободе» имеет под собой разные основания. В контексте традиции, которая задается Гоббсом и Локком, политические сообщества созданы *рациональными* индивидами для получения тех благ, которые можно получить только сообща. Исходный пункт коллективного действия является, таким образом, индивидуальным, а общее благо полностью исчерпывается индивидуальными благами. Им противостоит республиканская традиция, которая задается Монтескье и Токвиллем, в рамках которой коллективное действие и общее благо выходят за рамки рационального индивида⁴⁹. Его основания представляются как *чувство солидарности* с согражданами в общих делах и общих проявлениях достоинства, как чувство патриотизма, лежащего между дружеским чувством с одной стороны, и альтруизмом — с другой⁵⁰.

Во второй половине XX в. эта дискуссия была продолжена в связи с появлением работы Джона Роулза «Теория Справедливости» и ее критики со стороны представителей коммунитаризма (*The liberal-communitarian debate*). В работе «Теория справедливости» Роулз выделяет два принципа справедливости, являющиеся базисными для структуры общества. Эти принципы являются результатом общественного договора, соглашения, которое заключается между индивидами, преследующими свои интересы: «Точно так же как каждая личность должна решить путем рациональных размышлений, что составляет благо, то есть систему целей, рациональную для их преследования, *так и группа людей должна*

прямому воздействию государства. Абсолютный монарх, символическое олицетворение единства нации, должен был отказаться от управления ею; власть Национального собрания, вышедшая из народа, правила теперь индивидами». См. *Генифе П.* Французская революция и террор // 200 лет Французской революции. 1789–1799. Итоги юбилея / Под ред. А.В. Чудинова. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 80.

⁴⁹ Именно в рамках этих двух традиций развиваются либеральные концепции нации, национализма и идентичности национального государства. Подобные концепции выступают значимым противовесом тезисам о несовместимости национализма и либерализма. Анализ взаимосвязи либерализма и национализма проводит, например, О.Ю. Малинова в ряде своих работ. См., например, *Малинова О.В.* Проблемы национальной идентичности и национальных прав в либеральной политической теории // Политическая наука. — 2002. — № 4; *Малинова О.В.* Либерализм и концепт нации // Полис. — 2003. — № 2.

⁵⁰ *Тейлор Ч.* Указ. соч. — С. 228-229.

решить раз и навсегда, что считать справедливым или несправедливым. Принципы справедливости выбираются за занавесом неведения. Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет при выборе принципов в результате естественных или случайных социальных обстоятельств. Так как все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга»⁵¹ (курсив мой. — *И. Т.*).

Иными словами, в основе политического сообщества лежат *рациональные принципы*, к которым приходят рациональные *индивиды*, гипотетически заключая общественный договор за вуалью неведения, опять же гипотетически отсекающей аффекты и случайные обстоятельства⁵².

Это положение теории справедливости Роулза подверглось серьезной критике со стороны представителей коммунитаризма. Майкл Сэндел, например, отмечает, что независимость деонтологического субъекта не более чем иллюзия. Мы не можем считать себя независимыми от убеждений, моральная сила которых определяет нас как членов сообщества, как носителей определенного исторического прошлого, как «сыновей и дочерей определенной революции», как граждан определенного государства. Приверженности такого рода выходят за пределы рационального интереса. Они предполагают, что перед кем-то человек может находиться в большем долгу, чем того требует справедливость, не в силу заключенных соглашений, а в силу приверженностям и обязательствам, которые определяют то, кем является человек⁵³.

Чарльз Тейлор также выдвигает ряд возражений. Во-первых, следуя за Сэнделом, Тейлор отмечает, что сами принципы справедливости, выделенные Роулзом, не могут быть реализованы без высокой степени солидарности членов сообщества. Тейлор зада-

⁵¹ Роулз Дж. Теория справедливости // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2 / Под ред. Т.А. Алексеевой. — М.: Мысль, 1997. — С. 684-685.

⁵² В этом смысле интересно сравнить понятия вуали неведения у Роулза и идеального типа у Вебера. Если для Вебера идеальный тип есть средство отсечения аффектов и случайностей при изучении социальных явлений, то для Роулза вуаль неведения — средство отсечения аффектов и случайностей при заключении общественного договора. — *Примеч. авт.*

⁵³ Сэндел М.Дж. Либерализм и пределы справедливости. / Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. — С. 203-204, 212-213.

ется вопросом — не может ли сплоченное сообщество, а не рациональный индивид выработать общепринятое понимание справедливости? Во-вторых, Тейлор указывает на то, что чувство солидарности и патриотизм, лежащие в основе сообщества, базируются на национальной культуре и истории, а свободные институты формируются постепенно, иногда болезненно. Процедурная либеральная модель не подходит таким обществам, так как они не могут быть нейтральными по отношению ко всем возможным определениям достойной жизни, детерминированных, в частности, их культурой и традициями⁵⁴.

Следует, однако, отметить, что критика Роулза по большому счету не опровергает его позиций: она направлена скорее на онтологические основания теории справедливости, затрагивая, например, проблему природы человека. Упомянутые критические замечания коммунитаристов значительно смягчаются тем, что общественный договор Роулза — воображаемая конструкция, служащая в том числе аналитическим целям. Ее критика за нереалистичность сродни критике идеальных типов Вебера как реально несуществующих. На практике же, согласно Роулзу, принципы справедливости не могут и не должны прививаться искусственно: они должны пересекаться с теми ценностями, которые исторически сложились в обществе и которые являются наиболее актуальными для него. Речь идет о достижении «перекрестного консенсуса», выражающего как ценности демократии, так и ценности того или иного общества⁵⁵. Кроме того, Роулз признает, что ни одно

⁵⁴ Тейлор Ч. Указ. соч. — С. 223-224, 247-248.

Относительно идеи солидарности и сообщества крайне интересной представляется следующий тезис другого представителя коммунитаризма — Ричарда Рорти: «Национальная гордость для страны — то же самое, что для индивида чувство собственного достоинства: необходимое условие самосовершенствования. Слишком развитая национальная гордость может стать причиной воинственности и империализма. Но подобно тому, как нехватка чувства собственного достоинства затрудняет проявление нравственной смелости личности, так и недостаток национальной гордости мало что может дать для полнокровной и действенной дискуссии о национальной политике. Для того чтобы политическая дискуссия была творческой и продуктивной, нужна эмоциональная вовлеченность в жизнь своей страны: чувства сильного стыда или воодушевляющей гордости, вызываемые различными страницами ее истории или разными направлениями в сегодняшней национальной политике». См. Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. — С. 11.

⁵⁵ Цит. по Ком В.С. Политическое сообщество: генезис и эволюция. — М.: Мысль, 2004. — С. 62.

общество не может быть такой схемой взаимодействия, в которое люди входят добровольно в прямом смысле. Каждый человек рождается и существует в конкретных обстоятельствах, которые существенно воздействуют на его перспективы⁵⁶.

Что же касается солидарности и, по сути, общей идентичности как источниках сообщества, то Роулз в одной из своих поздних работ отмечает, что «...справедливые институты и политические добродетели, которых ждут от граждан, не достигли бы своей цели и не имели бы смысла, если бы они только допускали, а не содействовали определенным формам жизни, которые, как считают граждане, заслуживают иметь в их лице преданных приверженцев»⁵⁷ (курсив мой. — И.Т.).

Это означает, что две трактовки оснований политического сообщества не противоречат друг другу в том, что идентичность — его необходимый источник и компонент. Если в коммунитаристских концепциях идентичность трактуется скорее как совокупность принципов, являющихся предметом солидарности, как чувства и переживания, без которых немисливо сообщество, то в деонтологическом либерализме идентичность скрыта в идее *приверженности* принципам, имеющим под собой рациональное основание. В любом случае политические институты выстраиваются исходя из этих принципов, а органичное институциональное развитие невозможно без сформировавшегося политического сообщества, без солидарности и согласия граждан относительно общего политического проекта.

Однако потребность в общей лояльности нации-государству в эпоху Современности имела и другую причину, которая вывела на первый план и проблему политической идентичности, и проблему политического сообщества. Эта причина кроется в самом содержании Современности и проекта Просвещения как ее философского фундамента. Ключевым элементом этого проекта выступает рациональный индивид, независимый от традиции, предрассудков и чувств, способный конструировать общество, руководствуясь собственным разумом. Ценности свободы и прогресса становятся центральными, а вопрос их достижения упирается, прежде всего,

⁵⁶ Роулз Дж. Указ. соч. — С. 686.

⁵⁷ Роулз Дж. Идея блага и приоритет права // Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. — С. 76.

в рациональное изменение мира. Инструментальная рациональность проникает не только в экономику (индустриализм и капитализм), политику (бюрократия, партии, выборы), науку (массовое образование, исследовательские институты) или культуру (превращение произведения в материальную ценность, его тиражирование в индустрии массовой культуры)⁵⁸. Рационализируется надзор, реализуемый уже не посредством казни как шоу, и далеко не только посредством стандартизированной исправительной системы. Функции надзора выполняет инструментально-рациональная система образования, регулярная армия, клиническая медицина и т.п.⁵⁹

Наступает эпоха того, что Фердинанд Теннис назвал *Gesellschaft* — эпохой общества, в котором связи между людьми обеспечиваются механически, а само общество представляет собой механизм и агрегат⁶⁰. Такое общество приходит на смену *Gemeinschaft*, то есть общности (или сообществу)⁶¹, в рамках которой связи между людьми носили органический характер, то есть основывались на пространственной близости, совместной жизни, а значит — духовной общности и близости. Домохозяйство, деревня, сельская община, небольшой город — примеры подобной общности или сообщества: люди знают друг друга и *реально* составляют единое целое. В обществе такая связь теряется, а следовательно, теряется и реальный характер связей. Происходит то, что Фуко и Гидденс называют декомпозицией пространства и времени. Если в до-современную эпоху пространство в значительной степени определялось физическим присутствием, а время всегда было связано с пространством, то в обществе Модерна эта связь нарушается. Пространство разбивается на множество автономных микропространств (каждый индивид находится в надлежащем ему месте). Физическое присутствие и локальность перестают быть базовым элементом пространства (поддержание отношений с те-

⁵⁸ См. Иванов Д.В. Виртуализация общества. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. — С. 27-31.

⁵⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М. : «Ad Marginem», 1999; Фуко М. Рождение клиники. — М. : Смысл, 1998.

⁶⁰ Теннис Ф. Общность и общество. — СПб. : «Владимир Даль», 2002. — С. 12.

⁶¹ Представляется, что понятие общность и сообщество в данном контексте являются синонимами. Практика перевода немецкого *Gemeinschaft* на русский язык сходна с практикой перевода английского *Community*, которое часто переводится не как сообщество, а как общность или община. В англоязычных источниках слово *Gemeinschaft* переводится как *Community*. — *Примеч. авт.*

ми, кто далеко — обычное дело). Время стандартизируется и отделяется от пространства⁶². Общество Модерна становится массовым обществом, но, несмотря на свою массовость, оно представляет собой *атомизированное* образование, где индивиды отделены друг от друга (индустриальным цехом или рабочим местом, пропиской, школьным классом, тюремной камерой и т.п.).

Кроме того, логика Модерна на практике вовсе не предполагала, сознательную рациональность *всех* индивидов. Для многих людей Современность стала внешним явлением, которое не было желаемо и к которому нужно было приспособляться. Рациональный индивид не тождественен всем гражданам, он существует как бы вне их. Эта мысль предельно четко выражается Б.Г. Капустиним в его анализе «жесточкого мыслителя» Дидро: «Я мыслю так, значит (к худу или добру) я современен. Но другие — пасторальные пейзажи, благородные индейцы или изможденные трудом и отупевшие от труда мануфактурные изготовители булавок у Адама Смита... разделением труда, налогами современного государства или насилием современных армий — *«вставлены»* в Современность и *подчинены ей*. Но современность для них — нечто чисто внешнее, будь то цивилизаторская миссия белого человека или перевоспитание деспотизмом фабричной дисциплины жертв «идиотизма» деревенской жизни... Но современен только я (и подобные мне)...она творит для меня, и мне решать, как быть в современности»⁶³.

В результате — единство целей и интересов, похожесть, гармония и солидарность как атрибуты органического сообщества в условиях общества Модерна утрачиваются. Сообщество, которое

⁶² См. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999.— С. 285-376; См. Гидденс Э. Устройство общества. — М.: Академический проект, 2003. — С. 217-235; См. Алексеева Т.А. Современные политические теории. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 323.

⁶³ Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. — М.: РОССПЭН, 1998. — С. 7. Актуальна в этом смысле и работа Ф. Энгельса, показывающая, что современный ему рабочий класс именно «вставлен» в Современность и подчинен ей, что имеет крайне негативные последствия для существующего политического порядка: рабочий класс вынужден интегрироваться для преодоления сложившейся ситуации, вынужден сформировать собственную идентичность. В перспективе это становится вызовом для стабильности и интегрированности национальных государств. См. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений. — Т. 2. — М.: Издательство Политической Литературы, 1974.

стало трудно найти в реальной жизни, превращается в предмет ностальгии, в идеал, утерянный где-то в прошлом, в надежду на восстановление естественных и гармоничных связей⁶⁴. В условиях механистического общества теряется *привычная идентичность* с сообществом, которой не находится замены. Все это провоцирует и обостряет самые серьезные издержки Модерна: отчуждение, железную клетку рациональности, агрессивность как результат репрессивности рациональных институтов, разобщенность и фрагментированность, ставших предметами рефлексии для политических теоретиков, начиная с Маркса и Вебера и заканчивая представителями критической школы — Фроммом, Маркузе и Хабермасом⁶⁵. Политика стала открыта не просто для абстракт-

⁶⁴ См. Fremieux I., Albertazzi D. Discursive Strategies Around Community in Political Propaganda: The Case of Lega Nord // National Identities, Vol. 4, No. 2, 2002. — P. 146.

⁶⁵ Интересно, что указанные теоретики, отражая по сути одни проблемы, видели их под разными углами зрения, в различных воплощениях, и придавали им различный нормативный смысл. Для Маркса инструментальная рациональность, воплощенная в процессах капиталистического производства, приводит к искажению природы человека, к отчуждению от него продуктов собственного труда. Вызов капитализму и государству, бросаемый от имени отчужденных масс, безусловно позитивен. Вебер, предупреждая об угрозе механистического окостенения, исчезновения подлинных смыслов под давлением рациональной машины бюрократического господства, значительно более осторожен в нормативной оценке государства Модерна. Серия революций, поражение Германии в войне, нестабильность Веймарской Республики были как раз проявлениями отступления рациональности перед хаосом, перед новыми богами и пророками. Для Фромма проблема предстает под новым углом зрения: искажение природы человека, замещение свободной личности личностью авторитарной рассматривается в контексте анализа тоталитарных политических систем (фашизма, национал-социализма, большевизма), воплощающих веберовских новых богов и пророков. Альтернатива государства Модерна оказывается значительно более репрессивной и подавляющей, изменяя человека изнутри, лишая его свободы на уровне его психики, его внутренней системы координат. У Маркузе маятник смещается в другую сторону. Оправившаяся от тоталитаризма цивилизация остается репрессивной и искажающей. Она отождествляется со смертью, ибо стремится контролировать средства поддержания жизни. Именно поэтому бунт 1968 г. представляется как политическая борьба за жизнь, борьба за Эрос. У Хабермаса проблема отчуждения и искажения природы человека рассматриваются на уровне коммуникативного действия. Идеология и легитимация ограничивают и искажают коммуникацию. Однако решение проблемы лежит не в отказе от проекта Модерна, а, наоборот, в его завершении, в подлинной рационализации коммуникации. См. соответственно Маркс К. Экономические-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений. Т. 42. — М.: Изд-во Политической Литературы, 1974; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные

ных масс, но для масс все более отчужденных, агрессивных, фрагментированных, становящихся не только атрибутом, но и угрозой государству Модерна как таковому.

Именно по этой причине рациональному обществу потребовалось вернуться к идее сообщества, потребовалось воссоздать и постоянно поддерживать общую идентичность — чувство причастности к единому универсуму, чувство солидарности относительно общих целей и идей.

Кстати, сама возможность осознания этой потребности также исходит из инструментально-рациональных оснований проекта Современности. Речь идет о черте Модерна, которую Гидденс называет рефлексивностью: социальная и политическая практика постоянно изучаются экспертами. На основе рефлексии общество может осмысливать проблемы своего функционирования, реформироваться и изменяться⁶⁶, причем по мере своего развития современные общества становятся все более рефлексивными. Ульрих Бек, например, называет нынешнюю Современность (новый Модерн) рефлексивной Современностью⁶⁷. В обществе Модерна закрепляется мышление второго порядка как институционализированная, системная, регулярная деятельность.

Конечно, далеко не всякая рефлексия оказывается верной (поэтому Гидденс и называет современность обществом риска). Но в онтологическом смысле для политического сообщества не играет роль правильность или неправильность рефлексии. Играет роль ее наличие как таковой. Важно то, что в условиях декомпозиции времени и пространства и высокой рефлексивности политической системы, политическое сообщество уже не может строиться органично и эволюционно⁶⁸. В эпоху Модерна оно становится принципиально *другим*, превращаясь в средство решения проблемы, в предмет *конструирования и «воображения»*. Утра-

произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 207; Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: Прогресс, 1990; Маркузе Г. Эрос и цивилизация. — М.: АСТ, 2003. — С. 298-313; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. — С. 91-130.

⁶⁶ Цит. по Алексеева Т.А. Указ. соч. — С. 324.

⁶⁷ Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 10-12.

⁶⁸ Этот тезис, в своем «радикальном» виде, находит выражение в работах Поля Вирилио. См. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. — М.: Гнозис, 2002. — С. 13-22.

ченная коллективная идентичность воссоздается (но не возвращается сама по себе), представляя собой не осознание своей естественной общности, но ее «воображение» как причастности к общему политическому проекту. Современное общество, таким образом, становится слишком сложным для поддержания единства между своими членами посредством пространственной близости, а «воображение» образа общности превращается в альтернативное средство поддержания духовного единства социума. На политическом уровне предметом воображения становится *нация или нация-государство* как политическое сообщество. И именно «воображение» начинает отличать государство как политическое сообщество от государства как политического института. Попробуем раскрыть это положение.

Представляется, что государство как политический институт являет собой, прежде всего, рациональное установление, направленное на достижение определенных целей посредством выполнения конкретных функций. Институт государства — это формализованный нормативный комплекс, подразумевающий формальную систему ролей, статусов и взаимодействий, имеющих определенное организационное воплощение⁶⁹. В этом смысле государство как институт имеет *материальную* форму и предполагает инструментальное единство общества.

Государство как политическое сообщество, с другой стороны, представляет собой духовное единство, общую духовную правомочность, представление о «Мы» как о духовном теле. Это единство существует на уровне *идей*, и в механистическом обществе Модерна оно не может существовать в другом виде. Бенедикт Андерсон в своей работе «Воображаемые сообщества» отмечает, например, что члены даже самой маленькой нации не будут знать большинства своих «собратьев» лично, но в их умах между тем

⁶⁹ Представители различных направлений нового институционализма скорее всего критиковали бы это достаточно общее определение за акцент на формальной составляющей, утверждая, что такие неформальные составляющие как традиции, неформализованные кодексы и образцы взаимодействий также играют важную роль. Однако теоретики нового институционализма не отказываются (по крайней мере, явно) от рациональной природы институтов. Например, Даглас Норт, ставший классиком нового институционализма, анализирует функционирование политических институтов, в том числе и с точки зрения теории рационального выбора. См. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 4-7.

живет образ их общности. В этом смысле все сообщества, крупнейшие тех, которые объединены контактом лицом к лицу, являются «воображаемыми». Кроме того, нация как «воображаемое» сообщество не есть «воображаемая» копия государства как института с его вертикальными иерархиями, отношениями неравенства. Она «воображается» как горизонтальное товарищество⁷⁰, которое гарантирует солидарное действие и взаимопонимание.

В этом свете интересен тезис Корнелиуса Касториадиса о том, что посредством «воображения» существование коллектива наполняется неким весомым значением, определяющим его как нечто обособленно существующее, как *субстанцию*, чье бытие продолжается за пределами жизни составляющих его «тленных молекул». Общество определяет образ универсума, в котором оно существует, создает целостное единство воображаемых значений, где находит свое место как оно само, так и другие объекты, значимые для него⁷¹. Посредством воображаемых значений оно задает свою структуру, представление об окружающем мире, свое отношение к нему, свои потребности и желания, дает ответы на вопросы «кто мы есть как коллектив?», «чем мы являемся друг для друга?», «к чему мы стремимся?»⁷².

«Но что это и кто это — «мы», группа, коллектив, общество? Прежде всего, это символ, знак своего существования, которым наделяет себя каждое племя... Мы леопарды. Мы попугаи... Мы эллины — дети света... Мы Сыновья небесные... Мы дети Бога, пострадавшего за нас... Имя в данном случае не ограничивается *указанием*, оно провоцирует *определенные ассоциации*, отсылающие нас к означаемому, которое не принадлежит и не может принадлежать ни плану реального, ни плану рационального. Означаемое в данном случае рождается в поле воображения, каким бы специфическим не были содержание и природа этого воображения»⁷³.

Иными словами, определяя свою идентичность, социум «воображает» себя в качестве уникальной духовной целостности. Кроме того, в эпоху Современности «воображение» сообщества во многом представляет собой *политический процесс*, ведь совре-

⁷⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Канон-Пресс, 2001. — С. 31-32.

⁷¹ Там же. — С. 167.

⁷² Там же. — С. 165.

⁷³ Касториадис К. Воображаемое установление общества. — М.: Логос, 2003. — С. 166.

менный социум — это, прежде всего, общество в границах суверенного государства. Соответственно предметом «воображения» выступает именно нация-государство, а продуктом «воображения» — *политическое* сообщество, а не сообщество вообще.

Собственно политическая идентичность и задает пределы существования государства как политического сообщества. Оно существует как некая идеальная целостность, как духовная и ментальная реальность до тех пор, пока существует «воображаемый» политический проект, являющийся предметом согласия относительно того, что данная совокупность людей действительно представляет собой сообщество, в пределах которого все разделяют или должны разделять общие принципы и убеждения. Именно в этом смысле политическая идентичность выступает основой и механизмом «воображения» политического сообщества.

Политическая идентичность, таким образом, может быть определена как разделяемое гражданами представление о государстве, как *самоопределение* коллективного политического Я. Например, США как политическое сообщество определяются особой интерпретацией либеральных ценностей свободы, индивидуализма, главенства закона и т.п.⁷⁴, которая задает духовные основания американизма и служит критерием самоопределения американского государства⁷⁵.

Стоит, однако, еще раз отметить, что политическая идентичность может задавать концептуальные рамки не только нации-государства. Мы можем говорить, например, о Западе как о «воображаемом» политическом сообществе. Например, по мнению Кристофера Коукера, западная идентичность начала формироваться задолго до Утрехтского договора 1713 г., в котором Европа была названа христианским сообществом, а в течение XVIII в. она превратилась в чисто политическую концепцию⁷⁶. При этом Коукер открывает свою работу тем, что характеризует политический Запад как концепцию не органичную, не естественную, а в высшей степени искусственную⁷⁷. Возникает следующий во-

⁷⁴ См. об этом Судяков С.С. Понятие традиции в современном американском либерализме. — Калининград: Издательство КГУ, 2005. — С. 83-134.

⁷⁵ См. Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. — М.: Наука, 1990. — С. 103-141.

⁷⁶ Коукер К. Сумерки Запада. — М.: Московская школа политических исследований, 2000. — С. 27.

⁷⁷ Там же. — С. 7.

прос: если политическое сообщество (будь то Запад, некое мировое сообщество или нация-государство) «воображается», то является ли оно сконструированным образованием, и если это так, то кем оно конструируется?

Представляется, что «воображаемое» сообщество является сконструированным тогда, когда его «воображение» подчинено целерациональной логике. Когда оно «воображается» исходя из инструментально-рациональных целей: например мобилизации граждан и обеспечения их лояльности. Язык, раса, этничность, обычаи и традиции выступают основаниями для «воображения» *не сами по себе*, но выбираются, используются, утилизируются в качестве таковых⁷⁸. Кроме того, основанием общности служат политические проекты, политические концепции как интеллектуальные конструкты, в которые *вписываются* органичные традиции и обычаи. В качестве примера можно упомянуть случаи постсоветских государств, которые испытывали серьезную потребность в формировании своей политической идентичности как суверенных государств. В случае государств Балтии и отчасти в случае Украины в основу политической идентичности как самоопределения сообщества была положена идея (как интеллектуальный конструкт) о самостоятельности как «не советскости» и о возвращении в европейскую политическую семью. Именно в эту идею были вписаны язык и этничность как *политика* языка и *политика* этничности, подразумевавшие, в частности, исключение русского языка из публичной коммуникации, этническую дискриминацию, пересмотр традиций.

В то же время тезис о сконструированном характере сообщества содержит в себе некоторое противоречие. Отделяя государство как политический институт от государства как политического сообщества, мы отметили, что первое выступает как рациональное и формальное установление, а второе — как духовная правомочность. Но далее мы рассуждаем о политическом сообществе как о сконструированном образовании, которое «вообра-

⁷⁸ Целый ряд интересных публикаций на эту тему был напечатан в тематическом номере журнала «Логос». См. *Джозеф Дж.* Язык и национальная идентичность // Логос. — 2005. — № 4. — С. 4-32; *Биллинг М.* Нации и языки. // Логос. — 2005. — № 4. — С. 44-70; *Фишман Дж.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. — 2005. — № 4. — С. 116-124.

жается» исходя из вполне рациональных целей. Для снятия этого противоречия требуется сделать следующее уточнение. Рациональные цели, для которых существует политическое сообщество, не отменяют его идейной, духовной, возможно, даже чувственной сущности. Политическая идентичность как разделяемая концепция политического сообщества остается, выражаясь термином Токвилля, привычкой сердца (*habit of the heart*), хотя и изначально сконструированной для выполнения рациональных функций: сохранения солидарности и лояльности граждан через чувство принадлежности к сообществу, легитимности политического порядка, поддержания ценностных координат политического действия.

Кроме того, уязвимой позицией конструктивистского взгляда на политическое сообщество является вопрос об акторах, которые создают и «воображают» сообщество. В рамках конструктивистских и модернистских подходов (Энтони Гидденса, Шмуэля Эйзенштадта, Эрнеста Геллнера) в качестве допущения часто принимается положение о том, что политические лидеры и элиты выступают теми акторами, которые формируют политическое сообщество и создают нацию-государство. Элиты сознательно «строят» сообщество для обеспечения легитимности, лояльности и порядка. Более того, строительство нации, по сути, осуществляется путем навязывания политической идентичности гражданам посредством целого ряда социальных институтов. Политическая идентичность утверждается через СМИ, через систему образования и воспитания, контроля и надзора⁷⁹. Гражданин не выбирает идентичность и не строит сообщество на тех или иных принципах. Он *оказывается* в ситуации, когда принципы уже определены, и вынужден принять определенную идентичность⁸⁰.

⁷⁹ Большой интерес в этой связи представляет работа Деборы Рид-Донахью, в центре внимания которой — навязывание общегражданской политической идентичности французским крестьянам посредством школьного образования. Один из выводов работы — школьное образование способствовало утверждению общегражданской идентичности, но не смогло окончательно «переплавить» региональные особенности. См. *Reed-Danahay D.* Education and Identity in Rural France: the Politics of Schooling. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

⁸⁰ См. *Смит Э.* Национализм и модернизм. — М. : Праксис, 2004. — С. 52, 57.

Противники конструктивистов и модернистов — представители перенниализма (например, Джон Армстронг⁸¹), не отрицают того, что индивид оказывается в ситуации уже определенной идентичности и не выбирает ее. Для перенниалистов, однако, нация-государство представляется не сконструированным образованием, но политизированным этнокультурным сообществом, имеющим глубокие исторические корни. Культура и традиции служат сильным ограничителем конструктивистскому творчеству элит. Этнокультурные элементы слишком сильно укоренены в обществе, их крайне трудно изменить в одночасье, по воле рационального субъекта. Даже если предположить, что язык, этническая культура и традиции играют пассивную роль в «воображении» сообщества, их содержание само по себе задает серьезные рамки для его идейного содержания. Нация, таким образом, представляет собой не политическое, а этнокультурное сообщество, не феномен Нового времени, а извечный феномен, не механическое, а органическое целое⁸².

На наш взгляд, это возражение может получить несколько иное звучание. Конструирование политического сообщества как атрибут эпохи Модерна *уже* имеет свою историю, хотя эта история значительно короче истории этносов и национальных культур. Сконструированные политические проекты, укоренившиеся в обществе, сами становятся ограничителями для будущих «строителей» политического сообщества. Смысл политической идентичности состоит не в том, что это некий абстрактный проект или интеллектуальная конструкция. Этот проект значим для общества, разделяется гражданами, служит референтным пунктом, относительно которого люди *сознают* себя как единое политическое сообщество и *отождествляют* себя с ним. Выполняя рациональные функции, политическая идентичность сама по себе является нечто большим, нежели простой рациональный конструкт: она представляет собой смысл и эссенцию общности, часть его политической морали, выходящую за пределы рационального. Трудность произвольного изменения этого проекта, в социологическом смысле, заключена в инерционности духовных преставлений

⁸¹ *Armstrong J.* The Autonomy of Ethnic Identity: Historic Cleavages and Nationality Relations in the USSR / In *Thinking Theoretically about Soviet Nationalities* / Edited by A. Motyl. New York: Columbia University Press, 1992.

⁸² *Смун Э.* Указ. соч. — С. 58.

и скреп. Более того, на этом проекте выстраивается вся конфигурация политических институтов, политический курс и политическая практика. Его кардинальное изменение приведет к *бессмысленности* сложившейся политики, к ее разрушению как политического сообщества, а затем и как института. Именно поэтому возможна лишь модификация, достройка, «доконструирование» сложившихся принципов. Политическая идентичность, таким образом, уподобляется многослойному коралловому рифу: возможно изменить его часть, но нельзя преобразовать его как целое⁸³.

Исходя из выдвинутых положений возникают два вопроса. Первый вопрос: если мы понимаем политическую идентичность как осознание общности относительно некоего политического проекта, то не проще ли будет заменить политическую идентичность политическим (или национальным) самосознанием? И второй вопрос: если мы понимаем политическую идентичность как политическое самоопределение или «самоконцепцию», то не проще ли будет заменить политическую идентичность понятием идеологии? Ведь на первый взгляд оба эти феномена могут с тем же успехом быть основанием политического сообщества.

Отвечая на эти вопросы, следует отметить, что понятия политическая идентичность, политическое сознание (самосознание) и политическая идеология, безусловно, близки друг другу. В логическом смысле они вполне могут находиться в отношениях пересечения, подобно тому как понятие власть пересекается с понятиями господство, мощь или могущество. Но ни господство, ни мощь, ни могущество не определяют полностью те значения, которые определяет понятие власть. *Теоретическая потребность* в том или ином понятии возникает тогда, когда близкие концеп-

⁸³ Эта аналогия заимствована у Бо Ротстайна, который уподобляет коралловому рифу институциональную структуру общества. Институты при этом понимаются в неоинституционалистском ключе, то есть не только как формализованные образования, но и как неформальные нормативные порядки. Ни один агент не может изменить институциональную структуру в целом, так как новые институты создаются на месте уже существующих в разные периоды времени институтов, разными агентами. Они укоренены в социальных практиках и «социальной памяти». Люди не выбирают институты, напротив, институты выбирают подходящих людей. См. *Pom-stain B.* Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманна. — М.: Вече, 1999. — С. 168; См. также *Rothstein B.* Trust, Social Dilemmas and Collective Memories // *Journal of Theoretical Politics*, No 12 (4), 2000. P. 477-501.

ты обнимают лишь часть смысла, но их потенциала не хватает чтобы образовать некое новое целостное смысловое ядро. Новое понятие (а политическая идентичность — новое понятие для российского дискурса) заполняет те лакуны, которые не заполняются близкими понятиями. Концепты самосознания и идеологии в свете проблематики исследования такие лакуны, несомненно, оставляют.

Представляется, что самосознание есть отождествление обществом себя с неким образом. Но этот образ чрезвычайно изменчив, его смысловые границы весьма широки и подвижны. В политическом смысле ему недостает ясности, определенности, некоторой стабильности, четкости границ (несмотря на инерционность). Ему недостает *проектности*. Этот недостаток с лихвой восполняется концептом идеологии как эмоционально окрашенного комплекса взаимосвязанных в единой логике нормативных представлений об устройении общества. Но в идеологии теряется *консенсусность* самосознания. Трудно представить себе общество, где не было бы конкуренции идеологий: такая конкуренция существует даже в авторитарных обществах. Еще труднее представить себе ситуацию, когда граждане *жертвуют* собой ради страны потому, что в ней на выборах победила та или иная партия, идеологический проект которой будет реализовываться в ближайшие четыре года. Жертва требует чего-то большего, чем идеология, ведь идеологическую принадлежность, равно как и принадлежность к партии, можно легко сменить, тогда как принадлежность к нации-государству как духовному сообществу сменить значительно труднее.

«Смерть за Родину, которую обычно не выбирают, приобретает такое моральное величие, с которым не может сравниться смерть за Лейбористскую партию, Американскую медицинскую ассоциацию или, даже скажем, за «Международную амнистию», ибо это такие организации, куда можно по собственной воле войти и откуда можно по собственной воле выйти»⁸⁴.

Концепты идеологии и самосознания, таким образом, недостаточны для понимания нации-государства как политической духовной общности людей. Эта недостаточность наглядно проявляется если разместить эти два понятия на оси перенниализм —

⁸⁴ Андерсон Б. Указ. соч. — С. 162.

модернизм. Для крайних перенниалистов ключевым будет понятие самосознания, как то: что исходит непосредственно из общества, его культуры, традиций и исторических корней. Для крайних модернистов, напротив, ключевым будет понятие идеология как интеллектуальный конструкт, навязываемый обществу. По всей видимости, понятие политической идентичности находится где-то посередине. Государство как политическое сообщество не может «воображаться» на основе абстрактного проекта, который был бы пустым звуком для граждан страны. Этот проект должен приниматься и *переживаться* ими. С другой стороны, в эпоху Современности, с ее рациональностью и рефлексивностью, основой политического сообщества не может быть только лишь самосознание с его подвижностью и широтой границ. В сложных обществах современности самосознание должно быть кристаллизовано, должно носить проектные рамки.

Конечно, подобное разделение весьма условно. Оно уязвимо для критики в силу того, что и самосознание и идеология сами по себе являются сложными, многозначными и не конвенционными понятиями. Иная интерпретация этих концептов может обесценить заданные границы между ними. Однако сложность понятий как раз и является причиной, по которой необходимо их ограничивать, задавать отношения между ними, которые действовали бы, по меньшей мере, в контексте предлагаемого исследования.

Итак, «воображаемое» сообщество во введении было обозначено как один из кластеров понятия политической идентичности. Это означает, что концепт политической идентичности получает свою интерпретацию через понятие политического сообщества как «воображаемого». Мы выявили, что нация-государство представляет собой специфический вид политического сообщества, сформировавшийся в условиях эпохи Современности. Было прослежено, почему в условиях Современности мы можем называть нацию-государство «воображаемым» и сконструированным сообществом, какие черты Модерна делают сообщество таковым. Исходя из природы современного политического сообщества политическая идентичность нации-государства была определена как рациональный политический проект, подчиняющий себе органические основания социального единства нации: язык, традиции, этническую культуру. Этот проект заключает в себе основа-

ния для осознания людьми своей политической общности, а следовательно, представляет собой средство и механизм «воображения» политического сообщества.

§ 2. Политическая идентичность: маркирование границ сообщества и актуализация Другого

Большинство источников, российских и зарубежных, ссылающихся на концепцию сообщества Бенедикта Андерсона, делают акцент на его «воображаемом» характере. Между тем Андерсон выделяет еще одну черту, которая является не менее значимой. Речь идет об ограниченности политических сообществ, о наличии *пределов*, в рамках которых оно «воображается» *суверенным* образованием, отличным от *других* сообществ. Любая нация, отмечает Андерсон, представляется ограниченной в силу того, что даже самая крупная из них имеет конечные, хотя и достаточно гибкие, границы. Нация эпохи Модерн «воображает» себя как суверенное сообщество и государство, видя в суверенитете залог и символ своей свободы⁸⁵. Политическая идентичность, таким образом, выступает не только концепцией или проектом самого политического сообщества, но и представлением о других сообществах, в соотнесении с которыми актуализируется собственная уникальность и границы.

Формирование образа Другого и маркирование границ, однако, не представляет собой исключительно черту политического, будучи характерным для группового, поведения в целом. Этот тезис выдвигался, в частности, антропологами и этнографами. Одной из исходных гипотез выступало предположение Эмиля Дюркгейма, выдвинутого им в контексте теории о разделении труда. Выделение «внутренней» группы по необходимости влечет за собой ее отграничение от «внешних групп», и такое отграничение является *активной и постоянной* частью формирования идентичности. Создание и маркирование границ есть не просто следствие интеграции, но представляет собой один из ее априорных компонентов⁸⁶. Изучая этнографические проблемы, Дюрк-

⁸⁵ Андерсон Б. Указ. соч. — С. 30, 32.

⁸⁶ Цит. по Нойман И. Указ. соч. — С. 29. См. также Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Метод социологии / Под ред. А.Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990. — С. 118.

гейм, в соавторстве с Марселем Моссом, приходит к выводу о том, что классификация вещей, распределение их по группам, иерархиям, отличным друг от друга, является функцией человеческой деятельности уже на уровне первобытных обществ. Причем классификация проводится как на мифологическом уровне (например, разделение земного пространства на «сферы влияния» различных богов), так и на уровне реальной социальной деятельности (например, дробление на кланы). Первобытные классификации по своему характеру не отличаются от классификаций самых современных и культурных народов. Более того, источником классификаций, которые включают в себя также и определение места своей группы по отношению к значимым Другим, является группа, а не индивид. Классификации, таким образом, представляют собой *коллективные представления*, навязываемые индивиду группой⁸⁷.

Тезис о маркировании границ и «воображении» Другого в той или иной степени проходит через исследования и других антропологов. В мифах примитивных племен, изученных Клодом Леви-Стросом, прослеживается мотив отграничения группы от Других, выражаемый в форме бинарной оппозиции. Помимо отношений свой — чужой, подразумевающих отграничение от других групп или от собственных изгоев, в них прослеживается и определение границ между группой и сверхъестественными существами. Следует, однако, отметить, что сама эта оппозиция не является предметом мифов. Она как бы встроена внутрь мифов о происхождении земли, женщин, мяса, табака, огня и т.п.⁸⁸ Эта же оппозиция присутствует и в мифах, исследованных Брониславом Малиновским, в которых Другой выступает в самых разных вариациях, но он, как правило, всегда подчеркивает своеобразие той группы, к которой принадлежит рассказчик⁸⁹. Кроме того, в одной из своих работ Малиновский отмечает, что очерчивание границ (дома, клана, племени и т.п.) является одной из форм культурного ответа

⁸⁷ См. Дюркгейм Э, Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации / Мосс М. Общества, обмен, личность. — М.: Восточная литература РАН, 1996. — С. 7, 10, 67-68, 71-72.

⁸⁸ Леви-Строс К. Мифологии: сырое и приготовленное. — М.; СПб.: Университетская книга, 1999. — С. 41-43, 67-73, 93, 98-105.

⁸⁹ Малиновский Б. Миф в первобытной психологии / Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. — М.: РоССПЭН, 2004. — С. 293, 295.

на потребность в безопасности. При этом упование на защиту своих границ воспроизводится как на символическом уровне (мифы, верования), так и на уровне институтов⁹⁰.

Другой классик антропологии, Альфред Реджинальд Рэдклиф-Браун, выдвинул тезис о том, что тотемизм в примитивных обществах служит выражением *клановой солидарности*. Когда общество делится на кланы, происходит процесс ритуальной специализации: каждый клан обретает особое отношение к какому-то одному природному виду. Эта принадлежность задает и символические границы клана, и его уникальность и непохожесть на других. Но тотемизм выполняет также и интегрирующую функцию в том смысле, что различные тотемы принадлежат к одному *тотемическому сообществу*, что создает единое поле символического взаимодействия для многих кланов внутри широкого сообщества⁹¹. Социальными метками в примитивных обществах выступают не только тотемы, но и обычаи и ритуалы в целом. Этот тезис предложил, в частности, Лесли Уайт. Солидарность группы, согласно Уайту, находит свое выражение в традиционных знаках отличия, которые являются критерием границ между Мы и Они. Обычай служит средством объективизации чувства солидарности, и эта объективизация делает более эффективной передачу чувства солидарности от поколения к поколению⁹².

Формирование границ становится непосредственным предметом этнографического исследования в трудах Фредерика Барта. В работе «Этнические группы и границы» Барт выступает с гипотезой о том, что этнические группы воспроизводятся благодаря воспроизводству границ, которые отделяют их от других групп. Эти группы рассматриваются в качестве Других в силу отсутствия или присутствия той или иной особенности. Идентичность, следовательно, должна изучаться с точки зрения маркеров границ сообщества или группы, которые Барт назвал «диакритиками»⁹³. Антропологами также был выдвинут следующий тезис: маркеры

⁹⁰ Малиновский Б. Научная теория культуры. — М.: ОГИ, 1999. — С. 101-102.

⁹¹ Рэдклиф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. — М.: Восточная литература РАН, 2001. — С. 149-151.

⁹² Уайт Л. Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима // Уайт Л. Избранное: эволюция культуры. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 278.

⁹³ Цит. по Нойман И. Указ соч. — С. 29. См. также Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: Long Grove: Waveland Press, 1998.

границ имеют скорее не географический, а символический характер. Их формирование имеет ритуальную форму. Подобная точка зрения была сформулирована, например, американским антропологом Эдмундом Личем в его концепции социальных границ⁹⁴. Интересен также и тезис американского социолога Льюиса Козера о том, что наличие внешнего оппонента (Другого), а тем более конфликт с ним, усиливает внутреннюю сплоченность группы⁹⁵, что значительно актуализирует коллективную идентичность⁹⁶.

Следует отметить, что в исследованиях антропологов и социологов речь, как правило, идет о культурно-специфических границах, которые задаются религией, языком, обычаями и т.п. Соответственно предметом изучения антропологов выступают скорее культурные сообщества и культурные идентичности. Между тем антропологи нередко делают вывод о том, что природа идентичности в простых и сложных обществах имеет *сходный* характер. Нас в этой связи интересует следующий вопрос: как образцы формирования и функционирования идентичности на уровне культурного сообщества реализуются на уровне сообщества политического и что в процессе усложнения обществ позволяет нам говорить о выделении *политической идентичности*?

В логике анализа идентичности сквозь призму отношения Мы — Другие можно предложить следующую версию ответа на этот вопрос. Появление политического сообщества связывается с потребностью в *военном порядке*, в интеграции с целью обеспечения безопасности перед лицом внешних угроз. Военное сообщество требует того, что Малиновский называет политическим элементом, то есть навязывания определенного порядка с помощью насилия. Появление политического элемента превращает

⁹⁴ Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. — М.: Восточная литература РАН, 2001. — С. 44-47.

⁹⁵ См. Козер Л. Функции социального конфликта. — М.: Идея-Пресс, 2000. — С. 111-120.

⁹⁶ О механизмах формирования символических границ см., например, следующую работу Чарльза Тилли: Tilly Ch. Social Boundary Mechanisms // Philosophy of the Social Sciences, Vol. 34, No 2, June 2004. P. 211-236. Подход Тилли заслуживает особого внимания. Тилли рассматривает формирование идентичности и символических границ сквозь призму социальной интеракции между индивидами. Именно совокупность индивидуальных действий трансформирует границы и идентичности. В этом смысле Тилли продолжает методологическую линию, заданную в том числе социологией Макса Вебера. См. Tilly Ch. Identities, Boundries and Social Ties. Boulder: Paradigm Publishers, 2005.

племя из культурной единицы в единицу политическую, то есть в такое сообщество, где интеграция обеспечивается не только благодаря культурным обычаям, но и посредством политической власти. Малиновский отмечает, что образование таких сообществ происходит на поздней стадии развития и именно власть как инструмент интеграции и обеспечения военного порядка отличает государство от нации⁹⁷.

Предположение о несовпадении культурного и политического сообщества уже на *ранних стадиях* человеческой истории выдвигает и французский политический теоретик Раймон Арон, который отмечает, что оно представляет собой скорее правило, нежели исключение. Если культурное сообщество определяется системой изначально присущих ему норм и ценностей, то политическое сообщество возникает как ответ на вызовы внешнего мира, как реакция на потребность в независимости и *военном суверенитете*. Появляется политический Другой — иностранец или чужак, биться и воевать с которым не есть преступление. Однако дисфункцией подобной ситуации становится противоречие между потребностями организации общества в форме военного порядка и его культурными нормами, противоречие между *политической* добродетелью и *просто* добродетелью⁹⁸. Те, кто сражается под одними знаменами, констатирует Арон, не всегда почитают одних богов, а воюющие между собой иногда поклоняются одним богам. Такое несовпадение имеет две основные причины: политическое сообщество представляет собой результат господства победителей над побежденными Другими или же результат фрагментации одного народа на военные сообщества, каждое из которых «исполнено желанием» быть автономным. Несовпадение политического и культурно-

⁹⁷ Малиновский, по всей видимости, понимает власть также как ее понимал и Вебер, то есть как способность индивида А навязывать свою волю индивиду Б. Нацию же британский антрополог понимает с точки зрения примордиалистского подхода. См. *Малиновский Б.* Научная теория культуры. — М.: ОГИ, 1999. — С. 56-67, 102.

⁹⁸ Арон в этой связи делает интересное замечание о том, что это противоречие часто приводит к воображению идеального и безупречного общества как единственного в мире, изолированного на острове или отделенного пустынями. В качестве примера можно привести Город Солнца Томмазо Кампанеллы, который ограничен от внешнего мира неприступными крепостными стенами и управляется жрецом в соответствии с волей высших сил. См. *Кампанелла Т.* Город Солнца // Утопический социализм. Хрестоматия / Под ред. А.И. Володина. — М.: Политиздат, 1982; *Арон Р.* Мир и война между народами. — М.: Nota Bene, 2000. — С. 355.

го сообщества, по мнению Арона, проявляется уже в античности, на уровне древнегреческих городов-полисов.

В эпоху античного Рима такое несовпадение становится еще большим. Многочисленные народы и культуры в конечном итоге оказываются в ареале одного политического сообщества, которое, однако, не выдерживает военного натиска варваров — новых Других. Впоследствии то же происходит и с Византийской империей. Целый ряд средневековых европейских государств образуется на основе политического превосходства того или иного племени или этноса, которое объединяет соседей в рамках единых политических образований. Именно таким образом образуются средневековые Франция, Польша, Киевская Русь. Политическим Другим для этих государств являются, прежде всего, не соседние государства как культуры, а соседние государства как военные порядки. Именно поэтому относительно легко происходит дезинтеграция и реинтеграция этих государств, их дробление на уделы отдельных феодалов и их новые воссоединения.

Однако несовпадение политических и культурных границ вовсе не означает отсутствие взаимосвязи между ними. Политический элемент формирования границ нередко *подчиняет* себе существующие культурные диакритики. Наполнение политических границ символическим смыслом способствует преодолению разрыва между требованиями политического порядка и культурным контекстом, то есть утверждает его легитимность. Политические границы поддерживаются, например, общей религиозной принадлежностью (христиане против мусульман, католики против протестантов и т.п.) письменностью или традициями. В ареале одного государства нередко оказываются более или менее родственные этнические и языковые группы. Но в Средние века политическая идентичность как механизм маркирования границ представляет собой феномен, присущий лишь части общества, а именно благородному сословию. Политические границы часто представляют собой не границы между народами, а границы между *владениями* тех или иных королевских династий. Сами же эти владения включают в себя владения аристократов, чье политическое единство обеспечивается вассальной преданностью одному монарху. Объединяя аристократов, такая политическая идентичность не объединяет всех подданных государства, которые живут еще преимущественно в рамках органичных сообществ. Для них политические границы, находящиеся за

ареалом их общины, носят весьма условный характер, тем более что они часто меняются, а Другие определяются скорее культурно, а не политически. Не случайно объединения этносов перед лицом внешней угрозы были значительно более эффективны, когда в качестве такой угрозы выступали культурно Другие: объединение русских против татар, поляков и литовцев — против тевтонцев и т.п.

Наступление эпохи Модерна знаменует тот этап, когда *совпадение* культурных и политических границ становится одним из центральных нормативных требований. Просвещенческие ценности свободы, прогресса и демократического равенства увязываются с идеей политического самоопределения наций, с идеей о преобразовании народа государства в нацию граждан. Именно в рамках этой идеи, как пишет Юрген Хабермас, «...подданные государства — выходя за рамки наследственной лояльности по отношению к деревне и семье, к местности и династии — образуют новую форму коллективной идентичности. Культурные символы «народа»... порождают некое воображаемое единство и благодаря этому способствуют осознанию жителями одной и той же государственной территории их взаимопринадлежности, до сих пор остававшейся абстрактной и опосредованной лишь юридически»⁹⁹.

Идентичность как отождествление себя с органическим сообществом заменяется политической идентичностью как отождествлением себя с нацией и государством, существующих на основе «воображаемого» политического проекта. Соответственно изменяется и *представление* о границах сообщества. С распадом органических сообществ и формированием современных государств границы приобретают политический смысл, *одинаковый* для всех граждан. Он определяется, с одной стороны, тем, что все граждане осознают себя членами *одного политического сообщества* (государства), имеющего более или менее определенные территориальные и символические границы. С другой стороны, символические границы сообщества превращаются в предмет политического конструирования¹⁰⁰. В эпоху Модерна формировавшиеся

⁹⁹ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. — 2003. — № 4-5. — С. 110-111.

¹⁰⁰ В этой связи можно вспомнить идею Карла Хаусхофера о необходимости воспитания у нации и граждан «чувства границы». См. Хаусхофер К. Границы в их геополитическом значении // Классика геополитики: XX век / Сост. К. Королев. — М.: АСТ, 2003. — С. 339-347.

веками культурные диакритики и границы окончательно становятся подчиненными национальному политическому проекту и политическим принципам. «Культурные символы народа», о которых пишет Хабермас, порождают символический и культурный суверенитет не сами по себе, но будучи подчинены логике конструирования государств как политических образований, использующих культурные сходства и различия для мобилизации граждан с целью достижения тех или иных политических целей. Например, мобилизация посредством институтов всеобщей воинской повинности становится значимым условием военного суверенитета. Тогда как мобилизация посредством электоральных институтов стала определять легитимность и стабильность политической системы. И то, и другое потребовало *унификации* граждан внутри сообщества и выноса *инаковости* за его пределы.

Одним из знаковых примеров формирования политической идентичности в эпоху Современности как унификации и выноса инаковости за пределы сообщества представляет собой «якобинская» традиция во Франции. В ее основе лежит идея об обществе как плавильном котле (*melting pot*). Стратегия формирования политической идентичности состояла в том, чтобы бескомпромиссными способами «переплавить» население, благодаря определению того, что есть гражданство и в чем состоят политические принципы общества. Самоопределения, противоречащие или отличающиеся от принципов гражданской принадлежности, признавались неприемлемыми и антипатриотичными¹⁰¹. Внутри своей нации-государства Мы разделяем общие политические цели и принципы, общие представления о благе, подкрепленные общими культурными традициями, исключая Других среди нас¹⁰². *Политический и национальный* суверенитет, таким образом, совпадают в границах нации-государства.

¹⁰¹ Tailor Ch. Op. cit. P. 272.

¹⁰² В качестве внутренних Других могут выступать не только представители других этносов. Это могут быть собственные сограждане, чей менталитет кардинальным образом отличается от координат, задаваемых элитами. В случае Франции подобными Другими выступали, например, крестьяне, жившие в «периферийных» регионах. Отвечая на вызовы ассимиляции в рамках единой идентичности, региональные элиты актуализировали местные особенности, а также религиозные компоненты региональной идентичности. См. Ford C. Creating the Nation in Provincial France: Religion and Political Identity in Brittany. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Но суверенитет не существует обособленно. Такое существование суверенитета, как отмечает Мишель Фуко, приводит к его сущностной заикленности: мы вращаемся в кругу суверенитета, соотносящегося с самим собой и в кругу соотносящегося с самим собой государства¹⁰³. Политическое сообщество является суверенным еще и в свете существования других сообществ и других суверенитетов. Суверенитет подразумевает не только обеспечение *общего* блага, но и защиту от посягательств извне. В этом свете актуализация политического Другого становится неотъемлемой чертой формирования национальных государств. Другой становится представителем не только иной культуры и иной территории, но носителем иных политических принципов.

Боле того, логика Модерна подразумевает, что государства, разделяющие другие принципы и цели, должны в конечном итоге быть ассимилированы и принять «наши» принципы как более правильные. Модерн таким образом знаменует собой выход политических проектов, реализованных на уровне национальных государств, на сцену международных отношений. Речь идет, прежде всего, о либеральном и социалистическом проектах. Классик реалистической теории международных отношений Ганс Моргентау отмечает, что либерализм вышел на сцену международных отношений после Французской революции, когда Франция заявила о том, что будет поддерживать те страны, где люди борются за свое освобождение¹⁰⁴. Как ответ на этот вызов на международную арену выходит радикальный консерватизм: Венская система международных отношений строится на принципе вмешательства великих держав в дела суверенных государств с целью предотвращения в них революций и сохранения монархий. Либерализм, с другой стороны, осуждая войны и военные конфликты как нечто иррациональное и присущее авторитарным режимам, вместе с тем не видит ничего иррационального в «последней и окончательной войне» за свободы человека, за их привнесение в «несвободные общества»¹⁰⁵. Война за свобо-

¹⁰³ Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) // Логос. — 2003. — № 4-5. — С. 12.

¹⁰⁴ Morgenthau H.J. Scientific Man vs. Power Politics. Chicago: The University of Chicago Press, 1946. P. 57.

¹⁰⁵ Интересное исследование на эту тему представлено в недавней работе Марка Хааса. См. Haas M.L. The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789-1989. Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 40-105.

ду покончит с авторитарным, несвободным, а значит, враждебным Другим, снимет диалектическое противоречие, приведя к гармоничному синтезу. То же относится и к социализму. Война революционных стран с контрреволюционными покончит с классовым неравенством в последних и опять же приведет к ассимиляции «неправильного» Другого¹⁰⁶. В эпоху Современности оппозиция Мы — Они реализуется не только в виде конкуренции национальных интересов государств, но и в конкуренции их политических проектов.

Таким образом, проблематика границ и значимого Другого может иметь двойное выражение: она может затрагивать политическую идентичность сквозь призму отношений Мы — Они внутри государства и сквозь призму оппозиции Мы — Они в рамках отношений между государствами. Или, используя аналогию Бернхарда Вандельфельса, дискуссия затрагивает проблему политической идентичности в рамках двух форм «чужести»: «чужести» внутри «родного мира», принадлежащей к его внутреннему горизонту, и «чужести» вне «родного мира», принадлежащая к его внешнему горизонту¹⁰⁷.

Проблема политической идентичности и границ между Мы и Они как внутренняя проблема, на первый взгляд, не является столь актуальной: если мы принадлежим к одному сообществу, то мы и составляем единое целое, а Другие находятся вне сообщества. Однако политическая практика показала, что модернистская унификация и «переплавка» граждан наталкивается на серьезные препятствия. Речь идет, прежде всего, о языковых и культурных различиях, которые могут быть использованы в политических целях. Последнее столетие нередко демонстрировало случаи, когда политическая актуализация культурных различий приводила к дезинтеграции многосоставных обществ, казалось бы прочно объединенных политическими принципами. Один из примеров — кризис социалистического проекта и распад Советского Союза: дезинтеграция государства, скрепленного политическими принципами, не в последнюю очередь была детерминирована ростом этнического национализма в союзных республиках. И в настоящее время политическая целостность ряда

¹⁰⁶ Morgenthau H.J. Op. cit. P. 51-53.

¹⁰⁷ Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. — 1994. — № 6.

современных развитых государств ставится под сомнение использованием культурных различий для обретения суверенитета: речь идет о таких странах, как Канада (проблема Квебека)¹⁰⁸, Италия (проблема Северной лиги¹⁰⁹) и др.

Любая внутренняя унификация, таким образом, имеет свои пределы. Даже самая интенсивная «переплавка» граждан не сможет преодолеть внутренних различий, а следовательно, принципы, лежащие в основе политической идентичности, должны представлять собой определенный баланс. С одной стороны, они должны признаваться общими для всех граждан, быть предметом их консенсуса. С другой — они должны оставлять поле для проявления различными группами и меньшинствами своей индивидуальности. В противном случае между политическими принципами и культурными особенностями возникает противоречие: политические принципы выполняют функцию унификации, тогда как культурно отличные группы, стремясь оказать сопротивление ей, усиливают актуализацию своей инаковости¹¹⁰. Напротив, политическая идентичность нации-государства, выступающая средством добровольной интеграции различных сегментов политического сообщества при сохранении их своеобразия, снижает возможности использования культурных различий для создания границ внутри сообщества, которые могут стать причиной его дезинтеграции.

Выдвинутое положение особенно актуально в свете того, что современные государственные сообщества становятся все более «мультикультурными», в то время как реакция якобинского типа — все менее стойкой. Чарльз Тейлор, например, видит в этих процессах не просто тенденции, но сдвиг в цивилизационных ориентациях, который начал происходить приблизительно в 1960-х гг. «Мысль о том, что человек обязан подавить собственную инаковость для того, чтобы вписаться в некое доминирующее большинство, способ жизни которого в данном обществе признается

¹⁰⁸ См. *Brodie J.* Citizenship and Solidarity: Reflections on the Canadian Way // *Citizenship Studies*, Vol. 6, No 4, 2002. P. 377-393.

¹⁰⁹ См. *Agnew J., Brusa C.* New Rules for National Identity? The Northern League and Political Identity in Contemporary Northern Italy // *National Identities*, Vol. 1, No 2, 1999. P. 117-130.

¹¹⁰ См. *Куропятник А.И.* Идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2000. — Т. 3. — № 2. — С. 57-58.

как единственно законный, постепенно выветривается. Феминистки, культурные меньшинства, гомосексуалисты, религиозные группировки — все требуют, чтобы господствующий политический принцип был пересмотрен для того, чтобы принять их, но не соглашаются на обратное: на пересмотр собственных отличий с тем, чтобы вписаться в доминирующую культуру»¹¹¹.

Более того, по мнению Тейлора, Другие уже сами не ощущают потребности в ассимиляции, которая, несомненно, присутствовала ранее. Они начинают осознавать свою функцию — изменять принявшее их сообщество¹¹², а не приспосабливаться и ассимилироваться¹¹³. По всей видимости, характерной чертой развития политического проекта эпохи Модерна является то, что все чаще происходит процесс, о котором Исайя Берлин рассуждал следующим образом. Возможность единой формулы, позволяющей привести в гармонию все разнообразные цели людей, в силу своей негибкости, обязательно наталкивается на ход человеческой истории, который не будет с ней согласовываться; эта формула — плод наших ошибочных представлений о прошлом и будущем, плод нашего воображения. Стремясь сохранить абсолютные категории, мы в равной степени подрываем принципы науки и истории¹¹⁴. Представляется, вместе с тем, что сам «ход человеческой истории», который ломает формулы и схемы, есть не в меньшей степени *продукт нашего воображения и наших интерпретаций*. Мы можем говорить о сосуществовании различных формул (интерпретаций историй и в конечном счете идентичностей), но не о выходе за ее пределы.

Таким образом, проблема Мы — Они на уровне нации-государства выражается в следующих тенденциях. С одной стороны, продолжение модернистского тренда совпадения культурных и политических границ: распад колониальной системы, а затем дезинтеграция СССР способствовали обретению многими нациями политической субъектности и преобразованию националь-

¹¹¹ *Taylor Ch.* Op. cit. P. 279.

¹¹² *Ibid.* P. 279.

¹¹³ В качестве примера могут служить мусульманские меньшинства некоторых балканских государств. См. *Mentzel P.* Identity, Confessionalism and Nationalism // *Nationalities Papers*, Vol. 28, No 1, 2000. P. 7-11.

¹¹⁴ *Берлин И.* Две концепции свободы // *Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тэйлор, Уолдрон* / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М.: Прогресс-Традиция, 1998. — С. 40-42.

ной идентичности в идентичность политическую. Стоит, однако, отметить, что далеко не во всех случаях политическая идентичность и сам характер новых государств стали похожими на те, что сформировались в «старых» демократиях. Джон Лукач, например, характеризует это явление как трайбализм, переросший в государственность. «Трайбализм, который перерос в государственность в Африке, Азии и Океании после отречения колониальных империй, теперь имеет место в Восточной Европе и Российской империи (он может также затронуть Западную Европу и Канаду, рано или поздно — кто знает?)»¹¹⁵.

С другой стороны, наблюдается явная неспособность государств, особенно многосоставных, к преодолению границ внутри сообщества, к унификации граждан в рамках единых политических принципов. Эта неспособность становится все более актуальной по мере притока иммигрантов из стран третьего мира в страны, являвшихся центрами и образцами модернизации. Подобные тенденции несомненно представляют собой вызов для политической идентичности этих государств: как определить себя и «свое» сообщество, что понимать под инаковостью, кто должен играть роль Другого, если собственное общество становится все более и более гетерогенным?¹¹⁶

В контексте отношений между государствами проблема политической идентичности предстает в ином ракурсе. Если внутри границ государства инаковость представляется как трудность и препятствие для формирования политической идентичности, то в сфере международных отношений наличие Другого, наоборот, способствует ее определению и кристаллизации. Через противопоставление другим нациям-государствам подчеркивается уникальность собственного политического проекта, определяют-

¹¹⁵ Лукач выражает опасения и относительно того, что трайбализм сможет затронуть даже США, особенно южные штаты, в которых испаноязычное меньшинство в перспективе перерастет в большинство. См. *Лукач Д.* Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. — СПб.: Наука, 2003. — С. 220. В отношении испаноязычных меньшинств в США интерес представляет также и одна из статей Сэмюэля Хантингтона. См. *Huntington S.* The Hispanic Challenge // *Foreign policy*, March-April, 2004. P. 30-45.

¹¹⁶ Версию ответа на этот вопрос в политико-философском ключе дает, например, Уилл Кимлика в одной из своих работ. См. *Kymlicka W.* Multicultural States and Intercultural Citizenship // *Theory and Research in Education*. Sage Publications, Vol. 1 (2), 2003. P. 147-169.

ся национальные интересы и сверхзадачи, а государственные границы приобретают символический смысл. Так, например, немецкая политическая идентичность после объединения Германии во второй половине XIX в. во многом формировалась через противопоставление Франции, Великобритании и России. Политическая идентичность СССР поддерживалась в логике противодействия враждебному буржуазному окружению, а идентичность США как оплота свободы и демократии — в логике противодействия «империи зла»¹¹⁷. Образ Другого и образ собственного сообщества являются при этом предельно абстрактными и мифологизированными. Однако для формирования и поддержки идентичности роль играет не соответствие действительности образа Другого (равно как и образа собственного сообщества), но его соответствие задаче символического отграничения от Другого и актуализации собственной уникальности¹¹⁸.

Более того, практика международных отношений показывает, что на основе актуализации Другого конструируются не только политические идентичности национальных государств, но и идентичности международных сообществ. В качестве примера может служить Запад как политическое сообщество. Отграничение от Другого являлось ключевым механизмом в процессе формирования западной политической идентичности. Еще в Средние века место Другого в сознании европейцев было прочно занято образом сначала «сарацина», а затем «турка», причем «турок» играет

¹¹⁷ Большой интерес в этой связи представляют исследования конструирования Другого в американской печати, прессе и СМИ. Помимо ставших классическими работ Дэвида Кэмпбела, заметным трудом стал анализ американской ученой Джоан Шарп представления СССР как политического Другого на страницах *Reader's Digest* во время «холодной войны»; См. соответственно: *Campbell D.* Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991; *Campbell D.* Politics without Principle: Sovereignty, Ethics and the Narratives of the Gulf War. Boulder: Lynne Rienner, 1993; *Sharp J.* Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000.

¹¹⁸ В этом свете примечателен анализ представлений немецких и русских философов о Германии и России, а также о странах, являющихся для них значимыми Другими, проведенный В.С. Малаховым. Образы значимых Других формируются в сходной логике и по сходному алгоритму, в который «подставляются» нужные значения. См. *Малахов В.С.* Что значит «мыслить национально»? Из истории немецкой и русской мысли первой трети XX века // *Логос*. — 2001. — № 5-6. — С. 4-9.

роль Другого вплоть до настоящего времени¹¹⁹. Значимую роль в формировании западного (европейского) сообщества играет христианство¹²⁰, которое долгое время служит одним из критериев отграничения от Востока.

В конце XIX в. Мишле и Мартен предложили идею построения западного политического сообщества в форме военного союза. Актуализация Другого — осевой элемент этой идеи: данное сообщество должно было иметь форму политического союза европейских государств, включая Германию, направленного против России¹²¹. Потребовалось две мировые войны, чтобы включить в этот союз Германию¹²². Россия же так и осталась для Запада Другим, который постепенно занял место «турка», хотя и не вытеснил его полностью, и который способствовал невиданной консолидации Запада как политического сообщества в XX в. Россия и сегодня остается значимым Другим для Европы и Запада, причем концепции ментальных, культурных и исторических границ¹²³ соседствуют с политико-географическими концепциями¹²⁴.

Потребность в актуальном Другом для поддержания политической идентичности нации-государства на первый взгляд определя-

¹¹⁹ Нойман И. Указ. соч. — С. 71-99.

¹²⁰ Интерес представляет работа Иоанна-Павла II, в которой отмечается следующее: «Страны Западной Европы имеют долгую христианскую традицию. Христианская культура достигла здесь своих вершин. Народы этих стран обогатили Храм Божий множеством святых. В Западной Европе были созданы великие произведения искусства... и сформировались наиважнейшие традиции христианской духовности .. Большая миссионерская эпопея питалась соками прежде всего европейского Запада, а сегодня там возникают прекрасные и динамичные апостольские движения... В этом смысле можно сказать, что Христос по-прежнему является краеугольным камнем строительства и возрождения обществ христианского Запада». См. *Иоанн-Павел II. Память и идентичность // Россия в глобальной политике.* — 2005. — Март—апрель. — № 2. — С. 28.

¹²¹ Коужер К. Указ. соч. — С. 29.

¹²² См. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.

¹²³ Внимание к проблематике культурно-исторической границы между Западом и бывшими социалистическими странами (как не Западом) существенно возросло после окончания «холодной войны». Концепции демаркационных линий между Западом и не Западом предлагают, например, Петр Штомпка и Георг Шёпфлин. См. соответственно: *Sztompka P.* Op. cit.; *Schopflin G.* Op. cit.

¹²⁴ Небезынтересно, что термин East of Elbe, использовавшийся для обозначения части географической границы Запада с не Западом, сегодня начинает заменяться термином East of Narva.

ет ее диалогический характер. По крайней мере, это диалогизм в духе Зиммеля и Шмитта, предполагающий функциональную полезность Другого для интеграции собственного сообщества¹²⁵. Отчасти для концепции международных отношений как отношений суверенных государств (в контексте Вестфальской системы) характерен и диалогизм, близкий к положением Бахтина¹²⁶: государства рассматриваются полноправными и независимыми субъектами международных отношений. В то же время прошлое и настоящее международной политики демонстрируют непрекращающуюся тенденцию к ассимиляции инаковости, будь то ассимиляция в рамках империй, либеральных или социалистических проектов или в рамках вестернизации, модернизации или глобализации¹²⁷.

Однако успешная ассимиляция Другого, как правило, приводит не к окончательному синтезу и не к «концу истории», но к очерчиванию новых границ и изобретению нового Другого, без которых собственное Я теряет свой смысл. Примером может

¹²⁵ В работе «Чужак» Георг Зиммель рассматривает феномен коллективного Я и его маргинального элемента — Чужого. Его наличие обостряет вопрос «Кто мы?» как для Чужих, так и для данного сообщества. Идея функциональности Другого прослеживается и в концепции политического Карла Шмитта, который рассматривает оппозицию друг-враг как сущностную черту политического. Важно отметить, что это противостояние имеет смысл лишь на уровне коллективного — враг есть только публичный враг, совокупность людей. «Своя» совокупность интегрируется благодаря отрицанию чужого бытия. В этом смысле — поиск врагов — одна из основных функций суверенного государства. См., соответственно, *McLemore D.S.* Simmel's Stranger: A Critique of the Concept. // *The Pacific Sociological Review*, Vol. 13, No 2 (Spring), 1970. P. 86; *Шмунт К.* Понятие политического / Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2 / Под ред. Т.А. Алексеевой. — М.: Мысль, 1997. — С. 293-305.

¹²⁶ По мнению Бахтина, невозможно собрать себя в сколько-нибудь законченное внешнее целое, переживая жизнь в категориях только своего Я. Субъект испытывает нужду в Другом, «в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого», которая одна может создать его внешнюю законченность. См. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности / / М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — С. 37.

¹²⁷ Подобная ассимиляция может иметь место не только в силу целенаправленных действий того или иного государства, но и в силу действий новых акторов международных отношений (таких как международные институты), появившихся как результат роста взаимозависимости государств. Рост взаимозависимости может рассматриваться как объективный фактор их «ассимиляции» в рамках того или иного политического проекта. О теории взаимозависимости см. *Keohane R.O., Nye J.S.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Princeton: Princeton University Press, 1984.

служить победа либерального проекта над социалистическим, триумф западной идеи, который, по мнению Френсиса Фукуямы, означал, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив¹²⁸. Ассимилировав социализм как свою альтернативу, либеральный проект был противопоставлен новым, а точнее новым-старым, Другим¹²⁹. С одной стороны, деспотии (в лице государств-изгоев), с другой стороны, хаосу (в лице международного терроризма, глобальных проблем и т.п.). Именно в этом направлении трансформировалась политическая идентичность целого ряда демократий, прежде всего США¹³⁰: сверхзадача государства состоит уже не в победе над социалистической империей, а в борьбе с терроризмом как мировым злом¹³¹. Или, как отмечает французский политолог Дидье Биго, создается новый образ врага — угроза с Юга, против которой необходимо объединиться. Период после «холодной войны» Биго, ссылаясь на Паскаля Брюкнера, характеризует как «демократическую меланхолию». Отсутствие врага означает потерю идентичности, откуда возникает ностальгия о «холодной войне» и меланхолия как утрата смысла жизни. Чтобы восстановить свою идентичность необходимо объединить в воображении различные риски, представив их как новую угрозу, которая будет навязываться «со всей силой своей очевидности». «Угрозу с Востока преобразуют в угрозу с Юга, используя почти ту же аргументацию: речь идет о нашем приближении к порогу диктатур, овладевающих все более и более мощным потенциалом... диктатур, опирающихся на революционную

¹²⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3.

¹²⁹ В этом свете интересен тезис А.А. Кара-Мурзы о том, что главный враг истинного либерализма — не консервативная реставрация, «коммунальность» или деспотизм, а варварство и хаос как таковые. См. *Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса* // Политическая наука в России / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: МОНФ, 2000. — С. 61.

¹³⁰ Хотя этот вектор трансформации идентичности может предполагать различные внешнеполитические стратегии. См. об этом *Hentz J.J. International Relations Theory, Communitarianism and U.S. Grand Strategy*. // *American Behavioral Scientist*, Vol. 48, No 12, August, 2005. P. 1558-1574.

¹³¹ Амитаи Этциони в своей недавней работе констатирует, что окончание «холодной войны» не отменяет того факта, что мир пребывает в состоянии, описанном Гоббсом, и еще не готов перейти к состоянию, о котором мечтал Локк. Терроризм является той силой, которая представляет собой угрозу цивилизованному миру и ставит на повестку дня задачи Гоббса, которые должны быть выполнены перед тем, как двинуться к идеалам Локка. См. *Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям*. — М.: Ладомир, 2004. — С. 158-161.

идеологию, которая сплачивает ряд стран против либеральных демократий и которая уже имеет свою «пятую колонну»¹³².

Ассимиляция Другого, таким образом, не означает окончательного преодоления оппозиции Мы — Они, но лишь приводит к появлению новых Других, которые или которым бросается очередной вызов и в противовес которым формируется собственная политическая идентичность¹³³.

Итак, маркирование границ и актуализация Другого были рассмотрены в данном параграфе как один из кластеров понятия политической идентичности. Мы исходили из того, что политическая идентичность задает символические и ментальные границы политического сообщества, является определением его уникальной сущности через соотнесение с актуальным Другим, через оппозицию Мы — Они. Нами было отмечено, что маркирование границ и актуализация Другого является неотъемлемой частью группового поведения уже на ранних стадиях развития людей. Этот процесс приобретает политический смысл в свете интеграции сообщества перед лицом внешних угроз. Одной из функций политического сообщества становится обеспечение военного суверенитета, а политические границы становятся нетождественными границам культурным и этническим. С наступлением эпохи Современности совпадение культурных и политических границ в пределах нации-государства превращается в один из нормативных принципов строительства государств. Подобное совпадение означало вплетение культурных диакритик в политические проекты и их подчинение политическим целям: легитимации политических режимов и мобилизации масс. Вынос инаковости за пределы границ государства становится одной из состав-

¹³² Биго Д. Проблемы безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст. / *Международные отношения: социологические подходы* / Под ред. П.А. Цыганкова. — М.: «Гардарика», 1998. — С. 303.

¹³³ Проблематика Мы — Они таким образом приобретает характер «вечной» проблемы, получая не только «прикладное», но и философское наполнение. Э.Я. Баталов, например, отмечает, что эта оппозиция может считаться одной из составных частей понятийного аппарата философии международных отношений. Причем в рамках этой дисциплины данная оппозиция должна носить именно диалогический, интерсубъективный характер. См. *Баталов Э.Я. О философии международных отношений*. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. — С. 40-42; *Алексеева Т.А. Международный порядок: взгляд из Москвы* // *Международные процессы*. — 2006. — Т. 4. — № 1(10).

ляющих в процессе формирования политических идентичностей. Кроме того, в эпоху Современности Другой превращается не просто в военного соперника, носителя иной культуры, религии или традиций, но в носителя иного политического проекта или в объект «переплавки» и ассимиляции. Отношение к Другому таким образом задает монологический характер политической идентичности. Однако полная ассимиляция политического Другого чревата кризисом собственной политической идентичности, что диктует постоянную потребность в наличии актуального Другого для поддержания границ сообщества и определения уникальности своего коллективного Я.

§ 3. Политическая идентичность: интерпретация прошлого и конструирование традиций

Политическая идентичность, как правило, состоит из множества элементов, которые могут образовывать определенную структуру: одни элементы могут играть роль ядерных, значимых и актуальных, а другие — роль периферийных, игнорируемых, невостребованных¹³⁴. При этом ядро и периферия политической идентичности подвижны и взаимозаменяемы. Роль «хранилища» множества этих элементов играет прошлое коллективного Я и его историческая память. История (как прошлое) и память о нем представляют собой значимый смысловой и содержательный источник идентичности. Сама идентичность в этом свете представляет собой комбинацию представлений о различных (но не всех) элементах прошлого политического сообщества, структурированных в определенной логике и задающих содержание самоопределения коллективного политического Я.

Интересно отметить, что акцент на прошлом, на историческом сознании и исторической памяти, характерен для обозначения идентичности в немецком языке. Немецкий термин *Identität* имеет наиболее конкретное значение по сравнению с английским *Identity*, французским *Identité* или русской *идентичностью*, подразумевающими значительно более широкую трактовку. Понятие *Identität* отождествляется именно с «исторической индивидуальностью»¹³⁵.

¹³⁴ Ком В.С. Указ. соч. — С. 14.

¹³⁵ Там же. — С. 13.

Подобная трактовка раскрывается, например, в работе Г. Люббе «Историческая идентичность». По мнению Люббе, индивидуальность, неповторимость, уникальность социальных систем объясняется с помощью их историй. А в силу того что системы, подобно личностям, сами идентифицируют себя с помощью своей исторической индивидуальности, историческую индивидуальность можно обозначить как идентичность (*Identität*). История — источник идентичности коллективных и институциональных субъектов, а сам доступ к идентичности открывается через их прошлое. Та идентичность, которой субъект обладает сегодня, всегда содержит в себе больше, чем можно понять исходя из условий настоящего: она представляет собой слепок скорее прошлого, нежели настоящего. В силу этого, по отношению к истории, задающей субъекту его идентичность, он выступает не только ее действующим лицом, но субъектом *рассказывания* этой истории¹³⁶.

Последняя мысль представляется ключевой. Субъект стремится сам задавать свою и чужую идентичности, самостоятельно *интерпретируя* прошлое. Иными словами, формирование истории субъекта, а значит и конструирование его идентичности, не есть объективный, органичный процесс. Люббе отмечает, что частью современного мира является «беспрецедентная по размаху и интенсивности культура историографического изображения собственной и чужой идентичности»¹³⁷. Источник идентичности, таким образом, лежит не просто в истории, но в процессе *интерпретации и рассказывания* истории. Субъект не отражает историю, а сам задает ее контекст, актуализируя одни ее части и игнорируя другие.

Этот тезис является центральным для понимания политической идентичности нации-государства в рамках модернистских (конструктивистских) подходов. Конструктивисты признают, что история и прошлое являются одним из основных источников политической и национальной идентичности. Однако, также как и в случае с «воображением» сообщества, маркированием границ и актуализацией Другого, история сама по себе не становится основой политической идентичности. Скорее идентичность есть результат особым образом интерпретированной и сконструиро-

¹³⁶ Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. — 1999. — № 4. — С. 108-113.

¹³⁷ Там же. — С. 112.

ванной истории. Прошлое — это средство и ресурс, которое должно быть использовано для конкретных политических целей, таких как легитимация режима и мобилизация масс.

К числу ведущих теоретиков-модернистов, выдвинувших тезис об «использовании истории» относится Эрнест Геллнер. Одна из гипотез Геллнера предполагает, что прошлое интерпретируется исходя из современных условий и потребностей. Оно представляет собой предмет манипуляций элит, направленный на поддержание политической и национальной идентичности в той или иной форме. Это особенно актуально в периоды кризисов и болезненных реформ, когда возникает потребность в сплочении политического сообщества. Но конструирование истории не в меньшей степени необходимо и на уровне повседневной поддержки гражданского и национального чувства. Посредством манипуляций, различные исторические события увязываются в единый проект, который задает взаимосвязь и преемственность событий. Некоторые события могут предвзято изыматься, другие — «бесцеремонно» пересматриваться под тем или иным углом зрения, третьи — изобретаться и т.п.¹³⁸

Использование истории приобрело особую значимость, в контексте модернизации и сближения старой (традиционной, местной, «низкой») и новой (массовой, анонимной, «высокой») культуры в рамках единой идентичности. Именно поэтому, как пишет Геллнер, «Национализм... отмежевался от местного патриотизма... Далее, несмотря на то что его социальные корни были связаны с появлением массового анонимного общества, которое требовало стандартизированной общей культуры, национализм выработал легенду (которую абсолютно искренне излагали все его герои и пропагандисты), что он защищает и отстаивает народную деревенскую культуру. И в общем, у него не было другого выхода: отстаивая новую высокую культуру перед лицом старой, он вынужден был заимствовать темы из местного фольклора. Их он стандартизировал и кодифицировал, однако делал вид, что защищает деревню от старой столицы. В действительности же он создавал новый богатый город и совершенно новую столичную культуру»¹³⁹.

¹³⁸ Gellner E. Nationalism. London: Weidenfeld and Nicolson, 1997, ch.15. См. также Смит Э. Указ. соч. — С. 89-90.

¹³⁹ Геллнер Э. Условия свободы. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. — С. 131.

Таким образом, апелляция к историческим корням служила для преодоления разрывов между социальными группами, для подчеркивания исторического единства нации, что, в свою очередь, способствовало унификации общества.

Использование прошлого в процессе модернизации было также стимулировано «печатным капитализмом»¹⁴⁰ и стандартизацией общественных институтов, через которые та или иная версия прошлого могла успешно транслироваться массам (образование, СМИ). Со временем эти средства лишь совершенствовались, давая элитам новые возможности для индоктринации.

К числу других крупных теоретиков, в центре внимания которых был вопрос об использовании прошлого для формирования и поддержки политической идентичности, относится Эрик Хобсбаум. Использование прошлого для решения текущих проблем, прежде всего, политических, Хобсбаум обозначает как изобретение традиций. Именно традиции являются проводником между настоящим и пошлым. Многие традиции, которые представляются как органично формирующиеся, «старые» и глубоко укоренные в прошлом, на самом деле являются сконструированным продуктом настоящего или недавнего прошлого. Изобретенная традиция подразумевает комплекс практик, основывающихся на правилах ритуального и символического характера, направленных на привитие ценностей и норм путем повторения, которое предполагает связь и преемственность с прошлым. *Формализация, ритуализация и отсылка к прошлому* являются, таким образом, сущностными чертами изобретенных традиций. Подобное обращение к прошлому носит преимущественно *искусственный характер* и является реакцией на новые вызовы и обстоятельства, которая принимает форму обращения к прежним обстоятельствам, истории и прошлому¹⁴¹. По мнению Хобсбаума, изобретенные традиции следует отличать от обычаев, и от повседневных практик и технических установлений¹⁴².

¹⁴⁰ Термин введен Бенедиктом Андерсеном. Печатный капитализм стал одним из средств «воображения» сообщества. См. Андерсон Б. Указ. соч. — С. 89-104. См. также Луман Н. Медиа коммуникации. — М.: Логос, 2005.

¹⁴¹ Hobsbawm E. Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Edited by Hobsbawm E. and Terence R. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1-2.

¹⁴² Ibid. P. 2-3.

Несмотря на то что изобретенные традиции существовали и до наступления эпохи Современности¹⁴³, массовое проявление этого феномена было характерно именно в процессе модернизации. В определенной степени изобретение традиций представляло собой попытку хотя бы в некоторой степени структурировать социальную жизнь, внести элемент инвариантности и стабильности в быстро изменяющееся общество¹⁴⁴. С этой точкой зрения согласуется позиция Георга Шопфлина — теоретика, который также может быть отнесен к числу конструктивистов. По мнению Шопфлина, сложность и изменчивость современного мира потребовали неких общих критериев для его понимания и декодирования. Эту функцию и выполняет коллективная идентичность, ткань которой формируется особыми интерпретациями и значениями, в том числе и интерпретациями прошлого¹⁴⁵ (такая точка зрения получает свое объяснение и в исследованиях социальных психологов)¹⁴⁶.

В результате, как пишет Хобсбаум, происходит накопление огромных запасов «древних» материалов. Они используются для конструирования традиций, которые могут представлять собой трансформацию старых традиций, а иногда — позаимствованы из символики, моральных установлений или фольклора предыдущих эпох¹⁴⁷. Подобным образом конструировались политические традиции в Великобритании, Франции, России или, например, в Сербии, где воспоминания о средневековом королевстве сохранились в песнях, сказаниях и божественных литургиях¹⁴⁸.

Помимо использования фольклора, а также таких ритуальных и символических комплексов, как государственные праздники,

¹⁴³ Изобретенные традиции выполняли, например, функцию репрезентации королевской власти. См. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал / Под ред. Н.А. Хачатуряна. — М.: Наука, 2004. — С. 81-114, 249-279, 360-383.

¹⁴⁴ Hobsbawn E. *Inventing Traditions*. P. 2.

¹⁴⁵ Schopflin G. *Identities, Politics and Post-Communism in Central Europe // Nations and Nationalism*, No 9 (4), 2003. P. 480-481.

¹⁴⁶ См. Hopkins N., Murdoch N. *The Role of the 'Other' in National Identity: Exploring the Context-Dependence of the National Ingroup Stereotype // Journal of Community and Applied Social Psychology*, No 9, 1999. P. 322.

¹⁴⁷ Hobsbawn E. *Inventing Traditions*. P. 6.

¹⁴⁸ Цит. по Смит Э. Указ. соч. / — С. 229. См. Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 года*. СПб.: Алетейя, 1998. — С. 21.

флаги, гербы, гимны и т.п., формирование общей политической идентичности на основе прошлого требовало его интерпретации в форме исторической преемственности. Преемственность могла изобретаться путем актуализации древнего прошлого посредством вымысла или полувывысла. Но на деле, как отмечает Хобсбаум, это прошлое могло быть слабо связано с действительной исторической преемственностью¹⁴⁹.

По мнению французского философа Этьена Балибара, подобная ситуация приводит к тому, что двумя обличиями идентичности нации-государства становятся поэтапно реализуемый исторический проект и судьба. Речь идет о том, что повествование о политическом сообществе всегда предстает в виде реализации некоего «проекта», отмеченного связными этапами и ключевыми событиями, которые интерпретируются тем или иным образом и вписываются в схему проявления самости, характерной для идентичности. Это подразумевает и то, что поколения, сменяющие друг друга в рамках сообщества, передают друг другу некую субстанцию, а путь эволюции, который *мы выбираем*, является неизбежными и единственно возможными, то есть, является судьбой¹⁵⁰. Таким образом, идентичность может пониматься как ретроспективный проект¹⁵¹ политического сообщества и как описание его уникальной «судьбы». При этом репрезентации прошлого могут трансформироваться в результате социальных изменений: трансформации идентичности подразумевают и изменение «историй», изменение интерпретаций прошлого¹⁵².

Согласно Хобсбауму, изобретенные традиции относятся к трем типам, которые могут совпадать друг с другом. К первому

¹⁴⁹ Hobsbawn E. *Inventing Traditions*. P. 7. См. также Смит Э. Указ. соч. — С. 223.

¹⁵⁰ Изложение своей точки зрения Балибар предваряет цитированием Жака Деррида: «...какое-то «прошлое», которого никогда не существовало и никогда существовать не будет». См. Балибар Э. *Нация как форма: история и идеология* / Э. Балибар, И. Валлерстайн. Паса, нация, класс: двусмысленные идентичности. — М.: Логос-Альгера, 2003. — С. 102.

¹⁵¹ Следует отметить, что актуализация преемственности была характерной чертой не только эпохи Модерна, но и Средневековья. Разница состояла скорее в способах актуализации преемственности, а не в ее попытках как таковой. См., например, *Ле Гофф, Ж.* Людовик IX Святой. — М.: Ладомир, 2001. — С. 450-484, 522-529.

¹⁵² См., например, *Tilly Ch. Stories, Identities and Political Change*. Boulder: Rowman and Littlefield Publishers, 2003.

типу принадлежат традиции, которые непосредственно составляют идентичность сообщества, символизируют связь между его членами. Ко второму типу относятся традиции, задающие или легитимирующие систему институтов, ролей, статусов и отношений подчинения. Наконец, к третьему типу относятся традиции, направленные на социализацию индивидов и на индоктринацию определенных убеждений, ценностных систем и норм поведения. Хобсбаум отмечает, что если первый тип традиций может в некоторой степени иметь органические корни¹⁵³, то второй и третий тип определенно являются изобретенными. Традиции первого типа, которые Хобсбаум называет «коммунитарными» или «общественными» (*«communitarian»*), представляют собой наиболее распространенный тип¹⁵⁴. Общий вывод Хобсбаума состоит в том, что нации-государства могут апеллировать к своим древним корням и естественному характеру своего возникновения, на самом деле являясь недавними и новыми конструкциями. Обращаясь к примеру Франции, Хобсбаум отмечает следующее: «Какой бы ни была историческая или иная преемственность, связанная с современной идеей «Франции» и «французов» — и которую никто не пытается отрицать, эти идеи должны включать сконструированную или «изобретенную» составляющую. И только потому, что многое из того, что субъективно образует современную «нацию», состоит из таких конструкций и связано с соответствующими и, вообще говоря, довольно недавними символами и соответствующим образом оформленными дискурсами (например, «национальной истории»), национальные феномен невозможно адекватно исследовать, не уделив должного внимания «изобретению традиции»¹⁵⁵.

¹⁵³ Хотя и это не гарантирует того, что подобные «корни» не могут быть изменены. В одной из своих статей Хобсбаум рассматривает, например, роль политики в отношении языков в формировании наций современного типа. См. Хобсбаум Э. Язык, культура и национальная идентичность // Логос. — 2005. — № 4. — С. 33-44.

¹⁵⁴ Hobsbawm E. *Inventing Traditions*. P. 9-10.

¹⁵⁵ Hobsbawm E., *Inventing Traditions*. — P. 14. См. также *Смит Э.* Указ. соч. — С. 225-226. Если рассматривать пример конструирования традиций во Франции, то большой интерес, несомненно, представляет работа Моны Озуф. Эта работа дает исчерпывающий обзор процесса формирования праздников и их политического смысла во Франции конца XVIII в. См. Озуф М. Революционный праздник 1789-1799. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 24-76.

Следует отметить, что и Хобсбаум, и Геллнер рассматривают нацию как политический феномен, а понятия национальной и политической идентичности, в контексте их концепций, во многом совпадают. Национализм рассматривается как политическая программа. Однако в рамках концепции национализма Хобсбаума его политический характер проявляется, прежде всего, в его стремлении создать и сохранить национальное государство, будь то государство, основанное на гражданском национализме, или государство, построенное на национализме этническом. Массовое производство традиций (начиная от скаутских ритуалов и государственных праздников и заканчивая военными парадами и установлением памятников) служит именно этим целям¹⁵⁶. Иными словами, национальная идентичность как идентичность политическая есть, главным образом, проект суверенного национального государства как такового. Государство представляет собой главную нормативную цель и ценность, тогда как иные нормативные составляющие этого проекта (каким должно быть государство?) играют второстепенную роль.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на приверженность конструктивистскому подходу, Хобсбаум делает важную перенниалистскую оговорку: изобретенная традиция не выполнит своей функции, если она не настроена на «волну» общественного сознания, если она не совпадает с ценностной системой координат, принятой в обществе¹⁵⁷.

Конструктивистская (модернистская) гипотеза об «использовании прошлого» стала исходным тезисом для большого числа исследователей. С некоторыми модификациями она продолжает оставаться весьма влиятельным инструментом для изучения идентичностей современных государств. Например, Михаэль Мертез в работе «Немецкие вопросы — европейские ответы» определяет процесс интерпретации прошлого как историческую политику. Цитируя Герфрайда Мюнклера, Мертез отмечает следующее: «Кто распоряжается памятью сообщества, тот распоряжается и его политическим самовосприятием, его ценностями и нормами, перспективами на будущее и политической про-

¹⁵⁶ Цит. по *Смит Э.* Указ. соч. — С. 226-227.

¹⁵⁷ Hobsbawm E. *Mass-Producing Traditions: Europe, 1870-1914 / The Invention of Tradition / Edited by Hobsbawm E. and Terence R.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 63.

граммой действий. То, что в каждом случае вспоминается и забывается, зависит, прежде всего, от того, способно ли оно преодолеть цензурный барьер воспоминаний, и если да, то в какой степени»¹⁵⁸.

Рассуждая о национальном государстве в качестве примера такого сообщества, Мертес апеллирует к определению нации Эрнеста Ренана. Это определение, в частности, подразумевает, что условием существования нации является ее прошлое как совместное владение богатым наследием воспоминаний. При этом историческая память, утверждает Мертес, включает в себя, прежде всего, исторические образы «первоначальных мифов», которые ставят настоящее и будущее перед судом прошлого: даже новый миф ищет легитимации у прошлого. Коллективная память находит свое выражение в ритуале (юбилеи, чествования, памятники, учебные планы и т.п.). Именно ритуализированная форма воспоминания усиливает «мы-чувство»¹⁵⁹. Мертес отмечает, что поиски идентичности сводятся к поискам неизменного характера, объективной «сущности» народа (или сообщества). Этот образ мысли преподносит «золотые» и «черные» легенды, но не «резвое» рассмотрение истории¹⁶⁰.

Сходной позиции придерживается Питер Талер — один из исследователей австрийской политической идентичности. Талер рассматривает «использование прошлого» как факт, вместе с тем выступая с критикой манипуляции историей во имя реализации политических целей. В своей работе он детально исследовал образцы селективной интерпретации прошлого, лейтмотивом которой было вытеснение германской составляющей из австрийской идентичности¹⁶¹.

Не меньший интерес представляет использование конструктивистской модели и верификация гипотезы об «использовании прошлого» в исследовании других случаев. Например, американский исследователь Карл Куолс прослеживает процесс интерпретации истории Севастополя в контексте формирования

¹⁵⁸ Мертес М. Немецкие вопросы — европейские ответы. — М.: Московская школа политических исследований, 2001. — С. 41.

¹⁵⁹ Там же. — С. 38-39.

¹⁶⁰ Там же. — С. 36.

¹⁶¹ Thaler P. The Ambivalence of Identity: The Austrian Experience of Nation-Building in a Modern Society. West Lafayette: Purdue University Press, 2001, ch. 4.

послевоенной советской политической идентичности¹⁶². Скот Магелссен исследовал «индустрию наследия» («*heritage industry*») на примере воссоздания копий американских городков XIX в., посредством которых проводится демаркационная линия между «настоящими» и «не настоящими» американцами¹⁶³. Целый ряд конструктивистских исследований представлен в сборнике, изданном Джоном Джиллисом, общий тезис которого предполагает, что прошлое может произвольно интерпретироваться и изменяться в рамках *политики идентичности*, неотделимой от властных отношений¹⁶⁴.

Несмотря на свою методологическую привлекательность, конструктивистская гипотеза об «использовании истории» подверглась серьезной критике.

К числу наиболее известных критиков принадлежит Энтони Смит, который подверг тщательному анализу модернистские теории. Смит отмечает, что, критикуя конструктивистские гипотезы об «использовании истории», «конструировании прошлого» или «изобретении традиций», он не отрицает того, что политическая практика богата случаями *попыток* такого конструирования или изобретения. Центральный тезис Смита предполагает, что такие попытки *существенно ограничены* большим числом социальных связей, которые укоренены в прошлом¹⁶⁵. Несомненно, национальные элиты могут иногда использовать прошлое для реализации собственных интересов, но делать это можно далеко не постоянно. Рано или поздно они оказываются запертыми в системе этих взглядов и интерпретаций, которые ограничат свободу конструктивистского творчества в будущем. Даже крупные революции и социальные потрясения не могут разрушить сложившуюся систему интерпретаций, что часто приводит к постепенному воз-

¹⁶² Qualls K.D. Imagining Sevastopol: History and Postwar Community Construction, 1942-1953 // National Identities, Vol.5, No 2, 2003. P. 123-135.

¹⁶³ Следует признать, что в центре внимания этого исследования находится в большей степени национальный, а не политический компонент. Вместе с тем интерес представляет сама логика формирования идентичности посредством «индустрии наследия». См. Magelssen S. Remapping Americanness: Heritage Production and the Staging of the Native American and the African American as Other in 'Historyland' // National Identities, Vol. 4, No 2, 2002. P. 161-175.

¹⁶⁴ См. Jillis J.R. Commemorations: The Politics of National Identity. Princeton: Princeton University Press, 1994.

¹⁶⁵ Смит Э. Указ. соч. — С. 245.

врату к прежним интерпретациям. Иными словами, политическую идентичность сообщества, процесс отбора традиций и их описаний нельзя свести исключительно к интересам конкретных элит и нынешних поколений¹⁶⁶.

Однако не только интерпретации истории, уже созданные в прошлом, служат ограничителем произвольных изменений политической идентичности. По мнению Смита, таким ограничителем выступает само прошлое, сами традиции и сама культура — то, что составляет социо-культурный пласт нации, который Смит называет этничностью (*ethnie*). Это не отменяет того, что историческое прошлое представляет собой составляющую идентичности нации-государства. Скорее наоборот, «миф о возникновении» сообщества, исторический опыт и коллективные воспоминания являются ее неотъемлемой частью. При этом «миф о возникновении» отличается от исторического опыта тем, что является продуктом фольклорного вымысла, тогда как исторический опыт основан на более или менее реальных событиях¹⁶⁷. Но и то, и другое самым тесным образом вплетено в этническую культуру, язык, религию и прочие органические составляющие нации.

Даже если предположить, что политическое сообщество «изобретено», то оно все равно не может возникнуть из ничего. Смит признает, что элиты вполне могут влиять на формирование политической идентичности, манипулируя массами при помощи пропаганды, СМИ и контроля над образованием. Эти механизмы могут быть действенны в краткосрочной перспективе. Но долгосрочные перспективы использования только лишь этих механизмов весьма сомнительны, поэтому обращение к традициям, принятых большинством, использование мотивов, вызывающих отклик у народа, является значительно более целесообразным¹⁶⁸. Тезис о пассивности масс, которые только и ждут, чтобы элиты пробудили в них определенные коллективные воспоминания, слишком рационалистичен. Он может быть опро-

¹⁶⁶ Смит Э. Указ. соч. — С. 90-91..

¹⁶⁷ К другим составляющим, наряду с «мифом о возникновении» и историческим опытом, принадлежат название сообщества, общая культура, принадлежность к определенной территории, чувство солидарности. Эти составляющие определяют то, что Смит называет этничностью, через которую определяются нация, национализм и национальная идентичность. См. Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford : Blackwell, 1986. P. 22-30.

¹⁶⁸ Смит Э. Указ. соч. — С. 239.

вергнут тем, что народные слои даже в условиях современного общества сохраняют некоторые давние традиции и верования. Кроме того, культурная дистанция между элитами и массами зачастую оказывается значительно меньшей, чем предполагают конструктивистские модели. Элитами часто овладевают те же страсти, что и массами¹⁶⁹. И те, и другие являются носителями одной идентичности.

Этническое сообщество, таким образом, представляет собой социокультурный базис современных национальных государств, задавая связь между современным (модерным) настоящим и до-современным (до-модерным) прошлым. Идентичность нации-государства не сможет выполнять интегрирующих функций без наличия этнического ядра, включающего «миф о возникновении» и историческую память. Эту позицию наглядно демонстрируют следующие примеры, которые приводит Смит.

«Проблемы, с которыми столкнулось множество новых государств в Азии и Африке... говорят о том, что отсутствие существовавших прежде на всей территории государства традиций, мифов, символов и воспоминаний служит серьезным препятствием в процессе национального объединения и что изобретаемые национальные традиции сами по себе не помогут... элитам выковать национальное сообщество из этнически гетерогенного населения.

...Пакистан, как слово и как национальное государство, явно был «изобретен»: слово — студентом в Кембридже, национальное государство — партией Джинны. Но идея пакистанского государства не имела бы никакой коллективной силы или значения, если бы у массы мусульман в северной Индии не было бы уже живого чувства общего этнического происхождения, основанного на общей религии, которая отличала их от других индусов»¹⁷⁰.

Смит отмечает также, что политические сообщества, потерявшие государственность, но сохранившие этническое наследие, а также — те социальные, политические, культурные институты, которые воспроизводили это наследие, рано или поздно восстанавливали свою государственность¹⁷¹.

Следует признать, что возражения Энтони Смита против конструктивистских подходов не представляют собой исключительно

¹⁶⁹ Смит Э. Указ. соч. — С. 239-240.

¹⁷⁰ Там же. — С. 244.

¹⁷¹ Там же.

перенниалистскую альтернативу. Смит не выдвигает положений о том, что нации формируются преимущественно органическим путем, а роль элит абсолютно предопределена культурой, традициями и другими условиями. Напротив, элита представляется скорее рациональным актором, который имеет возможность выбора. Тот факт, что интерпретация истории в соответствии с этническими традициями и установками более рациональна, не говорит о том, что такое поведение элит является единственно возможным. В то же время определенным ограничением подхода Смита выступает его акцент именно на этнической составляющей. Социо-культурные ограничения использования истории этнического характера, безусловно, могут играть значимую роль в формировании идентичности, но они являются далеко не единственными. Более того, политическая практика богата примерами, когда этническая близость не предотвращала кризис политической идентичности и дезинтеграцию политических сообществ. Примерами могут служить славянские республики СССР (Россия, Украина, Белоруссия), общность истории которых (не говоря о языковой и культурной близости) не сыграла роль предохранителя дезинтеграционных процессов. Другой пример — африканские этносы хуту и тутси, которые говорят на одном языке и исповедуют одну религию, но находятся в состоянии кровавой войны. На указанные примеры можно возразить тем, что между отмеченными сообществами имелись определенные различия, которые были актуализированы и превращены в символические границы. На практике, однако, абсолютно однородные этносы и нации представляют собой редкость. Внутри этносов или этнически близких групп часто можно найти различия, которые могут послужить поводом для конфликта и подорвать общую идентичность (например, территориальные различия).

С другой стороны, в целом ряде случаев политическая идентичность успешно выстраивалась на основе коллективных воспоминаний, имеющих мало общего с этническим прошлым, но связанных с такими событиями, как массовая эмиграция, борьба с социальным неравенством, отражение внешних агрессий и т.п. Подобную точку зрения выражает, например, норвежский исследователь Томас Гилланд Эриксен¹⁷². Не расходясь со Смитом в базовых посылах критики конструктивизма, Эриксен отмеча-

¹⁷² Eriksen T.H. Place, Kinship and the Case for Non-Ethnic Nations // Nations and Nationalism, No 10 (1/2), 2004. P. 60.

ет, что ограничителем произвольного конструирования сообщества выступает не только этничность, но повседневные представления людей, которые могут исказить ту или иную интерпретацию истории¹⁷³. Этот же тезис раскрывается в исследовании Ивоны Ирвин-Зарецкой, которая рассматривает влияние «фреймов» на интерпретацию значимых исторических событий в контексте формирования самоконцепций (*self-conceptions*) различных политических сообществ¹⁷⁴. Подобные «фреймы» включают в себя все разнообразие социальных и культурных феноменов, далеко выходящих за рамки этничности.

Не менее существенным ограничителем использования прошлого для формирования и поддержки политической идентичности представляется само прошлое. Эта мысль красной нитью проходит через классический труд Фернана Броделя «Что такое Франция?». Богатство исторических событий препятствует сведению самоконцепции политического сообщества к одному определению, описанию, образу или мифу. Сам смысл существования нации заключается в постоянном поиске своей идентичности, того лучшего, что скрыто в ней и в ее прошлом. Ее смысл — в поиске своего лица, «в безбрежном море бессознательного, смутных совпадений, идеологий, мифов и фантазмов». Именно поэтому у страны не может быть одной, раз и навсегда определенной сущности¹⁷⁵.

Позиция Броделя задает существенное нормативное требование к политической и национальной идентичности, а именно — ее открытость и несводимость к *окончательно заданному* проекту. Это не значит, что идентичность должна быть подвержена частым и радикальным изменениям, а история — постоянным реинтерпретациям, чреватými не поиском своего лица, а его потерей. Скорее это значит, что политическое самоопределение нации-государства должно быть восприимчиво к изменениям и вызовам, что невозможно в том случае, если прошлое рассматривается как предопределенность.

¹⁷³ Eriksen T.H. Place, Kinship and the Case for Non-Ethnic Nations // Nations and Nationalism, No 10 (1/2), 2004. P. 56-57.

¹⁷⁴ См. Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance. New Brunswick: Transaction, 1994.

¹⁷⁵ Бродель Ф. Что такое Франция? — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.

Задолго до появления работы Броделя это нормативное требование выдвинул Людвиг фон Мизес. В работе «Теория и история» Мизес подверг критике интерпретацию прошлого, которая приписывает нациям и государствам определенную миссию, возложенную на них «провидением». Подобная интерпретация прошлого часто указывает конечную цель истории, показывает путь, который необходимо пройти, чтобы ее достигнуть. В этом контексте выявление «законов истории» приносят такую же пользу социальной инженерии, как законы физики инженерии технологической, а история предоставляет дорожные карты и указатели, согласно которым выстраивается и легитимируется политический курс¹⁷⁶. Мизес не подвергает сомнению то, что прошлое выступает предметом постоянных манипуляций, в том числе и для формирования нации как политического проекта. Разоблачение этого обмана Мизес считает одной из основных задач, хотя и признает, что осуществимость этой задачи затрудняется влиянием политических составляющих на изложение прошлого. Интерпретацию историй наций как предопределенных проектов Мизес считает тупиковым вариантом: подобные проекты не могут быть адекватным руководством для развития общества в силу изменчивости социальной реальности¹⁷⁷. Следует, однако, отметить, что критика Мизеса направлена, прежде всего, на фашистские и коммунистические политические проекты. Мыслитель критикует сами философские основания этих проектов — предопределенность истории (историзм), примат коллективного духа над индивидуальной волей, возможность неограниченной социальной инженерии и т.п. В этом смысле нормативная позиция Мизеса стоит в одном ряду с либеральной критикой тоталитарных проектов Карлом Поппером¹⁷⁸,

¹⁷⁶ Проблема при этом заключается в том, что такие модели формируются не только политическими элитами, но и самими философами и историками. В качестве примера может быть приведена модель И.Г. Гердера, в рамках которой нации утверждают себя через свои особенные миссии. Всемирно-историческое поле осваивается одновременно многими нациями, каждая из которых является носителем своей собственной миссии, создавая свою национальную культуру и внося вклад в реализацию общей миссии человечества. См. *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 348.

¹⁷⁷ *Мизес Л. фон.* Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. — М.: Юнити Дана, 2001. — Гл. 8-10.

¹⁷⁸ См. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. — Т. 1. — М.: Феникс, 1992. — С. 37-41. — Т. 2. — С. 299-322..

Фридрихом фон Хайеком¹⁷⁹, Исайей Берлином¹⁸⁰ или Франсуа Фюре¹⁸¹. Вместе с тем Мизес убежден, что состояние общества определяется теми доктринами, которые в нем приняты, а изменение нормативных составляющих доктрины изменяет и само общество¹⁸². Речь, таким образом, идет не об отказе от политического проекта (и не об отказе от политической идентичности нации-государства как таковой), но об изменении его нормативных координат. Эти координаты предполагают изложение истории в рамках проекта, предполагающего право каждого на собственное представление о благе.

Итак, мы рассмотрели феномен политической идентичности сквозь призму интерпретации истории политического сообщества. Мы исходили из того, что история и историческая память представляют собой содержательный источник политической идентичности. Политическая идентичность в этом свете была определена как особая интерпретация исторического прошлого, структурированная в рамках определенной логики. Нами было отмечено, что эта логика подразумевает актуализацию уникальности коллективного политического Я посредством обозначения исторической преемственности и особой исторической судьбы сообщества. Интерпретация исторического прошлого ориентирована на достижение конкретных политических целей в настоящем: «историческая легитимация» национального политического проекта, социальная интеграция, мобилизация и т.п. Политическая идентичность, будучи основана на особой интерпретации истории, может рассматриваться как объект конструирования элит, что стало особенно актуально в процессе формирования национальных государств в эпоху Современности. В то же время конструирование политической идентичности посредством интерпретации исторического прошлого ограничено традициями, ценностями и установками, которые уже укоренены в обществе, а также установками самих элит. Кроме того, существенным

¹⁷⁹ См. *Хайек Ф. фон.* Дорога к рабству / Антология мировой политической мысли. — Т. 2 / Под ред. Т.А. Алексеевой. — М.: Мысль, 1997. — С. 417-428.

¹⁸⁰ См. *Берлин И.* Указ. соч.

¹⁸¹ См. *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. — М.: «Ad Marginem», 1998. — С. 532-558.

¹⁸² *Мизес Л. фон.* Роль доктрин в человеческой истории / Мизес Л. фон. Либерализм. — М.: Экономика, 2001. — С. 191-201.

ограничителем интерпретации истории является богатство и инвариантность самих исторических событий. Политическая идентичность не может быть сведена к одной формуле или одной интерпретации, которая задана раз и навсегда. Подобная интерпретация рано или поздно опровергается ходом истории и приводит к кризису идентичности.

* * *

Таким образом, в первой главе нами была осуществлена концептуализация понятия политической идентичности — центрального понятия настоящего исследования. С одной стороны, под концептуализацией понималось конструирование идеальной-типической модели этого феномена посредством актуализации ряда кластеров или составляющих концепта. С другой стороны, выявление нормативных аспектов и нормативной нагрузки, которую несет в себе рассматриваемое понятие. В качестве базовых составляющих концепта политической идентичности были рассмотрены такие феномены, как «воображаемое» политическое сообщество; границы и диакритики, задающие образ политически значимого Другого; а также историческое прошлое политического сообщества. Через эти составляющие задается определение понятия политической идентичности.

Политическая идентичность может определяться, во-первых, как политический проект, самоопределение коллективного политического Я, подчиняющий себе органические основания социального единства сообщества: язык, традиции, этническую культуру. Этот проект включает в себе нормативные основания для осознания людьми своей политической общности и представляет собой средство и механизм «воображения» политического сообщества.

Во-вторых, политическая идентичность — это механизм определения символических и ментальных границ политического сообщества, определение его уникальной сущности через соотнесение с актуальным Другим, через оппозицию Мы — Они.

В-третьих, политическая идентичность представляет собой комбинацию различных элементов истории и исторической памяти политического сообщества, структурированных в логике политического проекта и задающих содержание концепции коллективного политического Я.

Подобная интерпретация подразумевает ряд дополнений. Дополнения требуются в связи со следующим обстоятельством: все три определения представляют собой определения коллективной идентичности, а ее политический смысл определяется лишь добавлением прилагательного «политическое» к таким понятиям, как сообщество, проект, границы, Другие, история и проч. В контексте исследования необходимо выявить те элементы, которые делают коллективную идентичность политической.

К таким элементам можно отнести, прежде всего, обращение к нации-государству как единице анализа и как к одной из форм политического сообщества. Далее — это политическое содержание идентичности нации-государства, определяющее основания его суверенитета и общественного договора, его цели и интересы, внешние угрозы его существованию, а также общие принципы, на основе которых функционируют его институты. Следующий элемент — это способ формирования и поддержания идентичности нации-государства современного типа. Идентичность государства не формируется органическим путем (сама по себе), но в определенной степени является предметом *политики* идентичности, то есть предметом конструирования и формирования политическими элитами. В контексте исследования спорный вопрос представляет собой то, в какой степени политическая идентичность может быть объектом конструирования, в какой степени конструктивистское творчество ограничено социальными и культурными условиями. Но не подвергается сомнению сам факт подобного конструирования.

Последнее положение, в свою очередь, требует следующего уточнения, которое является ключевым для исследовательской стратегии. Нация-государство, как единица анализа, рассматривается как продукт эпохи Современности. Именно условия Современности (Модерна) делают «воображение» сообщества, маркирование границ, актуализацию Другого и интерпретацию прошлого *политическими процессами*, присущими нации-государству. Это положение может быть фальсифицировано утверждением о том, что настоящее время уже не является эпохой Модерна, что сегодня нельзя говорить о нации-государстве в привычном смысле этого слова. В то же время мы можем говорить о настоящем времени как о другом Модерне (Бек, Гидденс) или о Модерне как незавершенном проекте (Хабермас), о Модерне,

имеющим подвижные границы, приспособляющихся к новым вызовам и т.п. Но даже вне контекста этой дискуссии обращение к теориям Современности представляется оправданным в свете исследуемого случая. Россия представляет собой государство, для которого модернизация является далеко не выполненной задачей и которая в настоящий момент является одним из приоритетов ее развития. Для России в этой связи тезис о незавершенности проекта Модерна представляется крайне актуальным.

Сформированная в первой главе модель понятия политической идентичности будет раскрыта в следующей главе на примере российского случая в соответствии с основными кластерами этого понятия.

Глава 2

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Вопрос о том, какой должна быть политическая идентичность России, стоит на повестке дня на протяжении последних двадцати лет. За это время в стране произошли радикальные трансформации. Россия в начале XXI в. качественно отличается от Советского Союза — своего предшественника образца середины 1980-х гг. Наряду с этим, большое число западных и российских экспертов сходилось во мнении, что Россия не стала тем обществом, идеал которого транслировался идеологами перестройки и первых демократических реформ. Политические ценности «западного образца», по мнению целого ряда наблюдателей, не соответствовали и не соответствуют массовому сознанию граждан и национальным политическим традициям, что делало новые демократические институты неэффективными¹⁸³. С другой стороны, исследователями отмечалось отсутствие политического проекта, который отвечал бы на такие вызовы, как целостность государства и нации, преодоление внутренних расколов, поиск своего места в мире и т.п. В этом свете вопрос о политической идентичности оставался одним из наиболее актуальных в постсоветский период.

В то же время тот факт, что после распада Советского Союза старая идентичность не была мгновенно заменена новой политической концепцией, столь же целостной и укоренной в массовом сознании, представляется вполне естественным. Закономерность подобного состояния вещей может объясняться как минимум двумя причинами.

---

¹⁸³ Обзор этих мнений представлен, например, в следующей работе. Timofeev I.N. The Legacies of the Communist Past and the Political Parties' Performance in the Post-Communist Period: The Russian Perspective. MA Thesis. Warsaw : CEU, 2003.

Первая причина: постсоветская история России — это период всеобъемлющего кризиса всех систем и подсистем российского (и бывшего советского) общества. Понятие кризис в данном случае понимается не просто как «сложное время» или период серьезных социально-экономических и политических потрясений. Кризис — это особое состояние общества, при котором оно уже эволюционировало до такой точки, где совокупный эффект присущих ему противоречий делает невозможным решить свои проблемы простой корректировкой действующих институтов. Кризис — это ситуация, в которой кончина существующей модели общества неизбежна как на уровне институтов, так и на уровне идей¹⁸⁴. В этом свете политическую идентичность России постсоветского периода целесообразно рассматривать как кризисную идентичность, то есть идентичность, подразумевающую кризис концепции общества и государства, сложившейся в советский период.

Вторая причина, неразрывно связанная с первой: — постсоветский период истории России — это период транзита, или перехода, и политическая идентичность страны может характеризоваться как транзитная или переходная. В ситуации транзита заложены основы для исторического выбора качественно новой альтернативы, качественно новой концепции общества и государства, на основе которой выстраивается впоследствии и новая институциональная структура¹⁸⁵. Общество и государство, переживая трансформацию, ставят перед собой ориентиры, которые в идеале выступают «пунктом назначения» в движении от старого, кризисного состояния к альтернативному состоянию.

В случае постсоветских обществ отправным пунктом выступала кризисная советская (социалистическая) система и идентичность. Хронологически для большинства стран ЦВЕ речь идет о 1989 г. и о 1991 г. для России и бывших республик СССР. Конечным пунктом выступала «западная» система и идентичность

¹⁸⁴ Определение кризиса заимствовано у И. Валлерстайна. Несмотря на то что Валлерстайн использует такую трактовку кризиса для анализа мировых систем, это определение представляется весьма подходящим в контексте данного исследования. См. *Валлерстайн И.* Типология кризисов в мирской системе // Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — М.: Университетская книга, 2001. — С. 109.

¹⁸⁵ Указ. соч. — С. 109.

с присущим ей набором институтов и принципов, хотя эта альтернатива и не носила универсального характера. Несмотря на присутствие общего знаменателя (в самом широком смысле — перехода от «авторитаризма к демократии»)¹⁸⁶, каждая из трансформирующихся стран, по сути, шла к собственной альтернативе, уникальность которой определялась политико-культурными особенностями каждого конкретного случая¹⁸⁷. К настоящему времени в большинстве стран Центральной и Восточной Европы провозглашено завершение транзита, что определяется, в частности, их интеграцией в евро-атлантические структуры.

В случае России вопрос о завершенности трансформаций является значительно более дискуссионным¹⁸⁸. Особенно в свете того, что динамика российских трансформаций вполне естественно отличается от траекторий изменений идентичности в странах ЦВЕ. Вместе с тем представляется, что в настоящий момент мы можем выявить ряд вполне сложившихся тенденций и обозначить основные составляющие новой идентичности.

Изучение этой альтернативы требует выделения некоторых «сквозных» сюжетов, вокруг которых выстраивалась новая политическая идентичность страны и которые во многом задавали основу новой концепции российского общества и государства.

К таким элементам относится, во-первых, вопрос о модернизации страны и соответственно поиска такой концепции государства, которая позволила бы успешно осуществлять модернизаци-

¹⁸⁶ Каждое из этих понятий может наделяться широким смыслом, имеющим, однако хотя и подвижное, но вместе с тем, и определенное смысловое ядро. Речь шла об ориентации на такие ценности как плюрализм, власть закона, индивидуальная свобода, национальный суверенитет, и проч. — *Примеч. авт.*

¹⁸⁷ Об этом свидетельствуют целый ряд сравнительных исследований посткоммунистических стран, среди которых можно выделить следующие. *Offe C., Elster J., Preuss K.* Institutional Design in Post-Communist Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 1-35; *Smith G.* The Post-Soviet States: Mapping the Politics of Transition. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; *White S., Batt J., Lewis P.* Developments in East European Politics. Durham: Duke University Press, 1993. P. 16-36.

¹⁸⁸ Например, по мнению исследователей фонда ИНДЕМ, переходный период может завершиться к 2015 г. Это — своего рода «крайний срок», который фиксирует окончание изменений на уровне смены поколений. См. *Сатаров Г.* Россия 2015 г.: судьба конституционно-политического устройства // Россия между вчера и завтра: книга первая, экспертные разработки / Под ред. В. Преображенского и Д. Драгунского. — М.: ИНДЕМ, 2003.

онные проекты. В политическом смысле речь идет об эффективном демократическом государстве и его институтах, в экономическом — о динамичной, рыночной и конкурентоспособной экономике. Собственно сам вопрос об отказе от советской политической идентичности был во многом продиктован исчерпанием модернизационного потенциала советской системы, ее стагнацией и кризисом. Именно необходимостью модернизации в определенной степени мотивировался выход советских республик из-под опеки СССР (опора на собственные силы) и, наоборот, «избавлением» России от бремени содержания стран — сателлитов и союзных республик (концентрация ресурсов на собственном развитии). Важно также отметить, что в трансформации идентичности России и бывших советских республик модернизм был неразрывно связан с национализмом. Политический смысл модернизации рассматривался в отходе от «имперской» модели существования бывших советских народов и их превращении в полноценные национальные государства. Подобная ориентация была присуща не только окраинным республикам бывшего СССР, но и России, которая составляла его основу.

В первые постсоветские годы модернизация позиционировалась (по крайней мере, идеологами трансформаций) как противовес застойной и кризисной советской системе. Это противопоставление составляло один из центральных векторов изменяющейся политической идентичности. Впоследствии оно принимает иной характер: необходимость модернизации противопоставляется «варваризации» и архаизации социальных практик, которыми сопровождалось изменение в стране. Модернизация начинает пониматься не только как противовес советской «застойной» модели, но и как средство преодоления издержек политических и экономических трансформаций 1990-х гг. Вообще, постсоветский период как таковой характеризуется тем, что страна сталкивается с потребностью *одновременно* формировать новую политическую идентичность и проводить модернизацию политических институтов, что усложняет обе эти задачи.

Другой сквозной элемент дискуссий о политической идентичности — вопрос об отношении России и Запада, о той степени, в которой России необходимо принять «западные» идеи и институты (понятия модернизации и вестернизации нередко

выступают синонимами). Этот элемент также прослеживается во всех составляющих проблемы политической идентичности, начиная от тезиса о необходимости интеграции в западное сообщество, отказа от рассмотрения Запада как значимого Другого и заканчивая вопросом о прошлом собственного политического проекта, выступавшего альтернативой западного. Для России этот вопрос приобрел гораздо более сложный характер, нежели для стран ЦВЕ, которые изначально и однозначно сделали евроатлантический выбор, позиционируя Россию в качестве актуального Другого.

Существуют и другие элементы дискуссии о политической идентичности. Однако целесообразным видится концентрация на двух из них. Они значимы не только для постсоветского этапа, но уходят своими корнями как минимум на 2-3 века вглубь истории дискуссий о российской идентичности. Кроме того, такие оппозиции как традиция против инновации, автократия против демократии, план против рынка и др., в российском случае, могут сводиться именно к упомянутым составляющим. В этом смысле, актуальным представляется следующий тезис В.Г. Федотовой: «Поскольку процессуально, исторически Россия — всегда модернизирующаяся страна, от Петра I, Александра II, большевиков до нынешних реформаторов... проблема поиска российской идентичности осуществляется в терминах Восток — Запад, отражающих соотношение традиционного (незападного) и современного (западного) обществ и переход от одного к другому как процесс модернизации»¹⁸⁹.

Эти два элемента, помимо всего прочего, тесно взаимосвязаны друг с другом, так как образцом современного (модернизированного) общества является именно Запад, который задает ход модернизации как таковой и ее содержание¹⁹⁰.

Альтернативы и тенденции формирования новой российской идентичности в постсоветский период будут рассматриваться в рамках трех параграфов, в которых будет использована абстрактная модель политической идентичности, построенная в первой главе. Иными словами, сквозные проблемы политической иден-

¹⁸⁹ Федотова В.Г. Модернизация другой Европы. — М. : ИФ РАН, 1997. — С. 4.

¹⁹⁰ См. Соргин В.В. Политическая история современной России, 1985-2001: от Горбачева до Путина. — М. : ИНФРА-М, Весь мир, 2001. — С. 3-5.

тичности России будут рассматриваться сквозь призму трех кластеров этого понятия: «воображения» политического сообщества, маркирования границ и актуализации Другого и интерпретации прошлого.

§ 1. Российская политическая идентичность в постсоветский период: «воображение» политического сообщества

Столкнувшись в начале 1990-х гг. с необходимостью в новых политических принципах и политическом проекте, Россия оказалась в значительно менее выгодном положении по сравнению с другими постсоветскими республиками. Практически все бывшие республики СССР более или менее успешно решали проблему «воображения» политического сообщества с помощью этнического национализма. Политические сообщества этих государств стали рассматриваться преимущественно с точки зрения «одно государство — одна нация»¹⁹¹, а этнонациональные мотивы — культура, язык, национальные символы и т.п. выступали значимым политическим ресурсом. Иными словами, механизмом «воображения» новых политических сообществ в значительной степени выступала этнонациональная идентичность, используемая для легитимации новых режимов. Кроме того, их формирование представлялось как шаг от имперской формы к более прогрессивному и современному национальному государству.

В российском случае возможность использования этнических и национальных мотивов оказалась значительно скромнее. Несмотря на то что Россия стала более этнически однородным обществом по сравнению с Советским Союзом (после распада СССР доля русского населения превысила 80%)¹⁹², страна по-

¹⁹¹ По мнению Эрнеста Геллнера, национализм и национальную идентичность в бывших советских республиках (кроме России) можно характеризовать как «замороженные». Они были законсервированы советской институциональной структурой, а после распада СССР развивались по модели национализма «второго этапа», то есть конца XIX в., которому и был присущ подход к политическому сообществу в терминах «одно государство — одна нация». Цит. по Goshulak G. *Soviet and Post-Soviet: Challenges to the Study of Nation and State Building* // Sage Publications, Vol. 3 (4), 2003. P. 494.

¹⁹² Codagnone C., Filippov V. *Equality, Exit and National Identity in Multinational Federation: The Multicultural Constitutional Patriotism Project in Russia* // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 26, No 2, April, 2000. P. 266.

прежнему оставалась многосоставным обществом. Помимо наличия большого числа национальных диаспор, целый ряд этнических регионов России имел достаточно развитую этнонациональную идентичность. Начиная с Татарстана и Башкортостана и заканчивая Чечней. Излишняя актуализация русско-этнического национализма могла повлечь за собой обострение межэтнических конфликтов и дальнейшую дезинтеграцию страны.

С другой стороны, в России, в отличие от других республик Советского Союза, не сложилось национальной идентичности русского этноса и собственно русской нации, что серьезно ограничивало русский этнический национализм. Те процессы нациеобразования, которые латентно шли в СССР, подкрепляемые в том числе и советской национальной политикой, прошли мимо русского этноса. Политическая идентичность России как основы Советского Союза (и Российской империи) практически совпала с советской идентичностью, поэтому распад СССР сильнее всего ударил именно по России¹⁹³. В этом свете перед Россией встала задача найти не просто новую политическую идентичность, но идентичность наднациональную, не сводимую к этнической составляющей.

Эта задача приобретала особую актуальность на фоне проблемы территориальной целостности и интегрированности государства, которую А.С. Ахиезер охарактеризовал как проблему локализма. Локализм представляет собой процесс демодернизации политического сообщества, когда в результате крушения «воображаемого» политического проекта (в случае СССР — социалистического) единое сообщество разбивается на множество автономных микросообществ: этнических, экономических и проч. Иными словами, если модернизация, как это было обозначено в первой главе, шла как эволюция от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, то демодернизация представляла собой обратный процесс: от еди-

¹⁹³ Эта точка зрения выражена в одной из работ А.Ю. Мельвиля. См. Мельвиль А.Ю. *Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России / Внешняя политика и безопасность современной России*. В 4 т. Т. 1. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 334. Кроме того, этот тезис рассматривается Вэлери Банс в ее сравнительном анализе распада СССР, Чехословакии и Югославии. См. Bunce V. *Peaceful Versus Violent State Dismemberment: a Comparison of the Soviet Union, Yugoslavia and Czechoslovakia* // *Politics and Society*, Vol. 27, No 2, June 1999. P. 222.

ного общества и государства к бесконечному множеству локальных сообществ¹⁹⁴.

Следует отметить, что в авангарде локализма изначально стояли советские республики, в том числе РСФСР. Некогда единое сообщество распалось в соответствии с административными границами между ними. Однако процесс локализма проник и внутрь бывших республик. Помимо политических деклараций, подобных лозунгу о «суверенитете вплоть до местных советов», росту локализма в России во многом способствовали экономический кризис, сбой в системе государственного управления и перераспределения ресурсов. Территории стремились к концентрации дефицитных ресурсов и полномочий по их распределению в собственных руках. Таким образом, локализм проявлялся не только в требовании национальными меньшинствами независимости и суверенитета. В начале 1990-х гг. нарастал экономический локализм территорий, подразумевающий стремление самостоятельно использовать свой экономический потенциал, иметь монополию на распределение производимых в регионе ресурсов, конвертировать экономическую самостоятельность и контроль над дефицитными ресурсами в политическую самостоятельность¹⁹⁵.

С этой проблемой столкнулись и другие бывшие республики СССР: достаточно привести примеры Грузии или Украины¹⁹⁶. В то же время масштаб территорий и количество различных этнокультурных сегментов делали эту проблему несопоставимой по значимости с российским случаем, где число экономически и этнически разнородных территорий было значительно выше¹⁹⁷. После распада СССР Россия сама становилась заложником локализма и многосоставности — тех проблем, которые во многом способствовали ее собственной самостоятельности.

¹⁹⁴ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. — Новосибирск: «Сибирский Хронограф», 1997. — С. 653.

¹⁹⁵ Указ. соч. — С. 658-668.

¹⁹⁶ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. — СПб.: Изд-во Михайлова, 1999.

¹⁹⁷ По мнению В.М. Сергеева, в случае стран с переходными экономиками их размер в значительной степени определяет скорость и сложность трансформаций, а также угрозу дезинтеграции страны. Чем больше страна, тем острее перед ней стоит проблема регионального неравенства и проблема интегрированности. См. Сергеев В.М. Демократия и региональное неравенство // Полис. — 2003. — № 5.

Распад Советского Союза, таким образом, не избавил Россию от той дилеммы, перед которой стояло Советское государство: как сохранить целостность и единство огромной и разнородной территории? Как унифицировать различные территории в единое целое? Россия, по сути, осталась с теми же задачами, которые последовательно пытались решить ее предшественники — Советский Союз и Российская империя.

Исторически подобная дилемма ставила Россию перед следующим выбором. Первый — распад государства на ряд составных частей. Второй — поиск эффективных скреп, действенного политического проекта, на основе которого воссоздается целостное политическое сообщество.

Можно констатировать, что в начале 1990-х гг. Россия была не так далеко от первого варианта развития событий. Помимо роста сепаратизма в национальных республиках (Чечня, в меньшей степени — Татарстан, Башкортостан и др.) и появления в региональном дискурсе вопросов о самостоятельности Санкт-Петербурга, Урала (Уральская республика)¹⁹⁸, Дальнего Востока (Дальневосточная республика), Калининградской области (Балтийская республика), вопрос об управляемой дезинтеграции России активно прорабатывался в зарубежном дискурсе. Речь шла, например, о потенциальной возможности «покупки» Сибири и ее разделения на протектораты, «помощи» России в управлении территориями на Дальнем Востоке и т.п.¹⁹⁹

В то же время в России начинает реализовываться и вариант создания нового политического проекта. В условиях слабости этнонационального ресурса этот проект неизбежно опирается на *политические* принципы. В качестве таковых выступает ряд принципов либерализма, а лейтмотивом формирования российского политического сообщества становится идея политической либерализации. В этом свете сам проект может быть охарактеризован как «либеральный».

Либеральный проект при этом понимается не как *политическая идеология*, выразителями которой являются политические партии или лидеры («реформаторы», «правые», «либералы»

¹⁹⁸ Старовойтова Г. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. — СПб.: Лимбус-Пресс, 1999. — Ч. 2, § 2.

¹⁹⁹ Кузык Б.Н. Россия в пространстве и времени. — М.: Институт экономических стратегий, 2004. — С. 214-215.

и т.п.), противостоящие другим партиям или лидерам («коммунистам», «партиям кремля», «националистам» и т.п.). *Либеральный проект рассматривается именно как политическая идентичность государства*, как основополагающие основы, принципы, максимы, нормы, которые служат базовыми ориентирами политической жизни страны. Подобные ориентиры выступают также и как своеобразный идеал, целевая установка, актуальные для страны и ее граждан²⁰⁰. Понимая все многообразие либеральных концепций, все же отметим, что к таким принципам относятся, помимо процедурной демократии, свобод граждан, главенства закона и т.п., и принцип толерантности и *гражданского равенства* различных этнических и религиозных групп общества. При этом в политическом дискурсе конкретной страны (в нашем случае — России) обозначение этих принципов не должно совпадать с их обозначением в какой-либо другой стране (США, Великобритании и др.). В каждой стране они получают собственное звучание и смысл²⁰¹. Успешность или не успешность либерального проекта, в этом свете должна рассматриваться не с точки зрения принятия обществом или распространенности *либеральных клише* («демократия», «рынок», «права и свободы»), но с точки зрения конкретного содержания политической жизни страны, что особенно актуально для стран, переживавших политический транзит и кризис политической идентичности²⁰².

В этой связи в отношении возникновения и первых шагов либерального проекта в постсоветской России необходимо сделать несколько существенных оговорок.

Во-первых, новый политический проект на рассматриваемом этапе трудно охарактеризовать как *целостную либеральную концепцию*: его нельзя отнести ни к классическому либерализму, ни к либерализму социальному, ни к либертаризму, ни к какой-

²⁰⁰ Г.Г. Водолазов характеризует их совокупность как «демократический этос». См. *Водолазов Г.Г.* Общенациональная идеология как идеология большинства населения // *Полис*. — 1997. — № 3. — С. 24.

²⁰¹ См. *Кулинченко В.А., Кулинченко А.В.* О духовно-культурных основаниях модернизации России // *Полис*. — 2002. — № 3. — С. 150-156.

²⁰² Тезис об иллюзорности универсальных решений и стратегий для неразвитых обществ раскрывается на примере латиноамериканских стран в одной из работ А.В. Шестопала. См. *Шестопал А.В.* Иберо-американистика. Традиции, тенденции, перспективы. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2001. — С. 17.

либо другой либеральной доктрине, сложившейся на Западе. Этот проект существенно отличался от советского социализма, который представлял собой значительно более целостную доктрину. Его можно охарактеризовать как эклектичную совокупность самых общих политических идей либерализма: идеи правового государства, главенства закона и равенства перед ним, идеи политического представительства, идеи политических свобод и т.п. В содержательном плане эти идеи во многом представляли собой принятые на Западе клише и были слабо проработаны в свете именно российских проблем и российского контекста.

Во-вторых, либеральные принципы, как указывает целый ряд авторов, слабо соответствовали (и соответствуют) установкам массового сознания, а также российской политической традиции, ее ключевым элементам: автократии, патримониального государства, синкретизма власти и собственности, патрон-клиентным отношениям вертикальной зависимости и т.п.²⁰³

Во-третьих, идея либерализации политики, привязывается не только и не столько к либеральным принципам как таковым, но скорее к идее модернизации политики, повышения ее эффективности, приведения ее к стандарту, сопоставимым со стандартами западных государств. Новый политический проект можно назвать либеральным, главным образом, в связи с утилитарной задачей политической либерализации-модернизации (хотя и понимаемой весьма абстрактно и приблизительно), которая ставилась лидерами страны, а не либеральным с точки зрения идеалов и нормативных принципов. То есть этот проект изначально воспринимался скорее как средство (панацея) реагирования на текущие проблемы, а не как нормативный императив.

Очевидно, что эти три оговорки весьма значительно обесценивают интегративный потенциал либерального проекта, его значение для страны как политической идентичности, как «национальной идеи». В начале 1990-х гг. слабость либерального проекта в России стала едва ли не аксиомой для российского

²⁰³ См., например, *Пивоваров Ю.С.* Государство. Русское государство. Русская мысль // *Политическая наука*. — 2000. — № 2; *Кортунов В.В.* Недовольство либерализмом // *Имитация здравого смысла: очерки по теории мировой культуры* / Под ред. С.В. Кортунова. — М., 2001. — С. 352-420; *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. — М.: МОНФ, 2000; *Володин А.Г.* Гражданское общество и модернизация в России (истоки и современная проблематика) // *Полис*. — 2000. — № 3.

научного и экспертного сообщества. В то же время представляется, что новый политический проект нации и государства на этапе своего становления, по всей видимости, и не мог быть другим.

Он не мог не претендовать на то, чтобы быть либеральным: старый социалистический проект был дискредитирован, хотя ностальгия по нему и требования его реставрации были весьма ощутимы. В условиях ограниченности и опасности этнонационализма либерализм оставался едва ли не единственной альтернативой. Кроме того, отказ от социалистического проекта во многом мотивировался ориентацией на опыт западных государств, где основополагающие либеральные принципы, в той или иной их модификации, были давно реализованы.

Он вряд ли мог быть глубоко проработан с концептуальной точки зрения. В странах, на которые ориентировалась Россия, либеральные принципы реализовывались не сами по себе. Они модифицировались для решения *конкретных проблем* политического развития, с которыми сталкивались те или иные западные государства. Разнообразие этих проблем рождало и различные либеральные доктрины. Именно в свете этих проблем либеральные принципы находили *точки соприкосновения с национализмом, трансформируя нации из этнических в гражданские*. При этом процесс формирования подобных проектов занимал не один десяток лет, Россия же в начале 1990-х гг. подобного опыта не имела. По этой же причине либеральные принципы не могли быть укоренены и в массовом сознании. И по этой же причине либеральный проект в России начинается не как признаваемая обществом философия, а как утилитарное средство ответа на текущие проблемы, которое уже затем, после проб и ошибок, трансформируется в свою «национальную модификацию».

Необходимо также учитывать, что скептицизм по отношению к либеральным принципам как основы политической идентичности в немалой степени мотивировался следующими моментами. Во-первых, поражением партии «реформаторов» на выборах 12 декабря 1993 г. и на последующих выборах. «Реформаторы» (Е. Гайдар, А. Чубайс, Г. Явлинский и др.) считались едва ли не основными выразителями «либеральных идей» в России и их поражение ассоциировалось и с поражением либерализма в стране. Во-вторых, результатами многочисленных социологических

опросов, которые свидетельствовали о недоверии к либеральным лидерам и партиям, а также о пессимизме относительно новых институтов.

Представляется, однако, что подобные доводы базируются на ложных посылах. Первая посылка о том, что либеральные проект в масштабе политической идентичности страны сводится к какой-либо партии или движению, что его представляют лишь некоторые политические силы, остальные же выступают против него (коммунисты, «националисты» и проч.). Вторая посылка о том, что, если респонденты не высказывают своего доверия этим партиям, у либерализма в стране нет адекватной социальной базы.

Подвергая сомнению первую посылку, еще раз отметим, что либеральная политическая идентичность, или самоопределение нации-государства, в основе которой лежит либеральный проект или либеральные принципы, не должна и не может быть предметом партийной программы или партийной конкуренции. (Именно по этой причине ее нельзя сводить к оппозиции-штампу «либералы против коммунистов», «либералы против государства-номенклатуры» и проч.) Она должна лежать в основе *общих для всей страны* правил игры и политического поля, в рамках которых играют все партии, стороны или акторы — либеральные, социалистические или иные. Далее политическая идентичность, как отражаемый массовым сознанием политический проект, не может сводиться к политическим предпочтениям респондентов. Скорее индикатором могут служить коллективные действия граждан в масштабе всей страны, протест или, наоборот, принятие общих для всех принципов и правил игры.

Тот факт, что либеральный проект в России, несмотря на перечисленные выше оговорки, все-таки стал (в той или иной степени) выполнять функции «воображения» нового политического сообщества и превратился в значимую альтернативу старому советскому проекту, отражают несколько событий и фактов.

Первое — принятие гражданами страны новой Конституции в декабре 1993 г., которая по своему духу и содержанию, несомненно, носит либерально-демократический характер. Это выражается, например, в том, что она устанавливает институционально-процедурный инвариант, который в политическом смысле соответствует критериям либеральной демократии или полиархии,

во многом являющейся выражением либеральных принципов в политической сфере. Этот инвариант предполагает в том числе выборность должностных лиц, всеобщее избирательное право и альтернативные выборы, ограниченность исполнительной власти другими ее ветвями и законом, плюрализм мнений и свободу слова и т.п. Кроме того, Конституция задала правила игры, общие на всей территории России, *формально* объединяющие ее территории в *единое* институционально-правовое поле, базирующееся на либеральных принципах.

Второе — принятие нового политического проекта оппозиционными силами и движениями после 12 декабря 1993 г. Поражение либеральных партий на парламентских выборах имело место в рамках легитимных процедур, в рамках нового политического порядка, основанного именно на либеральных принципах. Последующие электоральные соревнования происходят в рамках тех же правил. Соревнование между властью и оппозицией носит легально-институциональный характер и не перерастает в открытые или неправовые конфликты. Хотя подобные конфликты имели место до принятия новой Конституции. Наиболее яркий пример — противостояние между президентом страны и Верховным Советом²⁰⁴, которое, однако, не переросло в гражданскую войну. Возможно, как писали Б.Г. Капустин и И.М. Клямкин, это свидетельствовало о том, что в российском обществе существуют запасы терпимости, толерантности, уважения к законности, что выступает фундаментальной предрасположенностью к либерализму²⁰⁵.

Третье — принятие (в той или иной степени) нового политического порядка регионами страны, несостоявшаяся, вопреки многим прогнозам, дельнейшая ее дезинтеграция. Выработка *путем*

²⁰⁴ Интересно, что, например, в конфликте Б.Н. Ельцина с Верховным Советом западное политическое сообщество становится на сторону Ельцина. Б. Клинтон характеризует его как «демократа», а Уоррен Кристофер — как сторонника «демократии и свободного рынка». Вместе с тем Верховный Совет описывается как «регрессивный» и «коммунистический». Принятие подобной точки зрения, конечно, было бы излишним упрощением проблемы. Обе стороны конфликта, равно как и зарубежные игроки, преследовали конкретные интересы, которые увязывались с дизайном будущей конституции. См. об этом Bruner L.M. Rhetoric of the State: The Public Negotiation of Political Character in Germany, Russia and Quebec // National Identities, Vol. 2, No 2, 2000. P. 165-166.

²⁰⁵ Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян. // Полис. — 1994. — № 1. — С. 69.

компромисса формулы отношений в рамках единой федерации, изначально несовершенной во многих отношениях, но открытой изменениям и корректировкам. В этом свете примечателен следующий тезис Б.Г. Капустина и И.М. Клямкина.

«Не сбылись прогнозы многих, в том числе серьезных аналитиков, считавших, что распад прежней идеологически сконструированной реальности или, говоря иначе, крах советского официального марксизма при *отсутствии* либерального мировоззрения неизбежно вернет Россию из идеологически-рационалистического упорядоченного мира, каким он сложился после 1914 г., на «классическое поле истории», где более древние, более первобытные силы, националистические и религиозные, фундаменталистские и скоро, возможно, мальтузианские, будут состязаться друг с другом... [В связи с этим] Наша гипотеза о распространении в российском обществе либеральных политических ориентаций не покажется таким уж непомерным преувеличением»²⁰⁶.

Если рассматривать данный тезис в региональной перспективе, то фактически единственным исключением становится случай Чечни. Учитывая тот объем военных и политических усилий, который был брошен на урегулирование чеченской проблемы, становится очевидным, что Федерация не выдержала бы одновременного дублирования подобных случаев хотя бы в десятке регионов, что *априори* делает невозможной в стране деспотию или режим, основывающийся исключительно на силе.

Кроме того, несмотря на указанные оговорки и слабость либерального проекта, последний все-таки возникает не на пустом месте. Либеральный проект в России появляется как проект непосредственно связанный с потребностью в модернизации. Как у стержневой составляющей бывшей Советской империи, у страны за плечами колоссальный опыт реализации модернизационного социалистического проекта, который во многом выступал обратной стороной проекта либерального. И тот, и другой в политико-философском смысле опирался на одинаковые базовые ценности (свободы и прогресса), хотя эти понятия интерпретировались неодинаково, а их достижение осуществлялось разными

²⁰⁶ Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. — 1994. — № 1. — С. 70.

путями. В российском случае, как мы уже отметили, оба проекта (новый либеральный и старый социалистический) ориентировались и на сходные проблемы: целостности и интегрированности разнородного общества, проблемы внутренних границ между различными сегментами общества²⁰⁷. В этом смысле либеральный проект выступает своеобразным преемником проекта социалистического. То есть две альтернативы, которые на уровне политической риторики выступают антиподами, стоят перед проблемами и задачами одного свойства.

В то же время процессы, отражающие появление зачатков нового политического сообщества на основе либерального проекта, которые описывались выше, не выступали гарантом его успешности. Будучи реализованными в Конституции страны и на уровне базовых правил игры, новые принципы часто оказывались далеки от повседневной политики, особенно учитывая такие ее проявления, как коррупция, «полуфеодальные» отношения в ряде регионов, архаизация политического процесса, его смещение в неформальный сектор на фоне слабости гражданского общества. Наряду с этим — содержательная неоформленность и бедность либеральных идей, всеобщее чувство неудовлетворенности новой идентичностью²⁰⁸.

²⁰⁷ Интерес в этой связи представляет тезис Вэлери Банс о том, что «национальная идея» (как политический проект) играет особенно значимую роль в случае полиэтничных, многосоставных государств имперского или постимперского типа, выполняя функции преодоления внутренних границ и этнических идентичностей. СССР в этом смысле представлял собой этнофедеральное государство, в котором советская идеология и политическая идентичность выполняла функции унификации разнообразных территорий в единое политическое сообщество. См. *Bunce V. The National Idea: Imperial Legacies and Post-Communist Pathways in Eastern Europe. // East European Politics and Societies, Vol.19, No 3, 2005. P. 424-426.* См также *Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History, December, 1993. P. 745-746.*

²⁰⁸ По всей видимости, именно с этим был связан «заказ» политическим классом новой «национальной идеи», которая, как писал А.М. Салмин, выступала бы «...в качестве *сredo* некоей новой «гражданской религии» с заданными, как у современных композитных материалов, качествами». Неудача этого «заказа» в очередной раз продемонстрировала, что политическая идентичность как «воображаемый» политический проект не может быть исключительно предметом политических технологий и манипуляций. Она складывается как синтез принимаемых политических принципов, проблем, перед которыми стоит общество с уникальным политико-культурным контекстом. См. *Салмин А.М. Миф истории и история мифа / Национальная идея: история, идеология, миф / Под ред. Г.Ю. Семигина. — М., 2004. — С. 3-4.*

Вместе с тем именно подобная ситуация в значительной степени предопределила контуры политической идентичности, которые начали оформляться лишь к концу 1990-х гг. Новый политический проект постепенно кристаллизовался не как противовес коммунизму — социализму, но как противовес архаике и хаосу постсоветского российского общества первых лет реформ. Рост последних был закономерной издержкой и симптомом крушения СССР, попыток быстрого решения накопившихся проблем путем интенсивных реформ.

Архаика и хаос на протяжении 1990-х гг. все больше превращались в проблему, исходя из которой и должен был вырастать российский либеральный проект, наполняясь конкретным модернизационным смыслом. Именно *в логике синтеза либеральных принципов и проблем, имманентных России*, а не в логике «поражения» либерализма следует рассматривать дальнейшее формирование политической идентичности как «проектных», идейных, концептуальных оснований политического сообщества.

Подобный синтез имеет целый ряд модернизационных аспектов: расширение формальной сферы политических отношений, рост эффективности государства, развитие гражданского общества и т.п. Представляется, однако, что в связи с вопросом о формировании политической идентичности центральным модернизационным аспектом либерального проекта становится идея построения *гражданской нации* как принципиально нового политического сообщества, которое бы решало проблему интегрированности страны, снимая недостатки и наследие советского модернизационного проекта.

Анализируя упомянутые недостатки и наследие, следует оговориться, что советский проект может быть охарактеризован как достаточно успешная попытка создания единого политического сообщества на территории СССР. В стране были созданы единые социальные подсистемы, которые объединяли многонациональный состав населения СССР в рамках институтов, присущих именно эпохе Современности. Это, во-первых, система образования с общими для всех национальных сегментов стандартами, а также единая система занятости, здравоохранения, комплектования вооруженных сил и т.п. Во-вторых, это экономическая система, создававшая условия для высокой территориальной мобильности населения, внутренней миграции и урбанизации, ко-

торая нивелировала культурные различия²⁰⁹. В-третьих, это разветвленная партийная структура, объединяющая все сегменты многосоставного общества в единой системе политико-идеологических координат²¹⁰.

Эти компоненты (первая и вторая — опосредованно, а третья — непосредственно) способствовали формированию единой советской идентичности, чувства общего гражданства и причастности к одному сообществу и политическому проекту. Опыт Советского Союза может служить едва ли не самым удачным практическим примером, подтверждающим гипотезы модернистских теорий национализма. Все три компонента на уровне идей увязаны в рамках единой идеологической доктрины, которая выступает мощным средством унификации различных сегментов общества.

Наряду с этим, в советском проекте был заложен целый ряд условий, которые впоследствии сыграли немаловажную роль в дезинтеграции единого государства.

Первое — это актуализация этнической идентичности. Речь идет не только о соответствующей графе в паспорте гражданина СССР, но и о придании понятию нации этнического, а не гражданского смысла, то есть нация рассматривалась не как территориальное сообщество людей, имеющих общие права, но как территориальное сообщество, базирующееся на общем этническом

²⁰⁹ В логике «плавильного котла» миграционные процессы шли по нескольким направлениям. Первое — движение населения из села в город. В городских условиях различия нивелировались значительно быстрее, нежели в сельских. Кроме того, была создана развитая система интеграции сельского населения в города, в том числе посредством профессионально-технического образования. Пик урбанизации пришелся на период коллективизации (1927–1938), а также — на послевоенный период, когда сельское население восполняло потери городов, понесенные во время войны. Другое направление — внутренняя миграция, направленная на освоение территорий. В этом отношении самым мобильным выступает русский этнос. До 1960-х гг. РСФСР обеспечила мигрантами трудовые потребности всех республик. Последующий за этим обратный приток населения опять же был обеспечен в основном русскими. См. *Зайончковская Ж.* Экономическая и социальная модернизация и внутренняя миграция в России и в СССР / Население России в XX в. материалы научной конференции. — М.: Центр демографии и экологии человека, 1998.

²¹⁰ Партийная структура охватывает все возрастные слои населения, все экономические субъекты, непосредственно связана с деятельностью профсоюзам, координирует работу общественных организаций и т.п. См. Устав КПСС СССР. — М.: Издательство политической литературы, 1988. — С. 75-109.

происхождении. Речь также идет о закреплении непосредственной связи между этничностью и *политическим суверенитетом*. Это особенно актуально в случае союзных республик. Статья 76 Конституции СССР 1977 г. определяет союзную республику как «*суверенное советское социалистическое государство*» (курсив мой — *И.Т.*), статья 72 наделяет каждую республику правом свободного выхода из Союза, а статья 80 — правом вступать в дипломатические отношения с другими государствами²¹¹. Советский Союз представлял собой, таким образом, не гражданскую нацию, но совокупность этнических наций.

Второе — это этническая иерархия, образующаяся в результате актуализации этнического принципа при строительстве социалистической федерации. Подобная иерархия предполагала де-факто выделение в рамках национальных территориальных образований «*титульного*» и «*нетитульного*» населения. При этом представители «*титульного*» этноса имели большие возможности в конкуренции за рабочие места, высшее образование, посты в системе управления, нежели представители других этносов²¹².

Эти два аспекта, по сути, противоречат тем модернизационным аспектам советского проекта, которые были обозначены выше. Цель проекта, с одной стороны, предполагала преодоление внутренних границ, унификацию разнообразных сегментов общества, прежде всего, посредством общей идеологии. Поощрялась внутренняя миграция, в результате которой в целом ряде этнических территорий титульные этносы представляли собой либо меньшинство, либо незначительное большинство²¹³. С другой стороны, в понятие нации вкладывался этнический смысл, что на уровне правовых установлений, наоборот, подрывало интеграционный потенциал сообщества. Подобное противоречие, по сути, отражено в статье 70 Конституции СССР, которая гласит, что «СССР олицетворяет государственное единство

²¹¹ См. *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. — М.: Политиздат, 1987. — С. 337-340.

²¹² При этом важно отметить, при этом, что из 127 этносов территориальную автономию имел лишь 41 этнос. См. *Codagnone C., Filippov V.* Op. cit. P. 266.

²¹³ По данным переписи 1989 г., 45% представителей титульного этноса не проживало на территории своих регионов, представляя собой «нетитульное» население в других регионах. *Codagnone C., Filippov V.* Op. cit. P. 266.

советского народа, сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма»²¹⁴.

Очевидно, что в случае коллапса идеологического стержня, формально установленные границы будут способствовать дезинтеграции Союза, что и продемонстрировал опыт СССР. Кроме того, развитая этническая идентичность и увязка политического суверенитета с этничностью в условиях кризиса идеологии неизбежно влечет за собой рост этнического национализма, установление этнократических режимов, фактическое превращение представителей других этносов в политические меньшинства. После распада СССР заложницей этой проблемы стала Российская Федерация с ее национальными регионами.

Таким образом, под «советским наследием» понимается, во-первых, укоренившееся в научном и политическом дискурсе определение нации как этнического, а не гражданского сообщества. Во-вторых, увязка политического суверенитета ряда субъектов федерации с этничностью²¹⁵, на фоне того, что благодаря миграционным процессам национальные регионы страны представляют собой полиэтничные образования. В-третьих, актуализация этнического фактора, а в ряде случаев «узурпация» власти в пользу титульного меньшинства, активные усилия руководства этих регионов по укреплению региональной этнической идентичности, в том числе в противовес «российской» идентичности.

Наиболее сложным периодом в этом отношении становятся 1991—1992 гг. В этот период политический дискурс страны наполнен крайне радикальными политическими лозунгами, которые в условиях дезинтеграции СССР вполне могли спровоцировать дезинтеграционные процессы и в самой России. Наиболее опасной для целостности государства и для перспектив формирования единой гражданской нации выступала увязка демократизации с этническим самоопределением, перенос правового прецедента выхода из Федерации советских республик на национальные регионы уже в составе России. В немалой степени опасность

²¹⁴ Конституция СССР. Указ. соч. — С. 337.

²¹⁵ Проблему одностороннего понимания нации как этнической группы, распространенной в российском экспертном сообществе, констатирует В.С. Малахов в одной из своих статей. См. *Малахов В.С.* Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обществоведения последних десяти лет) // *Политическая наука.* — 2002. — № 4. — С. 121-137.

представляла и позиция международного сообщества, в тот период серьезно влиявшая на внутреннюю политику постсоветских государств. Актуальным в этой связи представляется следующий тезис В.А. Тишкова: «...среди них [западных экспертов] слишком была сильна формула «распадающейся империи» и искусно продолжит закрепление победы либерализма через возможные новые самоопределения был слишком велик. Мало кто из западных экспертов осмеливался тогда высказываться по поводу опасностей растущего периферийного национализма в России, и в то же время почти все жестко осуждали аналогичные явления в других постсоветских государствах, особенно если они были связаны с деятельностью представителей русскоязычного населения или так называемых «пророссийских сил»²¹⁶.

Очевидно, что под «победой либерализма» в данном случае понимается не либерализм как модернизационный и интегрирующий проект, а либерализм, непосредственно увязанный с этническим национализмом, по сути мало чем отличающийся от ленинских принципов «нормальной государственности», которая может быть построена только на основе этнической общности²¹⁷. Именно в этом смысле России предстояло «создать» собственную либеральную концепцию политического сообщества, которая бы способствовала не дезинтеграции страны, но ее целостности.

Одним из первых шагов в этом направлении становится заключение Федеративного договора между субъектами Российской Федерации, который был подписан в 1992 г. Этот документ определял полномочия федерального центра и регионов. В его преамбуле отмечается ряд существенных доктринальных элементов. Во-первых, это признание приоритета гражданских прав и свобод независимо от национальной принадлежности и территории проживания. Во-вторых, признание права на самоопределение именно народов, а не наций²¹⁸. Не менее важным представляется и то, что документ заложил основы договорных отношений между субъектами Федерации. Таким образом, реали-

²¹⁶ *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. — С. 4.

²¹⁷ Там же. — С. 4.

²¹⁸ Федеративный договор 1992 г. // <http://www.cityline.ru/politika/doc/fd1.html#p1>

зовывался важнейший либеральный принцип государственности, а именно — добровольное делегирование полномочий центру регионами на основе «общественного договора».

Еще одним знаковым событием становится разработка проекта концепции национальной политики России. Целью концепции объявляется преодоление этнического национализма, утверждение приоритета прав и свобод граждан независимо от этничности и культуры, участие всех граждан в политическом процессе посредством институтов представительства и самоуправления. В качестве основы политического сообщества различных сегментов общества выступает идея единства его многообразных сегментов. Государство и ресурсы, согласно проекту, не могут являться собственностью того или иного этноса, а в национальных регионах власть не может быть узурпирована какой-либо этнической группой. Наряду с этим, центральные властные институты должны отражать интересы всех сегментов общества²¹⁹.

Стержневой аспект концепции, таким образом, заключался в понимании нации именно в гражданском, а не в этническом смысле, представление России как национального сообщества, единство которого обеспечивается равенством всех этно-культурных групп перед законом. Несмотря на то, что эта концепция не была принята, она оказала существенно влияние на содержание Конституции 1993 г. С одной стороны, национальные субъекты Федерации не характеризуются как нации, а сама Россия как совокупность наций (в отличие от Конституции СССР). Не оговаривается право выхода из Федерации, хотя республики в составе России и признаются государствами (ст. 5, п. 2). С другой стороны, гарантируются равные права, в том числе на сохранение и развитие национальных языков (ст. 68, п. 3)²²⁰.

Идея гражданской нации как основы российского политического сообщества находит свое выражение в Концепции национального развития, принятой в 1996 г.²²¹ В этой Концепции,

²¹⁹ Тишков В.А. Указ. соч.

²²⁰ Конституция Российской Федерации 1993 г. — М. : Изд-во «ЭКМОС», 1999. — С. 5, 21.

²²¹ См. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г.). // http://www.scrf.gov.ru/documents/decree/1996_909.shtml

вслед за Конституцией, нивелируется этническое содержание понятия нации (в отношении российских этносов используются понятия «народ», «национальность», «этно-культурная общность»). Не отражается право на самоопределение в виде отделения, но закрепляется подобное право через развитие отдельных культур и многокультурности — через двуязычие и многоязычие, многообразие традиций и т.п.²²² Кроме того, Концепция базируется на таких принципах, как правовое равенство независимо от этнической, религиозной или языковой принадлежности, запрет любой формы дискриминации по этнокультурным признакам, сохранение традиций территориального единства России, равенство всех субъектов Федерации в отношениях с федеральным правительством, поддержка развития культур и языков всех российских этносов, право каждого гражданина самостоятельно определять свою этническую принадлежность и др.²²³

Немаловажным является и то, что национальные сегменты российского общества не рассматриваются как меньшинства. Страна в этом смысле значительно дальше уходит от международных деклараций по вопросам меньшинств. В России едва ли можно отнести к категории меньшинств в правовом отношении равные между собой этносы, ряд из которых к тому же имеет собственную государственность и практически каждый из которых имеет собственные культурные институты. Трудно отнести к меньшинствам и граждан России, принадлежащих к украинскому, армянскому или иному этносу²²⁴. (Скорее к категории меньшинств, то есть к группам, находящимся в неравном, пониженном положении, можно отнести мигрантов из бывших республик СССР, испытывающих трудности с легализацией в России и лишенных возможности отстаивать свои права)²²⁵.

²²² См. Тишков В.А. Указ. сочинение. — С. 11-12.

²²³ Codagnone C., Filippov V., Op. cit. P. 277.

²²⁴ См. Тишков В.А. Указ. соч. — С. 12.

²²⁵ Хотя эта проблема актуальна скорее не в свете политической идентичности, а в связи с эффективностью миграционной политики России и аппарата миграционной службы. Не менее актуальна эта проблема и в связи с потребностью России в мигрантах из бывших республик СССР, которые могли бы восполнить потери собственно российского населения, вызванных низкой рождаемостью и высокой смертностью. См. Вишневецкий А. Пережить двадцать первый век // Прогнозис. — Осень 2004. — № 1. — С. 211-216.

В итоге целью Концепции объявляется консолидация различных сегментов российского государства в рамках гражданского сообщества на основе уважения прав и свобод каждого индивида, которые являются высшей ценностью. Наряду с этим, развитие и укоренение в массовом сознании *российского* (но не русского) патриотизма, как одного из оснований межэтнического консенсуса²²⁶.

Таким образом, в 1990-е гг. были сформированы правовые и доктринальные принципы формирования гражданской нации в России как одной из ключевых составляющих новой политической идентичности. Именно через идею гражданской нации российский либеральный проект потенциально получает значимый интеграционный ресурс, превращаясь в средство преодоления локализма и демодернизационных процессов постсоветского периода. Гражданское и правовое единство, наряду с признанием культурного разнообразия, становится существенной альтернативой идее российского государства как совокупности наций, не говоря уже об идее самоопределения через отделение от Федерации и культурном изоляционизме. В этом свете представляется весьма актуальным следующий тезис: «Почему так важно более уверенное употребление понятия российский народ не просто как синоним русскому народу и не отказ признать наличие других народов-этносов в составе российского демоса? *Потому что множественное число («народы») ослабляет легитимность самого государства, всегда образуемого территориальным сообществом-демосом, который и есть по международно-правовым нормам самоопределившийся народ»*²²⁷.

В свете перспектив либерального проекта ключевым в этом положении В.А. Тишкова представляется идея о гражданской нации как о сообществе-демосе, политическая идентичность которого связана с представлением о гражданском единстве в терми-

²²⁶ Хотя эта проблема актуальна скорее не в свете политической идентичности, а в связи с эффективностью миграционной политики России и аппарата миграционной службы. Не менее актуальна эта проблема и в связи с потребностью России в мигрантах из бывших республик СССР, которые могли бы восполнить потери собственно российского населения, вызванных низкой рождаемостью и высокой смертностью. См. *Вишневский А.* Пережить двадцать первый век // Прогнозис. — Осень 2004. — № 1. — С. 288.

²²⁷ *Тишков В.А.* Самоопределение российской нации // Международные процессы. — 2005. — Май-август. — Т. 3, — № 2(8). — С. 33.

нах общей территории, равных прав и свобод, а не с этничностью и идеологией. В этом контексте интерес представляют результаты недавнего массового опроса населения страны, проведенного Фондом «Общественное мнение». Респондентам задавался вопрос о том, какими правами они реально обладают, а какими нет. Отрицательный ответ преобладал в отношении таких прав, как право на возмещение вреда, причиненного должностными лицами, право на защиту от безработицы, право на личную неприкосновенность. Положительный же ответ преобладал в отношении таких прав, как право исповедовать любую религию, право выбора места жительства, право свободного выбора языка общения и обучения, то есть всех тех прав, которые и составляют сердцевину идеи гражданской нации²²⁸. Подобные результаты могут говорить о том, что доктринальные и правовые установления, о которых говорилось выше, начинают укореняться и на уровне массового сознания, хотя для социологического подтверждения данного тезиса требуется гораздо больший объем данных, представленных в динамической перспективе.

Необходимо также отметить, что идея политического сообщества России как гражданской нации все больше вовлекается в политический дискурс, что крайне важно для ее укоренения на уровне политической практики. Термин российский народ и российская нация активно используются, например, в посланиях президента страны Федеральному Собранию, а также в программных публикациях президента. Например, в работе «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованной в 1999 г., речь идет не о русской идее, но о российской идее как своего рода интегрирующем идейном начале российского государства. По мнению В.В. Путина, эта идея не может носить характер государственной идеологии (или одной из идеологий). Она должна появиться как сплав универсальных человеческих ценностей (включая универсальные принципы демократии) с исконными российскими ценностями (патриотизм, державность, государственничество), укорененными в ее истории. Она не может быть сведена ни к конкретной идеологии, ни к этническим или групповым интересам. Именно в этом лежит залог гражданского со-

²²⁸ См. результаты массового опроса населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик // <http://bd.fom.ru/report/cat/man/valuable/of042503>

гласия²²⁹. Подобная постановка вопроса особенно актуальна в свете упоминавшегося в первой главе тезиса о том, что полноценная политическая идентичность формируется тогда, когда самоопределение государства выражается не только на уровне законодательных установлений. Но тогда, когда у политической элиты страны и у ее граждан формируется общее представление об этом государстве как таковом и о тех принципах, на основе которых оно существует.

Таким образом, проследившая процесс формирования российской политической идентичности как механизма «воображения» политического сообщества, можно констатировать следующие тенденции.

Политическая идентичность России уходит от привязки к конкретной политической идеологии, которая существовала в СССР. Вместе с тем она базируется на ряде политических принципов, которые отражаются в Конституции страны и в других нормативных документах и которые могут быть охарактеризованы как либеральные. Они являются либеральными не в смысле идеологии конкретной партии или политической силы, противостоящей другим партиям или политическим силам. Но в смысле их функционирования как правил игры, общих для всех граждан и политических сил, и предполагающих, в свою очередь, политический плюрализм и равенство перед законом. Именно поэтому эволюция новой политической идентичности не увязывается с политической конъюнктурой и сменой политических сил у власти.

В первые годы постсоветского транзита либеральный проект становится значимой альтернативой проекту социалистическому, потерпевшему окончательное поражение в 1991 г. Однако альтернативой либеральному проекту становится и модернизация политических и социальных процессов, угроза дальнейшей дезинте-

²²⁹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. — В 4 т. Т.1. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 24-26. Эта точка зрения находит свое отражение и в публикациях ведущих российских экспертов. Т.А. Алексеева, Б.Г.Капустин и И.К. Пантин в своей публикации 1997 г. отмечали, что интегративная идея (идеология) не должна сводиться к монополии той или иной политической доктрины. Скорее в ее основе должна лежать идея «общероссийской нации», в которой «политическое согражданство» и культурная общность должны доминировать над всеми иными формами идентификации (этнической, религиозной, региональной и т.п.). См. Алексеева Т.А. Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии // Полис. — 1997. — № 3. — С. 16-21.

грации страны на фоне преобладания негативной идентичности. Одним из ключевых направлений преодоления угрозы дезинтеграции нарождающегося политического сообщества становится идея формирования гражданской нации, «воображение» России не как совокупности различных этнических наций, но как единой гражданской нации, сообщества-демоса. Подобное сообщество подразумевает как равенство прав всех граждан, так и право свободного развития этнических групп, в том числе и в политической форме. Эта тенденция формирования политической идентичности представляет собой преодоление «советского наследия», подразумевавшего актуализацию этнической идентичности и увязку национального суверенитета с этничностью.

Вместе с тем политическое самосознание обладает высокой степенью инерционности. Трудно ожидать, что в условиях недавнего кризиса всего общества новая политическая идентичность как коллективное представление о едином государстве и принципах, на основе которых оно существует, будет сформировано в течение короткого временного отрезка. Новая политическая идентичность в этом смысле все еще стоит перед вызовами этнического национализма, ксенофобии, локализма и других явлений, хотя эти вызовы и стали менее острыми по сравнению с периодом начала транзита.

§ 2. Российская политическая идентичность в постсоветский период: альтернативный Другой и новые границы

Отношение России к внешнему миру и изменение ее границ представляет собой одну из ключевых составляющих постсоветского политического транзита в целом и трансформаций политической идентичности в частности. По своему масштабу и скорости эти изменения фактически не имели прецедентов. На уровне формальных установлений и соглашений, официальной идеологии и риторики они могли произойти достаточно быстро. Однако на уровне «коллективных представлений» о значимом Другом и о символических границах ход трансформаций стал значительно более трудными и протяженными во времени. Та версия отношения России к внешнему миру и отношение мира к России, которая возникла в начале 1990-х гг., должна была подвергнуться серьезным испытаниям политической практикой.

Эта версия представляла собой альтернативу политической идентичности, сформировавшейся в советский, главным образом, в послевоенный период. С позиций представлений об актуальном Другом советская политическая идентичность выстраивалась на основе противопоставления социалистического сообщества, включавшего Советский Союз и государства-сателлиты, сообществу западных государств. Подобное противопоставление выражалось как в конкуренции политических проектов, так и в форме конкуренции экономических систем, технологий, вооружений и т.п. Советский Союз в этом смысле формировал политическую идентичность сверхдержавы, способной противодействовать наиболее развитым государствам мира, выступающей лидером в ряде технологических отраслей (космические и военные технологии), идущей по более *справедливому* и успешному пути развития. Границы политического сообщества при этом были достаточно закрытыми. Кроме того, Советский Союз направлял значительные усилия на поддержание символических границ посредством идеологической, информационной и даже культурной политики²³⁰, распространения политикокультурного влияния в странах третьего мира. На поддержание статуса сверхдержавы в значительной степени ориентировалась экономика страны.

Однако к концу 1980-х гг. между статусом СССР как сверхдержавы с одной стороны, и его экономическим потенциалом — с другой, обозначается противоречие. Оно уходило своими корнями в конец 1960-х гг., когда Советский Союз пропускает вхождение в глобальную инновационную волну, требующей существенных изменений в структуре и принципах управления экономикой. В то же время отставание в ряде технологических отраслей компенсировалось ростом нефтегазового сектора в экономике страны. Рост экспорта энергоресурсов позволял поддерживать на должном уровне статус сверхдержавы в военном отношении, субсидировать союзников по СЭВ и ОВД, поддерживать относительно высокий уровень жизни в стране, легитимируя социалистический проект в конкуренции с западным сообществом²³¹. К концу

²³⁰ Об аспектах культурной политики см., например, *Колдобская М.* Жизнь и политика // Космополис. — 2003. — № 2 (4).

²³¹ См. *Тимофеев И.Н.* Концепция национального развития и политическая идентичность России: роль нефтегазового фактора / Сибирский регион — Центральная Азия — дальше зарубежье: энергетическое взаимодействие. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2006.

1980-х гг. складывается ситуация, когда отставание страны в ряде отраслей, компенсируемое нефтегазовым сектором, становится достаточно серьезным, а изменения нефтегазовой конъюнктуры угрожают государству экономическим и политическим кризисом.

В этих условиях руководством страны принимается ряд политических решений, направленных на изменение логики функционирования государства, его отношения к внешним контрагентам и в конечном итоге его политической идентичности. К таким решениям относятся, во-первых, инициатива по сокращению расходов на оборону и прекращение гонки вооружений, переориентация ресурсов на развитие гражданских отраслей. Во-вторых, речь шла об открытии границ государства в смысле его включения в мировую экономику, главным образом, с целью преодоления технологического разрыва в ряде отраслей, привлечения иностранных инвестиций и технологий. В-третьих, к подобным решениям относилось ослабление контроля над государствами-сателлитами, прежде всего в Центральной и Восточной Европе, чья политическая лояльность требовала значительных затрат.

Все эти шаги потребовали изменений в отношении страны к актуальному Другому. Реализация перечисленных решений становилась возможной, прежде всего, в случае отказа от конкуренции с западным сообществом в том виде, в котором она сформировалась в послевоенный период. Речь шла о смене отношения конфронтации на отношения партнерства, что предполагало, однако, ряд условий. К таким условиям относился отказ от альтернативного политического (социалистического) проекта и признание западного проекта не только как более успешного, но и как цели и модели дальнейшего развития страны. В терминах политической практики это означало потерю военного, политического, идеологического, символического влияния в странах-сателлитах СССР и в других зонах влияния страны, а в дальнейшем — потерю суверенитета над советскими республиками. Как следствие — разрушение сформировавшихся формальных и символических границ между западным и социалистическим сообществом. Далее сокращение военного потенциала в частности и средств военно-политического влияния в мире в целом. Резкое сужение сфер глобального символического влияния СССР через потерю статуса самостоятельного и равноценного конкурента в таких сферах, как космос, гражданская авиация, фундаментальная наука и т.п.

Компенсация этих потерь предполагала следующее. Во-первых, *признание* западным сообществом новой идентичности Советского Союза, а затем России, включение страны в сообщество западных государств, преодоление границ между двумя сторонами, их открытие для взаимного сотрудничества. Вхождение в западное сообщество при этом представлялось в качестве необходимой предпосылки успешного развития России. Однако такое *признание* выступало мощным внешнеполитическим инструментом и предметом дипломатического торга: включение России в сообщество развитых государств предполагало конкретные политические уступки²³².

Во-вторых, геополитические потери СССР представлялись оправданными за счет снятия со страны экономических и социальных издержек советской политической идентичности, концентрации ресурсов на задачах модернизации и реформ, формировании новой идентичности, которая способствовала бы выполнению этих задач.

Подобный поворот в политике идентичности начинается в 1985–1986 гг. К 1991 г. в СССР окончательно формируются его доктринальная основа. В отношениях с Западной Европой эту основу составила, прежде всего, концепция «общего европейского дома», инициатива Советского Союза по отказу от разделительных линий в Европе, признание исторической связи между Россией и Европой. В этом свете весьма показателен следующий тезис, выдвинутый М.С. Горбачевым: «Кое-кто на Западе пытается «исключить» из Европы Советский Союз. То и дело будто ненароком ставят знак равенства между понятиями «Европа» и «Западная Европа». Но подобные ухищрения ничего не могут изменить в существующих географических и исторических реальностях. Связи России с другими европейскими народами — торговые, культурные, политические — уходят вглубь веков. Мы — европейцы. С Европой Древнюю Русь связывало христианство... История России — органическая часть европейской истории»²³³.

²³² См. Ringmar E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West // Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association, Vol. 37(2), 2002. P. 15-37.

²³³ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М.: Политиздат, 1987. — С. 200. См. также Нойман И. Указ. соч. — С. 216.

Идея о преодолении границ между Западом и Востоком во многом предопределила ряд внешнеполитических инициатив. Речь идет о выводе войск из стран ЦВЕ и из Восточной Германии, объединение ФРГ и ГДР, невмешательство Советского Союза в серию «бархатных революций» в странах-сателлитах.

В отношениях с США и с Евро-атлантическим сообществом безопасности концептуальную основу новой политики идентичности составляла идея взаимного ограничения вооружений. Общая идея изменений на этом направлении может быть прослежена, например, в нобелевской лекции М.С. Горбачева, в которой он объявляет неприемлемым «...Противостояние Запада и Востока, жесткое деление на «своих» и «чужих», на два враждебных лагеря, с набором соответствующих атрибутов «холодной войны». Состояние, когда «Запад и Восток были скованы логикой военного противостояния, все больше истощая себя гонкой вооружений»²³⁴.

В сфере практической политики ключевыми шагами в этом направлении становятся Договоры о сокращении наступательных вооружений, о сокращении обычных вооружений в Европе, Конвенция о запрете и уничтожении химического оружия и др.

В целом Советский Союз и Запад представляются уже не как сосуществующие силы «на современной стадии развития», а как партнеры, которые должны решать общие глобальные проблемы. Среди них — разрыв между богатыми и бедными странами, опасность экологической катастрофы, эпидемий, истощения природных ресурсов и т.п. Эти инициативы характеризуются как «новое политическое мышление»²³⁵. В качестве долгосрочной цели внешней политики СССР объявляется превращение в «органическую часть современной цивилизации», живущую «в согласии с общечеловеческими ценностями, по нормам международного права», вовлечение страны в мировую экономику²³⁶.

Чрезвычайно важным для дальнейшей судьбы страны и конфигурации ее границ становится также идея самоопределения наций в составе СССР в рамках конституционного процесса, признание их права выхода из Союза, утверждение этих принципов на между-

²³⁴ Горбачев М.С. Нобелевская лекция. — М.: Политиздат, 1991. — С. 5.

²³⁵ Там же. — С. 6, 14.

²³⁶ Там же. — С. 6, 10.

народной арене²³⁷. На декларативном уровне имеет место актуализация границ между республиками, их превращение в самостоятельные субъекты международных отношений. Происходит, таким образом, коренной и беспрецедентный пересмотр видения Россией собственной государственности и принципов, на основе которых она строится. Политическим следствием подобного поворота становится подписание «Беловежских соглашений», исходивших из бесперспективности нового Союзного договора и закрепляющих создание Содружества Независимых Государств²³⁸.

Распад СССР в 1991 г. не влияет в значительной степени на координаты политической идентичности России как его правопреемника. В первые постсоветские годы российская внешняя политика формируется на основе тех координат, которые были заданы в период с 1985 по 1991 гг. Эта преемственность прослеживается как на уровне официальных документов, так и в публикациях высших должностных лиц²³⁹.

На уровне официальных документов примером может служить Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная распоряжением Президента России 23 апреля 1993 г. Сущность внешней политики России, согласно Концепции, предопределяется задачами «возрождения России как демократического, свободного государства... обеспечения благоприятных условий... для полноправного и естественного включения РФ в мировое сообщество как великой державы...»²⁴⁰.

²³⁷ Горбачев М.С. Нобелевская лекция. – М.: Политиздат, 1991. – С. 8.

²³⁸ Беловежские соглашения // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. – В 4 т. Т. 4. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 12–18.

²³⁹ Обращение к официальным документам и публикациям представляет особый интерес в свете следующего тезиса А.Ю. Мельвиля: «...национальная и государственная идентичность являются не столько «объективными», то есть определяемыми геополитическим положением и историей, культурой и традициями, но скорее «субъективными», будучи особой формой выражения элитами своих ключевых интересов. В то же время геополитика, история и культура представляют собой абсолютно реальные факторы (или скорее контекст), которые формируют идентичность, кристаллизуют в разнообразных идейных формах, включая политические доктрины». См. *Melville A. Foreign Policy Therapy “a la Dr. Putin” // Russian Foreign Policy in Transition. Concepts and Realities / Edited by A. Melville and T. Shackleina. Budapest, New Yourk: CEU, 2005. P. 440.*

²⁴⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. – В 4 т. Т. 4. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 19.

В Концепции отмечается признание важного значения «нового политического мышления». Контроль над вооружениями и интеграция в мировую экономику определяются в качестве приоритетов.

Вместе с тем Концепция отражает и «видение» Россией себя в новом контексте: в условиях глобальных трансформаций и изменения собственных границ. Исходя из коренной смены политической идентичности страны, определяется отношение к государствам СНГ, странам ЦВЕ и Балтии, которые, хотя и рассматриваются в качестве традиционной сферы российских интересов, воспринимаются как равноправные партнеры, с которыми необходимо выстраивать новые отношения²⁴¹. Партнерство с США и с Европой определяются как приоритет и как предпосылка вхождения России в сообщество развитых государств²⁴².

На уровне публикаций высших должностных лиц примером может служить работа А.В. Козырева «Стратегия партнерства». Первый министр иностранных дел новой России отмечает, что для постсоветской, демократической России западные демократии, включая США и их союзников в Западной Европе, такие же естественные партнеры, а в будущем и союзники, как они были врагами для тоталитарного СССР. Отказ от партнерства с Западом определяется как условие потери Россией шанса превратиться в открытое демократическое государство. Россия, по мнению Козырева, делает свой выбор в пользу Запада, будучи его равноправным партнером, и именно в этом партнерстве, а не в попытках отгородиться от него лежит основа успешного развития страны. Вместе с тем отмечается, что партнерство не означает того, что у России нет собственных национальных интересов. Эти интересы должны преследоваться вне рамок какой-либо политической идеологии, с одной стороны, и не должны передаваться наднациональным институтам — с другой. В качестве приоритетов внешней политики определяются участие в обеспечении глобальной безопасности в многополюсном мире. А также

²⁴¹ Подобное изменение стало не менее революционным нежели отношение к Западу, особенно учитывая традицию патерналистского отношения российского политического класса и интеллигенции к упомянутым республикам. См. *Кортунов А.В. Ветер с Востока или свет с Запада? // Центрально-Европейский ежегодник, 2003. – М.: Логос, 2003. – С. 7–11.*

²⁴² Там же. – С. 19–38.

содействие стабильности в СНГ, интеграция страны в мировую экономику²⁴³.

Внешнеполитические шаги первых постсоветских лет соответствовали доктринальному вектору трансформации политической идентичности страны. В 1993 г. подписывается договор о дальнейшем сокращении ядерных вооружений (СНВ-2), российские войска выводятся с Кубы. К 1994 г. окончательно выводятся войска из Германии, стран ЦВЕ, стран Балтии.

В то же время новая политическая идентичность все в большей степени носит негативный, кризисный характер. Суть этого кризиса может быть охарактеризована следующим образом: многочисленные политические уступки и в конечном итоге распад единого государства не сопровождались реализацией главного ожидания, с которым связывались изменения политической идентичности страны — быстрого включения России в западное сообщество на правах равного партнера и оздоровления экономики за счет западных инвестиций и технологий. Напротив, Россия не признается ни европейской, ни западной страной, а резкое открытие экономики, наряду с другими факторами, влечет за собой экономический спад, быстрый рост импорта в структуре потребления, потерю традиционных рынков сбыта российских технологий. Более того, для бывших союзников по социалистическому блоку Россия становится не партнером, но значимым Другим, противовесом идее интеграции в западное сообщество²⁴⁴.

Символические границы между Западом и Востоком, таким образом, не элиминируются, но сдвигаются на Восток. Если до распада социалистического сообщества эту границу образно можно было провести по Эльбе (*East of Elbe*), то после его распада символическая граница может обозначаться уже по Нарве (*East of Narva*). Можно констатировать, что после падения советского железного занавеса со стороны западного сообщества если и не появился но-

²⁴³ Козырев А.В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. — 1994. — № 5. — С. 5-15.

²⁴⁴ В этом отношении иллюстративна следующая работа польского социолога Томаша Зарицкого. Zarycki T. The Role of Russia in the Modern Polish National Identity // East European Policy and Societies, Vol. 18, No 4, 2004. — P. 595-627. Интерес представляют и следующие работы: Шнейдер И. Восприятие угроз и идентичность: Чешская Республика в Европе / Центрально-Европейский ежегодник, 2003. — М. : Логос, 2003. — С. 217-222. Балог А. Венгры-мадяры: национальная и европейская идентичность (1990-1998) // Центрально-Европейский ежегодник, 2003. — М. : Логос, 2003. — С. 223-234.

вый занавес, то возникла новая граница, поддерживаемая как на уровне символической, так и на уровне практической политики. Ареал «русского мира» значительно сократился как в территориальном, так и в культурно-символическом смысле, тогда как «общий европейский дом» с участием России так и не стал реальностью. В этом отношении показательно следующее высказывание посла США в Москве Томаса Пикеринга: «Со строго геополитической точки зрения распад Советского Союза явился концом продолжавшийся триста лет стратегического территориального продвижения Санкт-Петербурга и Москвы. Современная Россия отодвинулась на Север и Восток и стала более отдаленной от Западной Европы и Ближнего Востока, чем это было в XVII веке»²⁴⁵.

Практическими шагами по формированию новых границ становятся, прежде всего, активное вовлечение бывших союзников и республик СССР в евроатлантические структуры безопасности. Для эволюции новой российской идентичности эти инициативы носили определяющий характер, подразумевая, что надежды «нового внешнеполитического мышления» оказываются нереализованными, а новый курс нуждается в коррекции. Эти реалии отражаются в одной из публикаций Е.М. Примакова. Примаков констатирует, что отношения России и Запада, прежде всего в области безопасности, должны перестать носить характер односторонних уступок. России нельзя делать ставку на прием в НАТО: подобная инициатива будет использована как повод для расширения блока на Восток, а Россия в конечном итоге получит отказ в силу «ее величины и сложности», которые не позволят в должной степени обеспечить ее безопасность²⁴⁶.

²⁴⁵ Цит. по Кортунов С.В. Имперские амбиции и национальные интересы. Новые измерения внешней политики России. — М. : МОНФ, 1999. — С. 149.

²⁴⁶ Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. — В 4 т. Т. 1. — М. : РОССПЭН, 2002. — С. 201-202.

Вопрос о «сложности России» получает интересную интерпретацию в статье финского исследователя Франка Мюллера. В фокусе анализа Мюллера — перспективы формирования балтийского сообщества безопасности. Основной тезис Мюллера: Россия, безусловно, отличается от стран ЕС по многим критериям, однако ее инаковость и «сложность» не должна увязываться с ее способностью стать неотъемлемой частью сообщества безопасности балтийских государств. Западный проект не сможет укрепиться в балтийском регионе без вовлечения в него России. См. Moller F. Capitalizing on Difference: A Security Community or/as a Western Project // Sage Publications, Vol. 34 (3), 2003. P. 315-328.

Следует отметить, что некоторое разочарование в отношениях с Западом прослеживается еще в документах эпохи «нового мышления». Так, М.С. Горбачев отмечает, что процесс деидеологизации международных отношений со стороны нашего государства шел «интенсивнее и откровеннее», чем со стороны Запада²⁴⁷, а в Концепции внешней политики России 1993 г. говорится об «увлечении абстрактными понятиями бесконфликтного глобализма»²⁴⁸. В этой связи точным представляется следующий тезис Т.А. Алексеевой: «От иллюзий нового политического мышления, от энтузиазма по поводу общечеловеческих ценностей и надежд на равноправное сотрудничество со вчерашними противниками московские политики излечились быстро — даже по житейским, а не историческим меркам. Словно шубу с боярского плеча, «сбросила» Россия в одночасье бывлых друзей и сателлитов СССР, нахлебников и пламенных революционеров. И осталась, по сути дела, наедине с мощными геополитическими и цивилизационными вызовами современности — к тому же ослабленная тяжелым кризисом и беспримерными территориальными потерями»²⁴⁹.

Ответ на этот кризис и поворот в трансформации политической идентичности страны становится заметным на уровне доктринальных документов к концу 1990-х гг. В 1997 г. появляется Концепция национальной безопасности России. С точки зрения изменений политической идентичности, в этом документе можно выделить два ключевых момента. Первый — признание того, что Россия более не играет той роли в системе международных отношений, которую играл Советский Союз. Однако в качестве смены этой роли определяется уже не отказ от идеологии, но общее ослабление страны. Отмечается, вместе с тем, что Россия должна играть роль великой державы, имея уникальное географическое положение, ядерный потенциал, сырьевые ресурсы и т.п. Второе — признание того, что партнерство с Западом по многим направлениям зашло в тупик. Признается факт смены границ, а пер-

²⁴⁷ Горбачев М.С. Нобелевская лекция. — М.: Политиздат, 1991. — С. 12.

²⁴⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. — В 4 т. Т.4. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 20.

²⁴⁹ Алексеева Т.А. Поиск новой парадигмы // Политическая наука в России / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: МОНФ, 2000. — С. 268.

спектива расширения НАТО на Восток считается неприемлемой и рассматривается как угроза национальной безопасности²⁵⁰.

Окончательный сдвиг политической идентичности страны на доктринальном уровне происходит в 2000 г., когда утверждаются новая Концепция национальной безопасности, Военная доктрина и новая Концепция внешней политики РФ.

Первый документ в целом фиксирует положения, обозначенные в Доктрине 1997 г. Запад признается в качестве значимого Другого в том смысле, что сообщество развитых государств продолжает укрепление военно-политических блоков, выражаемое в том числе в расширении НАТО. Констатируется неприемлемость игнорирования Западом интересов России, а также тенденция к доминированию развитых стран Запада в мировой политике при лидерстве США, индикатором которой выступает одностороннее применение военной силы в обход норм международного права²⁵¹. Вместе с тем признание Запада как Другого не подразумевает открытую конфронтацию с ним, что коренным образом отличает новую российскую идентичность от идентичности советской²⁵².

В этом свете весьма показателен следующий тезис И.С. Иванова: «...для России в равной мере неприемлемы как неоправданные уступки в ущерб собственным интересам, так и сползание к конфронтации с США, странами Западной Европы и Японией. Курс на последовательное, а там, где необходимо, и жесткое отстаивание национальных интересов ни в коей мере не противоречит задаче дельнейшей интеграции России в сообщество демократических государств и международные экономические структуры»²⁵³.

²⁵⁰ Концепция национальной безопасности РФ 1997 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. В 4 т. Т. 4. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 51-53.

²⁵¹ Последнее положение прослеживается и в работах ведущих российских экспертов. См., например, Торкунов А.В. Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. — 1999. — № 12. — С. 45-52.

²⁵² Концепция национальной безопасности РФ 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. В 4 т. Т. 4. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 75-80.

²⁵³ Иванов И.С. Внешняя политика России на рубеже XXI века: проблемы формирования, эволюции и преемственности // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. В 4 т. Т. 1. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 210.

Качественно новым аспектом Концепции становится существенный рост значимости проблемы терроризма. Если в предыдущих концепциях терроризм отмечался как одна из угроз, то в новой Концепции он рассматривается уже как транснациональная сила, как новый Другой²⁵⁴. Этот аспект является одним из ключевых и в Военной доктрине России 2000 г. В качестве угрозы безопасности подчеркивается усиление национально-этнического экстремизма, расширение масштабов терроризма на фоне ослабления значимости норм международного права²⁵⁵.

Еще один важный аспект новых документов — видение места России в мире и представление желаемой картины мира. В Концепции внешней политики уже на первых страницах отмечается, что некоторые расчеты «связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных партнерских отношений России с окружающим миром» не оправдались. На этом фоне отмечается тенденция к формированию однополярного мира при доминировании США и неприемлемость подобной тенденции. Россия в этой связи рассматривается как неотъемлемая часть мира многополярного, а концепция последнего считается наиболее адекватным отражением сложившейся международной обстановки²⁵⁶. Таким образом, на фоне неудачи включения России в западное сообщество на правах равного партнера именно многополярный мир рассматривается как желаемая альтернатива миру биполярному и однополярному. Такая структура мира дает стране возможность оставаться *одной из великих держав*, наряду с другими центрами силы.

Таким образом, политическая идентичность России в терминах Мы — Они, сложившаяся к 2000 г., на доктринальном уровне

²⁵⁴ Концепция национальной безопасности РФ 2000 г. / Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. В 4 т. Т. 4. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 75-80. Интерес представляют также комментарии министра обороны России С.Б. Иванова по данной проблематике. См. *С.Б. Иванов*. О новой редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации / Лекция С.Б. Иванова в МГИМО(У) МИД России. 14 марта 2000 г. См. http://risa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1345&Itemid=294

²⁵⁵ Военная доктрина РФ 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. — В 4 т. Т. 4. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 90-92.

²⁵⁶ Концепция внешней политики РФ 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. — В 4 т. Т. 4. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 109-112.

может быть сведена к следующим элементам. Запад остается для России значимым Другим. Россия не претендует на конфронтацию с ним, но готова отстаивать свои национальные интересы и препятствовать продвижению границ западного сообщества на Восток. Новым актуальным Другим становится международный терроризм и экстремизм, хотя этот Другой и не сопоставим с Западом. (Терроризм не может рассматриваться как равноценный Другой, способный к *признанию* собственного коллективного Я.) Россия должна оставаться великой державой в контексте многополярного мира. Ее миссия в мире состоит в том числе в укреплении институтов международного права, налаживании равноправного диалога между центрами многополюсного мира, сохранению роли и авторитета таких институтов как ООН. Россия не претендует на предложение миру новых политических проектов, подобных социалистическому. Она скорее продолжает поиск своего места в сообществе демократических, западных государств, хотя этот поиск и лишен драматизма конца 1980-х — начала 1990-х гг.²⁵⁷ В доктринальных документах подчеркивается преемственность внешней политики России в отношении ее многовековой истории, но, вместе с тем, отсутствуют претензии на особую духовную или цивилизационную миссию страны в мире.

В той или иной степени, подобная конфигурация политической идентичности новой России стала предметом рефлексии ведущих российских исследователей, предлагающих различные точки зрения по данной проблеме. Приведем лишь некоторые из них.

По мнению А.Г. Арабтова, Россия исторически являлась частью Европы, хотя особые социально-политические условия и внешнеполитические угрозы детерминировали отличия ее политического устройства от западноевропейских стран. После окончания «холодной войны» глобальная игра России надолго закончена — ее конкуренты на Западе и на Востоке существенно превосходят ее экономически: речь идет о США, ЕС, Японии и Китае, причем последний представляет наибольшую угрозу. России в этом смысле нет смысла противопоставлять себя западному сообществу, тем более учитывая то, что ее военный и демографический потенциал сокращается, а потенциал экономичес-

²⁵⁷ В одной из своих статей это констатирует также Д. Тренин. См. *Тренин Д.* Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. — 2004. — Т. 8. — № 3. — С. 9-23.

кий не сможет достигнуть уровня упомянутых контрагентов. Перспективным направлением для страны является ее интеграция в европейское сообщество, наиболее близкое ей в культурном плане. Европа, таким образом, становится тем Другим, синтез с которым наиболее благоприятен в условиях быстрого роста новых Других на Юге и на Востоке, а также на фоне обострения таких угроз, как терроризм и экстремизм²⁵⁸. И наоборот, возрождение имперских тенденций и противостояние с западным сообществом приведет к еще более тяжелому кризису и распаду страны²⁵⁹.

Мысль о том, что Россия в обозримой перспективе не сможет претендовать на международный вес СССР, прослеживается и в одной из работ А.Ю. Мельвиля. Ресурсы России в настоящий момент ограничены и не позволяют играть прежнюю роль в мире. В отношении актуальных Других (на Западе и на Востоке) страна на данном этапе не имеет возможности ни противостоять им, ни служить «евразийским» мостом между ними. С другой стороны, для России подобная ситуация представляет собой возможность уйти от активной конфронтации с внешним миром, заняться внутренними проблемами, определить свое Я вне логики конфронтации и претензий на глобальное лидерство²⁶⁰.

А.Д. Богатуров отмечает, что проблема отношения России к внешнему миру осложняется «сплавом» двух явлений. С одной стороны, вопросы государственного престижа и реально или мнимо ущемляемых национальных интересов. С другой стороны, потребность в завершении реформ, модернизации государства без разрушения «рационального ядра национальной идентичности». В этих условиях заложена, с одной стороны, угроза нагнетания противостояния с Западом, а с другой — объективная потребность в сотрудничестве с ним, выражаемая в необходимости заимствования технологий, организационного опыта и т.п. Не-

²⁵⁸ Арбатов А.Г. Российская национальная идея и внешняя политика. — М.: МОНФ, 1998. — С. 17, 36-40, 54-58. О перспективах изменений военного потенциала страны, в том числе в свете угрозы международного терроризма, см. Арбатов А.Г. Какая армия нам нужна? Контуры российской военной реформы // Россия в глобальной политике. — 2003. — Январь-март. — Т. 1. — № 1. — С. 60-76.

²⁵⁹ Арбатов А.Г. Россия: особый имперский путь? // Россия в глобальной политике. — 2005. — Ноябрь-декабрь. — № 6.

²⁶⁰ Мельвиль А.Ю. Указ. соч. — С. 330-339.

смотря на трудности отношений с западным сообществом, именно оно является преимуществом России в отношениях с гораздо более значимым, чем Запад, конкурентом — Китаем. России необходимо играть роль набирающего вес партнера, а не теряющей силы соперника Запада²⁶¹.

Тезис об ограниченности ресурсов России как фактор ее отношений с внешним миром, прослеживается и в подходе А.М. Салмина. Фактор ограниченности ресурсов делает необходимым оптимизацию Россией своего положения в мире в форме разумной достаточности обороны и внешнеполитической деятельности, рациональной интеграции в экономические, правовые, оборонные пространства. Кроме того, использование в своих интересах различных балансов сил в противовес противостоянию с ними. В качестве крайне негативного сценария рассматривается изоляционизм России, попытка «закрыться» от внешнего мира. Повышение статуса России как партнера Запада — приоритетная задача, но не меньшим приоритетом выступает защита интересов в СНГ и ЦВЕ, противодействие дальнейшему расширению НАТО, сохранение авторитета СБ ООН и норм международного права²⁶².

По мнению С.В. Картунова, проблема политической идентичности в ее международном измерении носит значительно более глубокий характер, нежели текущие отношения с Западом или Востоком. Понять место России в мире, ее отношение к другим странам и культурам можно, прежде всего, посредством обращения к ее историческому, культурному и духовному наследию, через понимание той исторической миссии, которую страна играла на протяжении своей истории. Подобная миссия лежит в духовной и культурной сфере, подразумевая синтез различных культур; вместе с тем эта миссия альтернативна западному политико-культурному проекту. Советский период истории страны внешне встраивался в эту логику, но в значительной степени искажал ее, подменяя идеологией исторически сложившиеся ценности (хотя это не значит, что страна должна отказываться от советского наследия). Наряду с этим, идея Большой Европы с участием России в европейской политике на правах равного

²⁶¹ Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. — 1996. — № 2. — С. 25-36.

²⁶² Салмин А.М. Россия, Европа и новый мировой порядок // Полис. — 1999. — № 2. — С. 10-31.

партнера должна носить приоритетный характер. Для этого стране потребуется сконцентрироваться на задачах модернизации и интеграции в мировую экономику при сохранении политического суверенитета²⁶³.

Исходный тезис А.С. Панарина — Россия на современном этапе не сможет интегрироваться в Европу на правах равного партнера, в том числе и потому, что к этому не готова сама Европа. Статус «второй» или «третьей Европы», означающий периферийный статус младшего партнера, также неприемлем, так как рано или поздно он войдет в противоречие с историческими и цивилизационными традициями России. Кризис идентичности 1990-х гг. — явление временное. Его преодоление будет идти по пути возрождения суперэтнических и межконфессиональных универсалий, что войдет в противоречие с внешнеполитическим консенсусом на Западе относительно неприятия реинтеграции постсоветского пространства. В то же время конфронтация с Западом неприемлема. Альтернатива конфронтации — выстраивание собственной евразийской идентичности, направление ресурсов на внутреннее развитие, прежде всего Восточной Сибири, что служит и необходимой предпосылкой для того, чтобы избежать будущего конфликта с Китаем и другими странами АТР²⁶⁴.

На фоне поворота российской политической идентичности, который оформился к 2000 г., и на фоне подходов российских исследователей интерес вызывает и то, какое место стала занимать Россия в структуре западной идентичности — как европейской, так и американской.

В структуре европейской идентичности Россия по-прежнему остается значимым Другим. Конечно, страна больше не воспринимается в Европе как непосредственный противник и как военная угроза, равно как и Европа в России не видится в качестве арены будущих военных операций. Вместе с тем Россия рассмат-

²⁶³ Kortunov S.V. The Fate of Russia // Comparative Strategy, No 15, 1996. P. 183-191. Kortunov S.V. Russia's National Identity: Foreign Policy Dimension // International Affairs, No 4, 2003. P. 97-106; Кортунув С.В. Россия: не сердиться, а сосредоточиться // Россия в глобальной политике. — 2005. — Сентябрь-октябрь. — No 5.

²⁶⁴ Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Парадоксы европеизма в современной России // Вопросы философии. — 1996. — № 10. — С. 19-31; Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. — М.: Алгоритм, 2000. — С. 297-314.

ривается как «частично европейская» или «почти неевропейская страна», как государство, которое только лишь в отдаленной перспективе может стать частью Европы (понимаемой, прежде всего, как Европейский Союз), но которой нужно пройти для этого большой путь политической и экономической модернизации (эти идеи находят свое отражение и в идентичности постсоветской России)²⁶⁵. Подобное позиционирование России в структуре европейской идентичности весьма удобно для формирования последней, учитывая то, что этот процесс является одним из приоритетов европейской политики. Таким образом, Россия (как и Турция) и после распада СССР сохраняет свою традиционную роль Другого для Европы, чьи институты и чья недавняя история коренным образом отличаются от институтов и истории, общих для европейских стран²⁶⁶. Такое место России представляет собой не только основу для формирования европейской идентичности как таковой, но и систему координат расширения европейского пространства — интеграции в Европейский Союз бывших стран-сателлитов СССР в ЦВЕ.

Если распад Советского Союза и процессы, происходящие в России, способствовали формированию европейской идентичности в рамках конструирования ЕС, то в случае идентичности США ситуация оказалась иной. Распад СССР означал для США потерю конкретного врага, конкуренция с которым выступала существенным элементом американской идентичности. С одной стороны, социалистический проект выступал той альтернативой, по отношению к которой в значительной степени формировался американский либеральный проект в послевоенный период. С другой стороны, наличие врага делало весомый вклад в сплочение нации, задавало координаты политического курса, легитимировало политические действия. СССР до своего распада выступал неотъемлемой частью политической повестки дня

²⁶⁵ См. Neumann I. Russia and the Idea of Europe: a Study in Identity and International Relations. London: Routledge, 1996. P. 1-30.

²⁶⁶ См. Delanty G. The Making of a Post-Western Europe: A Civilizational Analysis // Thesis Eleven, No 72, February, 2003. P. 8-25. Delanty G. Inventing Europe: Idea, Identity, Reality. London: Macmillan, 1995. P. 11; Delanty G. The Frontier and Identities of Exclusion in European History // History of European Ideas, No 22 (2), 1996. P. 93-103. См. также Strath B. A European Identity: To the Historical Limits of the Concept // European Journal of Social History, No 5 (4), 2002. P. 391-397.

в США. Немаловажным фактором выступало и то, что евроатлантическая структура безопасности и американское присутствие в Западной Европе выстраивались как противовес советскому военному влиянию в ЦВЕ. Окончание «холодной войны» лишило США значимых оснований военного присутствия в Европе и поставило евроатлантическое сообщество как минимум перед необходимостью трансформировать собственную политическую идентичность²⁶⁷. Продвижение НАТО на Восток само по себе не решило эту проблему, лишь закрепляя последствия «холодной войны». Страны-изгой и «ось зла» (Афганистан, Ирак, Иран, Северная Корея), а также международный терроризм при всей своей значимости для безопасности США не смогли стать значимым Другим, сопоставимым с СССР. В определенной степени сами США оказались не готовы к встраиванию новых Других в структуру своей идентичности. Противостояние с СССР носило характер конкуренции политических проектов, тогда как противодействие международному терроризму приобретает культурный, «цивилизационный» характер, о чем пишет, например, Сэмюэль Хантингтон в одной из своих недавних работ²⁶⁸.

Тезис о кризисе²⁶⁹ американской идентичности в связи с распадом СССР в определенной степени прослеживается и на уровне публикаций политиков, которые непосредственно формируют внешнеполитический курс США в последние годы. Так государственный секретарь США Кондолиза Райс одну из своих работ, посвященных данной проблематике, начинает с констатации значительных трудностей в определении идентичности и национальных интересов США в связи с распадом СССР. Трудности в определении роли США в мире, по мнению Райс, выражает тер-

²⁶⁷ Об отношениях между ЕС и США в контексте трансформаций евроатлантической структуры безопасности см. *Троицкий М.А.* Трансатлантический союз 1991-2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. — С. 65-93.

²⁶⁸ *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М.: АСТ, 2004. — С. 403-414.

²⁶⁹ Следует отметить, что тезис о кризисе американской идентичности должен приниматься с известной долей осторожности: этот тезис далеко не является предметом консенсуса ни американских элит, ни экспертного сообщества. См. *Печатнов В.О.* Американо-центристский мир и его последствия для России // Вторые горчаковские чтения «Мир и Россия на пороге XXI века» / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2000.

мин «период после “холодной войны”» (*post-Cold-War period*), который отражает то, что американская политическая идентичность все еще находится в стадии трансформации. С другой стороны, в нем заложены возможности выбора новой роли США в мире. Крайне важным представляется и то, что в статье Райс, которая по сути представляет собой внешнеполитическую программу Республиканской партии, Россия все же занимает место в структуре приоритетов. Наряду с Китаем, наша страна характеризуется как центр силы, который определяет характер международной системы. США заинтересованы в России как в интегрированном и сильном, но предсказуемом партнере. Это более предпочтительно, нежели иметь в лице страны очаг локальных конфликтов и нестабильности, особенно учитывая ядерный потенциал страны²⁷⁰. Россия, таким образом, предстает одним из Других, однако ее роль в американской повестке дня не сопоставима с ролью СССР. Если последний рассматривался как угроза с точки зрения его силы, то Россия рассматривается как угроза с точки зрения ее слабости²⁷¹.

Мы рассмотрели проблему формирования политической идентичности в 1990-е гг. на уровне политических доктрин. Представляется необходимым упомянуть и данные некоторых социологических исследований, фокусирующихся на восприятии Запада как актуального Другого российскими гражданами (было бы интересно также рассмотреть отношение россиян, например, к Китаю; но тот факт, что именно Запад выступал ключевым Другим в постсоветских трансформациях делает целесообразным ограничиться рассмотрением отношения к последнему).

Количественные данные, собранные социологами за последние 15 лет, показывают, что одним из результатов постсоветских трансформаций стало размывание образа врага в массовом сознании. В начале трансформаций отношение к Западу радикаль-

²⁷⁰ *Rice C.* Promoting the National Interest // *Foreign Affairs*, Vol. 79, No 1, 1999. P. 45-60.

²⁷¹ В этом смысле весьма симптоматичны сценарии развития России, подготовленные корпорацией «Рэнд» в 2002 г. В этих разработках преобладают сценарии кризисных явлений в России, которые потребуют вмешательства вооруженных сил США. См. *Oliker O., Charlick-Paley T.* Assessing Russia's Decline. Trends and Implications for the United States and the U.S. Air Force. Rand. Project Air Force, 2002 // http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1442/

ным образом изменилось от враждебного к более или менее позитивному. В стране обозначилась большая доля граждан, для которых Запад выступает желательным образцом для российской модернизации. По данным ВЦИОМ, в 1992 г. таких респондентов насчитывалось более трети (34%), тогда как 23% отметили в качестве желаемого «уникальный, специфический русский путь». Интересно, что в 1997 г. несмотря на трудности реформ уже 47,1% опрошенных выбрали в качестве модели будущего развития «государство с рыночной экономикой, демократическим устройством и соблюдением прав человека, подобное странам Запада», и только 17,7% отметили в качестве желаемого «государство с совершенно особым устройством»²⁷². В то же время социологами отмечается относительная неустойчивость подобных мнений респондентов. На отношение к Западу большое влияние оказывают текущие политические события и их освещение в СМИ²⁷³.

Ярким примером подобной ситуации служит отношение россиян к США. В 1991 г. во всеобщем опросе ВЦИОМ 70% респондентов высказывали свое отношение к США как «очень хорошее» или «скорее хорошее», и только 8% как «очень плохое» или «скорее плохое». Диапазон позитивного отношения к США практически не изменялся и колебался в период 1991-1999 гг. в пределах 65-71%²⁷⁴. На фоне бомбардировок Югославии в 1999 г. последовал резкий спад позитивного отношения к США (до 32%) и рост отношения негативного (54%). Это резкое изменение ясно прослеживается на графике 1. Однако уже к февралю 2000 г. этот показатель практически вернулся к прежним значениям — 66% опрошенных вновь высказывали свое позитивное отношение к США. Рост позитивного отношения произошел на фоне событий 11 сентября (72%), а на фоне войны в Ираке произошел очередной спад (до 29%). К июлю 2003 г. положительное отношение к США вновь вернулось к привычным значениям (58%).

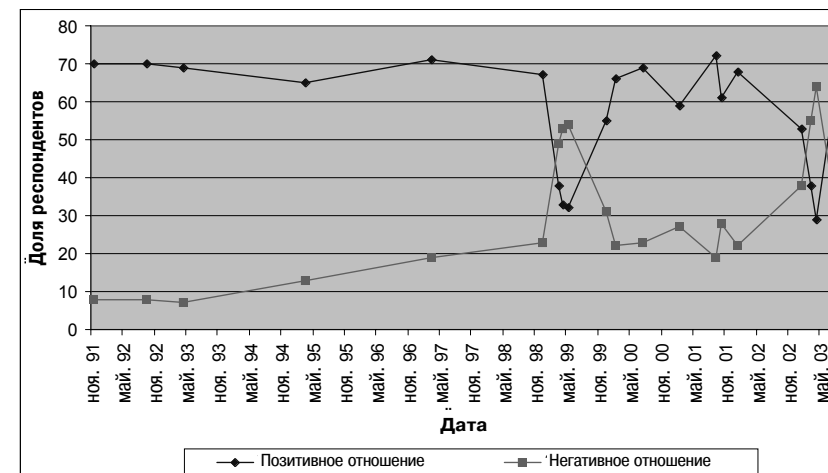
²⁷² См. Диллигенский Г.Г. Основные проблемы восприятия россиянами Запада и западных ценностей. / Запад и западные ценности в российском общественном сознании. — М.: ИМЭМО РАН, 2002. — С. 9.

²⁷³ Там же. — С. 15.

²⁷⁴ Эти колебания весьма несущественны, особенно если учесть, что ошибка выборки составляет как минимум 2-3%. — *Примеч. авт.*

График 1

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКИХ РЕСПОНДЕНТОВ К США:
1991—2003 гг.²⁷⁵

Приведенные данные говорят о следующем факте. Отношение россиян к США, которые в структуре советской идентичности выступали в качестве актуального Другого и наиболее мощного западного государства, после распада СССР является более или менее положительным. Это отношение носит достаточно стабильный характер, хотя на него и влияют заметные политические события — войны, теракты и проч.²⁷⁶ Следует, однако, отметить, что приведенные данные нужно интерпретировать с известной долей осторожности: изменение конфигурации вопроса может приводить к иному распределению ответов и иным выводам. Так, если соотношение ответов на вопрос о позитив-

²⁷⁵ График построен на основе данных ВЦИОМ. Ряды данных взяты в следующей работе. Гудков Л.Д. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма / Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 гг. — М.: Новое литературное обозрение — «ВЦИОМ — А», 2004. — С. 506.

²⁷⁶ Сходные выводы отражены в одной из работ В.В. Лапкина и В.И. Пантина. См. Пантин В.В. Лапкин В.И. Образы Запада в сознании постсоветского человека / Запад и западные ценности в российском общественном сознании / Под ред. В.И. Пантина. — М.: ИМЭМО РАН, 2002. — С. 35.

ном или негативном отношении, скажем, к США показывает преобладание первого, то соотношение ответов на вопрос о том, являются ли США дружественным или недружественным России государством показывает преобладание второго²⁷⁷.

Выше нами было отмечено, что 2000 г. стал временем поворота в трансформации политической идентичности России. Динамика ее формирования вплоть до наших дней в определенной степени встраивается в логику этого поворота. Вместе с тем с течением времени политическая идентичность наполняется новыми содержательными элементами, которые все в большей степени очерчивают ее конфигурацию. Характер развития политической идентичности после поворота 2000 г. отражают, наряду с доктринальными документами, публикации российских должностных лиц, влияющих на внешнеполитическую идентичность и определяющих внешнеполитический курс. Так, И.С. Иванов, занимавший пост министра иностранных дел с 1998 по 2004 г., в одной из своих работ отмечает в качестве ключевых составляющих российской идентичности следующее.

Во-первых, российская внешнеполитическая идентичность качественно отличается от советской тем, что она определяется национальными интересами, а не идеологическими константами. Во-вторых, отношение России к миру не должно определяться в терминах однозначного выбора в пользу Запада или Востока. Россия исторически играла активную роль в Европе, но в отношениях с Западом нашей стране не следует ни склоняться к конфронтации, ни идти на односторонние уступки. Страна имеет значимые интересы в Азии и является в этом смысле неотъемлемой частью азиатского пространства. То есть сама альтернатива между этими полюсами является неприемлемой. В-третьих, Россия видит себя в качестве неотъемлемой части международной системы. Ее роль в этой системе определяется способностью внести весомый вклад в решение глобальных проблем. К числу таких проблем относится и проблема терроризма. Терроризм в этом свете потенциально может рассматриваться как глобальный Дру-

²⁷⁷ Лапкин В.В., Пантин В.И. Запад в Российском общественном мнении: до и после 11 сентября 2001 г. // Запад и западные ценности в российском общественном сознании / Под ред. В.И. Пантина. — М.: ИМЭМО РАН, 2002. — С. 83.

гой международного сообщества, частью которого является и Россия²⁷⁸.

Шесть лет спустя после выхода доктринальных документов 2000 г., новый министр иностранных дел С.В. Лавров, говоря о философии российской внешней политики, отмечает, что отношение России к миру, которое было заложено в этих документах, остается неизменным. Россия по-прежнему остается вне идеологий. Но сегодня этот принцип реализуется уже не с точки зрения отношения России к советскому прошлому, а в свете подверженности идеологическим проектам (как утопиям) политики некоторых западных партнеров России. Это особенно актуально в свете проблемы «экспорта демократии».

Далее Российская Федерация не может довольствоваться ролью ведомого в мире. В этом смысле она может быть только равноправным партнером других государств, в том числе западных, отстаивая свои интересы. Однако их отстаивание осуществляется не в рамках конфронтации, а в рамках правил игры, которые задаются международным правом. Роль России в мире как моста между цивилизациями (а не фронта Европы), несмотря на взгляды скептиков, становится все более актуальной и очевидной, особенно в свете текущих событий: ее участие в конфликте вокруг иранской ядерной программы, участие в ближневосточном урегулировании и т.п.

Наконец, Россия является *мировым энергетическим лидером*, способным выступать гарантом глобальной энергетической безопасности²⁷⁹. Если первые три тезиса в той или иной мере отражают логику доктринальных документов 2000 г., то позиционирование России как мирового энергетического лидера выступает новым содержательным элементом.

Идея России как энергетической державы возникла, с одной стороны, на фоне дискуссий о месте России в мире. С другой — в контексте дискуссии о долгосрочной стратегии ее развития, проблемы диверсификации экспорта, технологического развития

²⁷⁸ *Ivanov I.S.* The New Russian Identity: Innovation and Continuity in Russian Foreign Policy // The Washington Quarterly, Summer, No 24 (3), 2001. P. 7-13. См. также *Иванов И.С.* Различие позиций — не повод для конфронтации. Ответы министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на вопросы журнала Космополис // Космополис. — 2002. — № 1.

²⁷⁹ *Лавров С.В.* Россия в глобальной политике // <http://www.globalaffairs.ru/articles/5270.html>

и т.п. В 1990-е гг. в общественно-политическом дискурсе широкое распространение получила характеристика страны как «сырьевого придатка» Запада. В период кризиса 1998 г. и после него этот вопрос встал на повестку дня наиболее остро. Именно в этот период в российских и зарубежных СМИ Россия нередко рассматривалась в терминах *failed state* — государства-неудачника, зависящего от западной помощи, утрачивающего свой суверенитет, неспособного к эффективной политике, едва ли имеющего серьезные перспективы.

Однако уже к началу 2000 гг., по мере роста значимости страны как мирового поставщика энергоносителей, подход к ее роли в мире подвергся серьезным изменениям. Квинтэссенцией этих изменений выступает то, что нефтегазовый потенциал страны является ее конкурентным преимуществом, а не недостатком. При соблюдении ряда условий²⁸⁰ это преимущество дает возможность превращения России в «глобальную энергетическую державу», выступающую гарантом мировой энергетической безопасности и активно использующую энергетический фактор в качестве рычага внешне-

²⁸⁰ Первое условие — приоритет в технологическом перевооружении отрасли отдается не импорту, а российским производителям. Нефтегазовый сектор обладает высокой технологической емкостью: добыча нефти и газа все в более сложных условиях — и по меньшей цене стимулирует развитие технологий добычи и задает конкуренцию на рынке энергоносителей. Соблюдение этого условия позволяет, с одной стороны, инвестировать в ключевую для страны отрасль, а с другой — вкладывать средства в развитие собственной научной и технологической базы. Кроме того, ресурсоемкие технологии добычи нефти и газа сами по себе могут служить экспортным товаром. Они гарантируют также технологическую безопасность страны — независимость ключевой отрасли от поставок из-за рубежа. Второе условие — реализация инфраструктурных проектов, направленных на диверсификацию рынков сбыта энергоносителей, а также на минимизацию издержек по доставке экспортных товаров. Третье — диверсификация экспорта через стимулирование смежных отраслей — нефтепереработки, производства нефтепродуктов. Четвертое — стимулирование технологических отраслей, в которых Россия уже занимает конкурентоспособные позиции (ВПК, космические технологии). Подобная альтернатива предполагает также и инвестиции в социальную сферу. См. *Тимофеев И.Н.* Концепция национального развития и политическая идентичность России: роль нефтегазового фактора / Сибирский регион — Центральная Азия — дальнее зарубежье: энергетическое взаимодействие. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2006. Эту точку зрения выражают, например, экономисты Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец. См. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия 2050 — стратегия инновационного прорыва. — М.: Экономика, 2004. — С. 243-272. Кроме того, подобная позиция была представлена в журнале «Эксперт». См. *Фадеев В., Быков П., Гурова Т.*, и др. Вернуть лидерство В. Фадеев и др. // Эксперт. — 2005. — № 45.

политического влияния. Концепция энергетической державы начинает играть значимую роль в структуре политической идентичности страны. Она во многом снимает противоречие между идентичностью России как великой державы (укорененной в массовом сознании, политических традициях и доктринальных документах). И характеристикой страны как «сырьевого придатка», поставляющего энергоносители в обмен на технологии, укоренившейся в массовом сознании и в политическом дискурсе в 1990-х гг. О значимости этой концепции свидетельствуют и последние политические инициативы. Среди них проекты в области транспортировки нефти и газа. Определение энергетической безопасности как повестки дня для встреч «большой восьмерки». Актуализация вопроса о поставках энергоносителей ряду стран СНГ и др.

К внутриполитическим инициативам можно отнести усиление роли государства в нефтегазовой отрасли, подчинение экономического развития ряда регионов потребностям нефтегазового сектора²⁸¹. Кроме того, весьма знаковым становится активизация дискуссий вокруг политического суверенитета России: концепция энергетической сверхдержавы тесно увязывается с вопросом о «суверенной демократии».

Новый формат идентичности в настоящее время задается и в подходах к вопросам безопасности. Знаковую роль в этом контексте сыграла Мюнхенская речь Президента страны В.В. Путина 12 февраля 2007 г. В ней было обозначено стремление России к равноправному партнерству с западными странами, а также со всеми заинтересованными сторонами в экономической сфере и в решении глобальных проблем безопасности. Вместе с тем президентом была озвучена жесткая позиция России относительно расширения военной инфраструктуры НАТО на Восток. Равно как и инициативы по созданию инфраструктуры ПРО в Европе, подрывающей основы безопасности на континенте и режим ограничений обычных вооружений в Европе²⁸².

²⁸¹ Внутриполитические инициативы руководства страны и взгляды на концепции развития российского энергетического сектора подробно изложены в докладе Марты Олкотт. См. *Олкотт М.* Владимир Путин и нефтяная политика России / Московский центр Карнеги: рабочие материалы. — 2005. — № 1. — С. 9-15.

²⁸² *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен: 10 февраля 2007 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml

Эти декларации реализуются в рамках серии внешнеполитических инициатив.

Таким образом, анализируя изменения политической идентичности России в постсоветский период, представляется возможным отметить следующие тенденции. Во-первых, изменения политической идентичности происходят с точки зрения представлений о картине мира и места России в нем. Эти представления первоначально трансформируются от видения мира как двух противоборствующих лагерей или сообществ к альтернативному представлению о нем как о едином сообществе, свободном от идеологических конфликтов, играющим по общим правилам и решающим общие проблемы. Нереализованность этого идеала и быстрый рост новых центров силы (ЕС, Китая, Индии) поставили на повестку дня вопрос о многополярности мира, противопоставляемой в российских доктринальных документах альтернативе мира однополярного. При этом Россия в структуре многополярного мира выступает одной из великих держав, полюсом силы, который на равных взаимодействует с другими полюсами.

Во-вторых, трансформации российской политической идентичности происходят с точки зрения изменения отношения к Западу как актуальному Другому. Россия отказывается от роли конкурента Запада как с точки зрения предложения миру альтернативного политического проекта, так и с точки зрения военного противостояния с евроатлантическим сообществом. В качестве альтернативы изначально декларируется намерение преодолеть границы между Западом и Востоком, включиться в сообщество развитых демократических государств Запада на правах равного партнера, интегрироваться в мировую экономику, провести за счет высвобождения ресурсов и помощи Запада политическую и экономическую модернизацию. Нереализованность этих целей также вносит свои корректировки в трансформацию политической идентичности страны. Россия не признается на Западе в качестве равноправного члена сообщества, равно как и отношение к Западу в России все в большей степени корректируется конкретными интересами. Запад в структуре постсоветской идентичности по-прежнему остается актуальным Другим, хотя это отношение и изменилось по сравнению с советским периодом. Несмотря на то что Россия позиционируется как великая держава, готовая отстаивать собственные интересы, прежде всего, на постсоветском простран-

стве, имеющая собственную позицию по международным проблемам, практически во всех доктринальных документах отмечается нежелательность конфронтации с Западом. Более того, Запад не теряет своей роли Другого с точки зрения необходимого партнера и образца для российской модернизации. Россия в этом смысле не претендует на предложение каких-либо проектов, сопоставимых по своей значимости с социалистическим, но стремится к созданию эффективной экономики и системы государственного управления. В то же время в структуре идентичности прослеживается попытка избежать «выбора» в логике Запад-Восток. В политическом дискурсе укореняется представление о невозможности подобного выбора в силу значимости страны как на Западе, так и на Востоке. Несмотря на скепсис начала 1990-х гг., идея о том, что Россия может играть связующую роль в диалоге между государствами, принадлежащим к разным культурам и цивилизациям, становится все более востребованной политической практикой.

В-третьих, изменение политической идентичности происходит с точки зрения трансформации юридических и символических границ России и «русского мира». Новое политическое мышление конца 1980-х гг. предполагало в качестве одного из нормативных императивов преодоление разделительных границ между Западом и Востоком. Символическим событием в этом смысле стало падение Берлинской стены. Однако и этот идеал остался нереализованным: границы были не преодолены, но перенесены на Восток, что привело к резкому сужению российского военного, политического и культурного влияния. Политика идентичности большинства посткоммунистических государств ЦВЕ и бывших республик СССР строилась (и строится) на актуализации границ с Россией и позиционировании России как актуального Другого в противовес западному сообществу. Это особенно актуально для таких стран, как Польша в ЦВЕ, и таких — как Эстония, Латвия, Литва, Украина, Грузия, Молдавия и др. на постсоветском пространстве.

Основная тенденция последних лет — наполнение координат новой политической идентичности конкретным содержанием. Роль России как великой державы конкретизируется в рамках концепции «глобальной энергетической державы», которая становится качественно новым дополнением к атрибутам великой державы, унаследованных от СССР — ядерного потенциала, мес-

та в СБ ООН и т.п. Отношения России с Западом, с одной стороны, подчиняются потребностям российской модернизации (переговоры об облегчении визового режима, энергетическое сотрудничество, и т.п.). С другой — потребностям российской военной и экономической безопасности (противодействие расширению влияния НАТО на постсоветском пространстве и созданию системы ПРО в Европе, диверсификация рынков сбыта энергоносителей и т.п.). Несмотря на появление новых юридических границ, Россия ведет политику по их нивелированию в культурном и экономическом смысле, проявляя уважение к суверенитету новых постсоветских государств. Новая политическая идентичность с точки зрения маркирования границ и отношения Я-Другой приобретает все более стабильный характер, демонстрируя тенденцию к закреплению своей базовой конфигурации.

§ 3. Российская политическая идентичность в постсоветский период: реинтерпретация прошлого и конструирование новых традиций

Изменение отношения к прошлому выступает постоянным атрибутом радикальных перемен. Россия в этом смысле не является исключением. Смена интерпретаций прошлого страны представляет собой значимый индикатор и составную часть трансформаций ее политической идентичности в постсоветский период. Хронологически этот процесс начинается на волне гласности и перестройки в конце 1980-х гг. В течение последующего десятилетия происходит отказ от советской версии интерпретации прошлого. Однако только к началу 2000-х гг. появились основания говорить о том, что в России появляется новая позитивная альтернатива политической идентичности, новая упорядоченная схема интерпретации истории, сопоставимая с советской альтернативой.

Говоря о последней, следует отметить, что советская политическая идентичность представляла собой целостную и логически непротиворечивую систему интерпретации прошлого страны. Эта система получала свое выражение в научном и политическом дискурсе, в системе образования всех уровней, в СМИ, в массовой культуре, включая кинематограф, монументах и памятниках, в праздничной культуре и политических традициях. Она обладала рядом особенностей, среди которых следует назвать следующие.

Во-первых, актуализация идеологической компоненты и ее представление в исторической перспективе. В этом смысле одним из ключевых аспектов интерпретации прошлого выступал акцент на делении истории страны на дореволюционный и послереволюционный период. В него вкладывалось значительное нормативное содержание. Октябрьская революция выступала символом радикального поворота в истории страны, поворота к более *справедливому* политическому устройству, к качественно иному обществу, олицетворявшему ценности свободы и прогресса (в их социалистическом значении). Идеологическая компонента превратилась в значимый критерий оценки тех или иных событий прошлого, задавая понятийный и концептуальный аппарат их интерпретаций (например, в терминах базиса и надстройки, классовой борьбы и т.п.). Социалистический проект «воображался» в своей исторической перспективе, начиная от условий, которые сделали его возможным и необходимым, и заканчивая его эволюцией в свете тех или иных событий (Гражданской войны, Великой Отечественной войны, «холодной войны», и т.п.), а также тех или иных проблем (модернизации экономики, повышения уровня жизни, и т.п.). В отношении исторической преемственности социалистического проекта актуализируются исторические события, непосредственно связанные с социальными конфликтами или их проявлениями: революция 1905 г., восстание декабристов, восстания Пугачева и Разина и др. В соответствии с идеологической компонентой формируются политические традиции, например праздники, наиболее значимыми из которых выступают 7 ноября (годовщина Октябрьской революции), 1 мая (День солидарности трудящихся). Остальные праздники также несут идеологическую нагрузку, начиная с таких как День Советской (Красной) Армии²⁸³, Международный женский день²⁸⁴, и заканчивая Новым годом, празднуемым как светский праздник в противовес религи-

²⁸³ Отмечается как годовщина первых побед Красной Армии под Нарвой и Псковом в 1918 г. Подобная интерпретация праздника появляется в 1942 г. Несмотря на сомнительность одержанных побед как исторического факта, подобная интерпретация прошлого имела особенно значимую роль в разгар Великой Отечественной войны. — *Примеч. авт.*

²⁸⁴ Отмечается как годовщина манифестации работниц швейных фабрик в Нью-Йорке 8 марта 1857 г. В 1910 г. на конференции женщин-социалисток в Копенгагене предложен Кларой Цеткин в качестве Международного женского дня. — *Примеч. авт.*

озному Рождеству²⁸⁵. Идеологические мотивы приобретают доминирующую роль в визуализации социалистического проекта как исторической миссии. Памятники, монументы, музеи, названия городов и улиц, архитектурные ансамбли, оформление станций метро, мест проведения массовых мероприятий и т.п. встроены в единую логику политики идентичности²⁸⁶. Следует, однако, оговориться, что подобная характеристика рассматривается в контексте этой работы как факт, то есть с нейтральных позиций²⁸⁷. Сходная модель конструирования идентичности присуща многим национальным государствам (включая США, Францию, Великобританию и др.) и не является исключительной особенностью тоталитарного или авторитарного государства.

Вторая особенность заключалась в том, что идеологическая компонента в структуре советской политической идентичности выступала далеко не единственной в интерпретации прошлого. Значимую роль играла также актуализация патриотических элементов — событий в истории страны, которые способствовали укреплению государственности, расширению границ, отражению внешних агрессий, модернизации и прогрессу в различных сферах. При этом речь шла о тех событиях, которые происходили и в дореволюционный период, но которые могли бы подчеркивать национальную преемственность, служить пунктами, общими по своей значимости для всех граждан, демонстрировать составляющие, присущие политике советских лидеров. Потребность в актуализации этих элементов становится особенно значимой в период Великой Отечественной войны: наряду с идеологией, использование мотивов и персонажей дореволюцион-

²⁸⁵ Интересная версия советской праздничной культуры представлена в следующей работе. *Мальшева С.* Советская праздничная культура в провинции. Пространство, символы, исторические мифы. — Казань: Рутен, 2005.

²⁸⁶ См. *Рыклин М.* Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. — М.: Логос, 2002. — С. 65-109.

²⁸⁷ Квинтэссенцией целого ряда работ, посвященных конструированию советской идентичности, выступает тезис о ложности многих советских символов, об их пропагандистской функции, выступающей неотъемлемой чертой тоталитаризма. К числу таких работ можно отнести, например, богато иллюстрированную книгу Дэвида Кинга. См. *Кинг Д.* Отретушированная история. Фальсификация фотографий и произведений живописи в империи Сталина. — Будапешт: Полгарт, 2002. Этот тезис выступает как минимум спорным в свете примеров формирования национальных идентичностей в европейских странах (см., например, уже упоминавшиеся книги и статьи Э. Хобсбаума, Э. Смита или М. Озуф).

ной истории выступало немаловажным источником интеграции и мобилизации общества.

К таким мотивам относятся, например, битва на Чудском озере, Куликовская битва, Отечественная война 1812 г. и др. А к историческим персонажам — такие полководцы и флотоводцы, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Суворов, Ушаков, Кутузов, Нахимов и др. В честь большинства из них были учреждены государственные награды, они превратились в героев кинолент, им были воздвигнуты мемориалы²⁸⁸. Значимыми историческими фигурами в структуре советской идентичности, в том числе и в послевоенный период, выступают Петр I и Екатерина II²⁸⁹. В меньшей степени и преимущественно в сталинскую эпоху — Иван Грозный. Репрезентация Великой Отечественной войны как таковой превращается в один из важнейших патриотических элементов советской идентичности. Эта репрезентация оформлялась в период 1960—1980 гг. в виде закрепления Дня Победы как национального праздника, традиции его празднования, мифологии войны, открытия мемориалов и музеев войны, создания кинолент и т.п. Начиная с 1960-х гг. война в структуре идентичности начинает играть особенно важную роль в свете появления «послевоенного» поколения. Непосредственным внутренним адресатом политики идентичности становятся ветераны. К тому времени они достигают верхней границы социально активного возраста и остро нуждаются в социальном признании, и вместе с тем, они способны играть роль передачи «знания» о войне новым поколениям²⁹⁰. Дискурс о войне позволял *говорить разным поколениям на одном языке*, иметь общее представление о войне в структуре массового сознания, что способствовало укреплению общей идентичности²⁹¹.

²⁸⁸ См. *Биллингтон Д.Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. — М.: Изд-во «Рудомино», 2001. — С. 634-637.

²⁸⁹ Интересно, что именно в периоды их правления, наряду с модернизацией, расширением границ и военными победами, происходит массовое закрепощение крестьян. См., например, *Лещенко В.* Ветвящееся время. — М.: АСТ, 2003. — С. 298-360. Огромный интерес представляет также работа Исабель де Мадариага. *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — С. 155-230.

²⁹⁰ См. об этом *Дубин Б.* «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. — 2004. — № 5.

²⁹¹ Стоит, однако, отметить, что на протяжении советского периода интерпретации прошлого страны не были стабильными и подвергались коррекциям. Перечисленные особенности не отражают полностью эти колебания и призваны лишь обозначить общие тренды. — *Примеч. авт.*

Вместе с тем в интерпретации прошлого оставался целый ряд событий, которые не акцентировались на уровне политики идентичности. С попытки восстановления этих аспектов в период перестройки начинается кризис советской идентичности как интерпретации прошлого.

К аспектам, которые не акцентировались в структуре советской идентичности, но которые вызвали значимый интерес со стороны общества в конце 1980-х гг., относится, прежде всего, сталинский период в истории страны. Следует отметить, что попытка пересмотра роли Сталина имела прецеденты и до перестройки. К ним относится период «хрущевской оттепели». Важной особенностью этого прецедента являлось то, что инициатива по пересмотру режима Сталина исходила «сверху», — со стороны политических элит, а не «снизу» — со стороны общества. Наряду с критикой культа личности, озвученной на XX съезде КПСС в 1956 г., образ Сталина был насколько возможно исключен из символической репрезентации идентичности страны. Происходит вынос тела Сталина из мавзолея на Красной площади и его захоронение, прекращается возведение памятников Сталину, его имя исчезает из названий улиц и городов, национальный гимн СССР, впервые исполненный в 1944 г.²⁹² и акцентирующий образ Сталина, был заменен гимном без слов. Однако внимание к недостаткам сталинского режима снимается с повестки дня после прихода к власти Л.И. Брежнева, хотя результатом так называемой «скрытой реабилитации Сталина» становится не возвращение его фигуры в структуру символического ряда государства, но скорее вытеснение этой темы из политического, образовательного, информационного дискурса как с позитивной, так и с негативной точек зрения. Сталинский период превращается в своего рода «белое пятно» истории, которое в структуре идентичности носит периферийный характер.

²⁹² Интересна реакция западной прессы на появление гимна СССР в 1944 г. 3 января 1944 г. американский журнал «Тайм» писал следующее. «Москва предоставила еще одно доказательство того, что советский отход от мировой революции к национализму завершен. Накануне 64-го дня рождения Иосифа Сталина Советский Союз отбросил волнующий вдохновляющий «Интернационал», заменив его как государственный гимн пеаном в честь Сталина и новой России». Цит. по Гриневиц В., *Гриневиц Л.* Государственные гимны СССР и УССР: от какого наследия мы отказываемся // <http://geraldika.ru/symbols/3192>.

На фоне политики гласности и некоторого ослабления контроля государства за средствами массовых коммуникаций тема сталинского периода вновь приобретает свою актуальность. Начиная с 1986 г. эта тема привносится в общественный дискурс творческой интеллигенцией страны. Лейтмотивом дискуссий становится стремление заново открыть собственную историю, заполнить «белые пятна», связанные с репрессиями и коллективизацией, с первыми месяцами Великой Отечественной войны и другими событиями. Возрастание интереса к сталинской эпохе демонстрирует стремительный рост тиражей тех изданий, для которых эта проблема выступает одной из центральных. В 1985 г. тираж журнала «Дружба народов» насчитывал 119 тыс. экземпляров. После публикации таких работ, как, например, «Дети Арбата» А. Рыбакова, его тираж к 1988 г. вырос до 775 тыс. экземпляров. Журнал «Новый мир», в период «оттепели» наиболее активно критиковавший сталинский режим и закрытый в 1970 г., в 1985 г. издавался тиражом 425 тыс. экземпляров. К 1989 г. его тираж вырос до 1,5 миллионов, а после того как летом этого года был опубликован «Архипелаг Гулаг» Солженицына, тираж журнала превысил 2,5 миллиона экземпляров. Еженедельник «Огонек» в 1985 г. выходил тиражом 1,5 миллиона, а в 1989 г. — 3,5 миллиона²⁹³. Социологами в этот период отмечается, что процесс заполнения «белых пятен» прошлого страны сопровождается ростом социального оптимизма и эйфорией относительно происходящих изменений, пик которой приходится на 1989–1990 гг.²⁹⁴

В то же время процесс изменения интерпретации прошлого государства не происходит сам по себе, но в значительной степени подчинен политической воле руководства страны. Как и в период «оттепели», пересмотр идентичности страны с точки зрения видения ее прошлого задается политической элитой. Увеличение тиражей журналов, акцентирующих внимание на данной проблематике, рост числа соответствующих документальных фильмов, радиопередач и т.п. в условиях их государственного контроля скорее подтверждают, нежели опровергают это предположение. Подоб-

²⁹³ Ferretti M. Memory Disorder. Russia and Stalinism // *Russian Politics and Law*, Vol. 41, No 6, November-December 2003. P. 43.

²⁹⁴ См. Volodina T. Teaching History in Russia after the Collapse of the USSR // *The History Teacher*, Vol. 38, No 2, February 2005. P. 180-181.

ный поворот мог быть обусловлен в том числе и внутривнутрипартийной политической борьбой между представителями «реформистского» и «консервативного» крыла КПСС. Заполнение «белых пятен истории», пересмотр сталинского периода и других эпизодов советской истории в немалой степени легитимировали политический курс правительства М.С. Горбачева. Тем более учитывая то, что реинтерпретация прошлого в массовом сознании ассоциировалась в том числе и с либерализацией режима, с преодолением тех искусственных рамок, которые были наложены на «дискурс о Сталине» в брежневский период. Процесс реинтерпретации прошлого в период перестройки имел в то же время важную особенность. По мере роста сопротивления части партийного аппарата инициативам Горбачева главным политическим ресурсом «реформистского» крыла становится пресса, выступавшая наиболее значимым каналом формирования идентичности. В этой связи показателен следующий тезис М.С. Горбачева: «...Многие из наших консервативных проявлений, ошибок и просчетов, вызывающих застой мысли и действия и в партии, и в государстве, связаны с отсутствием оппозиции, альтернативы мнений и оценок. И здесь, на нынешнем этапе развития общества, такой своеобразной оппозицией могла бы стать наша пресса»²⁹⁵.

Пресса, таким образом, получает возможность интерпретации прошлого, альтернативной тем интерпретациям, которые сложились к 1985 г. Процесс подобных интерпретаций в короткий срок приобрел характер «снежного кома», все в большей степени выходя из под контроля государства. По мере нарастания волны альтернативных мнений возрастала вероятность того, что попытка государства восстановить статус-кво вызовет серьезные общественный резонанс. Одновременно интерпретация прошлого в прессе все в большей степени привязывается к критике существующего режима. На фоне нарастания экономических проблем растет негативная составляющая репрезентации прошлого.

Расширяется и спектр исторических событий, которые подвергаются негативной реинтерпретации. Если до 1989 г. эти исторические события относятся преимущественно к сталинскому периоду, то после 1989 г. реинтерпретация прошлого в форме его

²⁹⁵ Цит. по Аксютин Ю.В. и др. Власть и оппозиция. — М.: РОССПЭН, 1995. — С. 284.

критики и отрицания распространяются и на другие периоды. К ним относятся, главным образом, Октябрьская революция, а также брежневский период («период застоя»). При этом переоценка Революции представляется более значимой, так как именно Революция выступала «историческим фундаментом» советской идентичности, на котором базировался существенный пласт политических символов, традиций и мифов. Если изменение оценки сталинского периода можно было бы рассматривать как *коррекцию* идентичности, которая не была бы чревата ее кризисом, то негативная переоценка Октябрьской революции подрывала *сами* основы этой идентичности, неминуемо приводя к ее кризису, а впоследствии — и к кризису политических институтов.

Негативная переоценка Октябрьской революции достигает своего апогея в 1990–1991 гг. Этот процесс происходит, с одной стороны, на фоне распада социалистического лагеря в ЦВЕ, а с другой стороны, на фоне начала дезинтеграционных процессов в СССР. В РСФСР формирование негативной идентичности, с точки зрения оценки прошлого, дополняется идеализацией России царского периода, представлением этого периода как естественного и нормального существования страны, который был нарушен и искажен революцией, «социалистическим экспериментом», чуждой стране идеологией марксизма. При этом объектом исторической критики выступают не граждане страны, но режим или конкретные исторические персонажи (Ленин, Сталин, Берия и т.п.). Идеология, режим и его представители рассматриваются как оппозиция российскому обществу и российским людям, которые репрезентируются не как участники исторических событий, но скорее как их жертвы или невольные персонажи²⁹⁶.

Репрезентация советского прошлого в виде «черной легенды», а дореволюционного прошлого в виде «золотой легенды» выступила значимым ресурсом в политическом противостоянии руководства РСФСР и СССР. «Демонизация» советского прошлого играла роль инструмента легитимации действий «российских» политиков, негативной мобилизации граждан, их отрицания существующего режима как нелегитимного в силу его прошлого,

²⁹⁶ Этот подход к интерпретации прошлого коренным образом отличается от того, который был свойствен советской идентичности: последняя предполагала активную роль масс как в революционных событиях, так и в построении социалистического общества. — *Примеч. авт.*

одного из обоснований необходимости радикальных перемен вплоть до роспуска Советского Союза. К 1991 г. можно было констатировать не просто попытку коррекции понимания прошлого страны, но стремление к его радикальному изменению и конструированию новых интерпретаций. В рамках этих интерпретаций будущее России определялось в контексте преемственности с царской Россией, которая была нарушена революцией. В этом контексте именно советский период помешал развитию России как развитого западного государства. Следовательно, восстановление естественного порядка, в этой логике, требует отказа от советских институтов, восстановления тех институтов, которые были присущи дореволюционной России — рыночной экономики, институтов политического представительства и т.п.²⁹⁷

Идеализация царской России, «демонизация» советского прошлого и позиционирование российских граждан как жертв «тоталитарного режима» закладывают, таким образом, первые основы новой российской идентичности, появление которой становится неизбежным на фоне распада СССР как непосредственного предмета советской идентичности. Бывшие республики оказались перед необходимостью переоценки своего прошлого уже не в рамках оппозиции советской версии идентичности, но в формате официальной версии, встраиваемой в политику идентичности новых государств. Россия в этом смысле оказалась в наиболее трудной ситуации. Будучи преемником СССР, страна должна была сформировать видение советского прошлого не как прошлого какой-то другой страны (как это сделали бывшие республики СССР), но в значительной степени как свое собственное прошлое. Комплексный характер этой задачи во многом определял и сложность формирования новой политической идентичности постсоветской России.

Другая трудность заключалась в том, что распад Советского Союза коренным образом изменил отношение граждан к переоценке прошлого. Если до распада страны эта переоценка сопровождалась социальным оптимизмом и эйфорией, то после дезинтеграции СССР происходит резкий спад оптимизма по отношению к этому процессу²⁹⁸. Принимая во внимание то, что

²⁹⁷ Feretti M. Op. cit. — P. 60.

²⁹⁸ См. Volodina T. Op. cit. — P. 181.

оптимизм был связан с попыткой определения консенсуса относительно прошлого в уже известных координатах (образа и статуса государства, его границ, символов и т.п.), то пессимизм, по всей видимости, определялся потерей этих координат, кризисом понимания страны как таковой. Та система координат, которая определяла это понимание в прошлом — политические традиции, символы и мифы — либо разрушилась, либо потеряла свою актуальность и существовала как бы «по инерции».

«Инерционным» становится ряд праздников (7 ноября, 1 мая). Они остаются выходными днями, но уже не являются объектом политики идентичности государства и теряют свое содержание — военные парады, праздничную сетку вещания в СМИ с акцентом на историческом событии, отражаемым праздником, *всеобщие* демонстрации и т.п. В первые годы трансформаций они все еще отмечаются большим числом людей, левые партии выводят на улицы своих сторонников, но само государство уже не направляет значимые ресурсы на их поддержание. Наряду с этим, следует отметить, что политика идентичности новой России в этом отношении носила вполне демократичный характер: старые праздники, де-юре, оставались праздниками, тем более они не были запрещены. Этот шаг был особенно значим на этапе трансформаций, когда праздничная культура на уровне массового сознания во многом носит инерционный характер.

В этот же формат встраивается политика в отношении других советских символов. Не происходит массового сноса памятников советским политическим деятелям. (Исключение составляют памятники Дзержинскому и некоторые другие монументы, снесенные на волне событий августовского путча 1991 г.) Ряду городов возвращаются исконные названия, но это преимущественно крупные города. И даже в их случае процесс отказа от советского прошлого выглядит незавершенным (достаточно привести примеры Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Екатеринбург и Свердловской области и т.п.). Происходит переименование улиц, но и этот процесс в начале трансформаций касается, прежде всего, столицы. Даже в Санкт-Петербурге их переименование носит ограниченный характер. Но многие советские символы, прежде всего, связанные с революцией и политическими деятелями, без соответствующей политики идентичности и в условиях перемен теряют свой смысл, превращаясь в анахронизмы, либо

искажаясь или получая новое содержание. Происходит, например, «деполитизация» советских политических символов на Красной площади (у мавзолея Ленина не несет службу почетный караул, сам мавзолей утрачивает свою функцию «главной трибуны» страны, восстановлены Иверские ворота и не проводятся парады с участием тяжелой техники), теряет свою символическую роль ВДНХ и т.д.²⁹⁹

В то же время в стране появляется символический ряд, отражающий тенденции новых интерпретаций прошлого и постепенно замещающий старую символику и отражаемые ей интерпретации. Речь идет об изменении базовых государственных символов. Новый флаг, герб и гимн подчеркивают преемственность между царской Россией и Россией постсоветской. Подобную же преемственность должно было продемонстрировать изменение названий ряда должностей и единиц административно-территориального деления (губернаторы и губернии, мэрии и мэры и т.п.), изменение названий представительских органов власти (появление Государственной Думы). Символические изменения на уровне центральной власти сопровождались и быстрой сменой символов в субъектах Федерации. Особенно активно этот процесс шел в национальных республиках (Татарстане, Башкортостане, Калмыкии, Ингушетии, Чечне и др.), хотя в этих регионах значимым ресурсом реинтерпретации прошлого становится этнический национализм, а непосредственным инструментом — «возрождение» национальных символов в региональных гербах, флагах, девизах и иной атрибутике³⁰⁰.

Важной составляющей в актуализации преемственности с царской Россией становится акцент на религиозной составляющей. Рождество получает статус государственного праздника,

²⁹⁹ Большой интерес относительно судьбы советских монументов и символических мест представляют статьи Бэнджамин Форе́ста и его коллег. Первая из них посвящена изменениям монументов в Москве, вторая является сравнительным анализом эволюции монументов в России и в Германии. См. соответственно *Forest B., Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // Annals of the Association of American Geographers, No 93 (3), 2002. P. 524-547. Forest B., Johnson B., Till K. Post-Totalitarian National Identity: Public Memory in Germany and Russia // Social and Political Geography, Vol. 5, No 3, September 2004. P. 357-381.*

³⁰⁰ См., например, *Кирюнин А.Е. Имидж региона как интериоризация культуры. — М.: Книжный дом «Университет», 2000. — С. 37-88.*

высшие иерархи церкви занимают заметное место в информационном дискурсе, восстанавливается большое число православных соборов и монументов. Самым заметным в этом свете становится постройка нового храма Христа Спасителя в Москве.

Еще один важный аспект в актуализации такой преемственности и в реинтерпретации советского прошлого — дискурс о казни Николая II и его семьи. В многочисленных публикациях и документальных фильмах казнь репрезентируется как одно из крупных преступлений советского режима, как ошибка, которая символически «исправляется» новой Россией. Кульминацией этого дискурса становится захоронение царской семьи в Петропавловской крепости с соответствующими почестями в 1998 г.

Вместе с тем новые интерпретации прошлого по своей значимости для общественного сознания, системности и выражению на уровне политики идентичности государства были не сравнимы с интерпретациями прошлого в структуре советской идентичности. Восстановление преемственности с царской Россией и появление новых символов не могло служить *достаточной компенсацией* потери устоявшейся идентичности, которая формировалась на протяжении долгого времени. Ситуация усугублялась тем, что, несмотря на относительно толерантное отношение к советской символике, новая политика идентичности изначально все-таки строилась на отрицании советского прошлого. Юридически общество уже было иным. Но на уровне коллективных представлений грань между прошлым и настоящим оставалась, по-видимому, крайне размытой, общество во многом оставалось в системе представлений, сформированных в прошлом. Именно поэтому принятие новой политики идентичности, выстраиваемой на отрицании советского прошлого, по сути означало *отрицание обществом самого себя*. Это отрицание становилось еще более актуальным, если учитывать то, что СССР в сознании россиян представлял собой подлинно великую державу — единственный и равноценный противовес США. Утрата этого статуса в условиях кризиса институтов общества также не являлась благоприятным фактором формирования новой идентичности. В этом свете в начале 1990-х было трудно ожидать, что новые интерпретации прошлого станут полноценной заменой старых. На этом фоне вполне закономерной выступает ностальгия по советскому прошлому, особенно по брежневскому периоду, когда советская по-

литическая идентичность достигла своей «максимальной кристаллизации».

Очевидно, вместе с тем, что преодоление подобного кризиса, при условии сохранения целостности государства, представляло собой вопрос смены поколений. С течением времени граница между советским прошлым и постсоветским настоящим становится все более заметной. Появляется поколение россиян, социализация которых частично или полностью начинает проходить уже в условиях нового видения прошлого, новых символов и новой политики идентичности. Даже для тех граждан страны, социализация которых проходила до перестройки, новые интерпретации становятся значимыми, в том числе и потому, что их принятие снимает конфликт между представлениями о прошлом и настоящем, создает психологически комфортные условия для восприятия страны и ее прошлого.

Стоит, однако, сделать важную оговорку. Диссонанс в восприятии прошлого страны был значительно смягчен тем, что смена его интерпретаций не носила абсолютного характера. *Новая российская идентичность, как ни парадоксально, унаследовала значительную часть элементов идентичности советской.*

В этом, возможно, и состоит одна из *ключевых тенденций* трансформации политической идентичности России с точки зрения интерпретаций прошлого. Новая идентичность достаточно быстро лишилась идеологического наполнения, присущего советской идентичности. Анахронизмами стали, прежде всего, идеологические символы, артефакты, интерпретации (начиная от памятников советским руководителям и заканчивая отрывками в учебниках истории, посвященных тому или иному съезду КПСС). Но было бы большим заблуждением сводить советскую идентичность только лишь к идеологии. *Патриотическая компонента* советской идентичности, о которой мы говорили в начале главы, сохранилась практически неизменной и, более того, даже усилила свою значимость. Именно через патриотическую компоненту образуется связь и преемственность между новой российской идентичностью и идентичностью, сформировавшейся в советский период. Объектом постсоветских реинтерпретаций стали, прежде всего, события, принципиально важные для идеологической составляющей советской идентичности как в негативном, так и в позитивном смысле: речь идет соответственно

о сталинском периоде и революционных событиях 1917 г. Советские интерпретации иных событий на уровне политики государства в своем большинстве либо вообще не подверглись пересмотру, либо были пересмотрены незначительно. Хотя такие пересмотры и осуществлялись многими историками, они были значимы скорее для узкой группы экспертов и не вводились в структуру идентичности целенаправленными политическими действиями. Более того, в рамках новой политики идентичности ряд советских интерпретаций был еще более акцентирован и усилен.

В качестве одного из примеров может выступать интерпретация петровских реформ и самого Петра I как политического лидера. Эти события могли быть реинтерпретированы в логике изменения подхода к сталинскому периоду. Могли быть актуализированы большие и неоправданные жертвы реформ и военных кампаний, политические репрессии, утверждение в стране абсолютизма, закрепощение крестьян и т.п. Иными словами, данный период в истории страны, как и многие другие, дает немалые основания для радикального изменения представлений о нем. Однако представления, сформированные в советский период, которые, в свою очередь, практически не противоречили официальной репрезентации Петра I до революции, не подверглись изменениям. Роль Петра I как прогрессивного реформатора, выведшего страну на качественно новый уровень развития, остается доминирующей и в постсоветской идентичности. Фигура Петра I актуализируется в школьных учебниках истории, в различных торжествах (300-летие флота, 300-летие Санкт-Петербурга), ему возводятся новые монументы и т.п. Подобный подход представляется вполне рациональным: на фоне кризиса идентичности нет смысла разрушать представления о событиях, которые все еще являются значимыми для граждан страны и выступают предметом более или менее одинаковых интерпретаций.

Еще более актуальным примером выступает репрезентация Великой Отечественной войны. Это событие становится одной из ключевых составляющих новой российской идентичности. Война приобретает особую значимость в структуре идентичности по нескольким причинам. Во-первых, это событие относительно недавнего прошлого: еще живы его непосредственные участники. Во-вторых, именно на время войны приходится актуализация па-

триотической компоненты в структуре идентичности. Война становится той стартовой точкой, когда патриотическая составляющая занимает особое положение в структуре советской идентичности. В этом смысле войну достаточно просто вывести за пределы идеологических расколов постсоветского периода. В-третьих, уже в советский период сформирован существенный пласт интерпретаций войны, значимых для общества и до, и после трансформации, не противоречащих в этом смысле задаче интеграции общества в настоящее время. Этот пласт включает в себя и встраивание войны в контекст всей истории страны, логически увязываясь с отражениями многочисленных агрессий в прошлом (Крымская война, Отечественная война 1812 г., борьба с польскими и шведскими интервентами в период Смутного времени 1598–1618 гг., борьба с татаро-монгольским игом и т.п.). Война, таким образом, становится тем событием, акцентирование которого в структуре идентичности уже укоренено в политических традициях, событием, подчеркивающим историческую преемственность (что особенно важно в условиях кризиса идентичности в 1990-е гг.), наконец, событием, через которое символически репрезентируется единство общества и государства, что служит значимым ресурсом легитимации последнего.

Значимость войны для постсоветской идентичности определяется, однако, не только с точки зрения ее смыслового и функционального содержания. Она важна и с точки зрения *возвращения государства* в политику идентичности. Мы уже отмечали, что политика идентичности (как совокупность целенаправленных действий государства по формированию и поддержанию коллективной политической идентичности) начала 1990-х гг. уступала по своему «модернизационному» содержанию (эффективность, организованность, непротиворечивость, целенаправленность) советской политике идентичности. Реинтерпретаций прошлого начала 1990-х было достаточно для углубления кризиса советской идентичности и ее разрушения, но недостаточно для формирования полноценной альтернативы. Великая Отечественная война стала тем историческим пунктом, в отношении которого политика идентичности приобретает, во-первых, характер утверждения, а не отрицания символов и ценностей. И во-вторых, в отношении которого осуществляется целенаправленная деятельность по сохранению наследия прошлого и его встраивания в современный

контекст, деятельность, которая востребована обществом и служит предметом общественного согласия³⁰¹.

На уровне практической политики подобная деятельность выразилась в поддержке символического ряда военного прошлого, праздничной культуры и традиций, сформированных в советский период, их дополнении новыми элементами (такими как Парк Победы в Москве). Интересно отметить в этой связи, что изменение политической символики Красной площади во многом встраивается именно в логику актуализации «патриотической» компоненты и война выступает в данном случае одним из значимых элементов. В начале 1990-х гг. объектом де-политизации Красной площади становятся идеологические атрибуты и монументы (хотя и не все). Но Красная площадь как символ по определению не может быть лишена политического содержания. Одним из мотивов его переориентации становится усиление значимости символики, посвященной войне: в качестве примера может быть упомянуто установление мемориала маршалу Жукову или перенос почетного караула из мавзолея Ленина к Могиле Неизвестного Солдата.

К концу 1990-х гг. актуализация патриотической составляющей распространяется и на другие периоды советской истории. Получает свое дальнейшее развитие *тенденция к отказу от отрицания советского прошлого*, к попыткам найти значимые точки преемственности с ним, изначально оформлявшиеся в актуализации дискурса о войне. Интересно, что хронологически развитие этой тенденции совпадает с тенденцией формирования в России гражданской нации, с одной стороны, и пересмотра места России в мире и ее отношений, к актуальным Другим — с другой. Если в начале трансформаций миф о наследии советского прошлого носил преимущественно негативный характер, то к началу 2000 г. этот вектор существенно изменяет свое направление, встраиваясь в логику возрождения «патриотической» компоненты. Достижения советского периода (прежде всего, брежневской эпохи) в военной сфере, в области космических технологий, в области

³⁰¹ Данные массовых опросов выступают одним из индикаторов этого. В 1989 г. победу в войне считали самым значимым событием для России XX в. 77% опрошенных в 1994 г. — 73%, а в 1999 г. — 85%. См. Гудков Л. Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа / Л. Д. Гудков. Негативная идентичность. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — С. 21.

экономического освоения Сибири и т.п. репрезентируются уже не как достижения социалистического проекта, но как достижения российской нации. Индикатором подобной тенденции на уровне «повседневной» политики идентичности становится значительный рост числа документальных фильмов, посвященных достижениям советской эпохи. В них делается акцент в том числе и на то, что эти достижения важны и находят свое развитие в настоящее время.

На уровне государственной символики наиболее заметным событием становится восстановление старого гимна страны с новым текстом, возвращение Вооруженным силам России Красногостного знамени. Новая символика, таким образом, приобретает симбиоз российской и советской символики, но все эти элементы подчеркивают национальный и «патриотический» компоненты, преемственность со всеми историческими этапами развития страны, а не какие-либо идеологические составляющие³⁰². На уровне праздничной культуры также наблюдается подобная тенденция. Наиболее яркий пример — перенос государственного праздника с 7 ноября на 4 ноября. Годовщина Октябрьской революции заменяется на День народного единства, «годовщину освобождения Москвы от польских интервентов и окончания Смутного времени в 1612 г.» Этому празднику еще предстоит утвердиться в массовом сознании, но уже сейчас очевидно, что государство будет направлять усилия на создание соответствующего дате символического ряда³⁰³.

Подобная тенденция прослеживается и на уровне изменений содержания школьных учебников истории. Интерес в этой связи вызывает исследование Джозефа и Ри Зайда, которые провели

³⁰² Эта тенденция прослеживается и на уровне церемониала власти. См. Шевченко В. Повседневная жизнь Кремля при президентах. — М.: Молодая гвардия, 2004. — С. 57-77.

³⁰³ Историк Вячеслав Назаров находит немало исторических несоответствий в дате этого праздника. Однако для политики идентичности государства важна не историческая корректность с точки зрения науки, но конкретный политический смысл. Новый праздник не «уводится» далеко от 7 ноября, что не создает кризиса в восприятии праздничных дней как таковых («ноябрьские праздники»). В то же время изменяется смысловое содержание праздника. Оно отдаляется от идеологической компоненты, потерявшей свой смысл, приближаясь к компоненте «патриотической», выступающей основанием новой идентичности. См. Назаров В. Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 г.? // Отечественные записки. — 2004. — № 5.

сравнительный контент-анализ российских учебников истории. Авторы исследования приходят к следующим выводам. Первое — в новых российских учебниках акцентируется внимание на понятии преемственности, на значимости традиции и культурного наследия. Обращается внимание на случаи в истории страны, когда сохранение и возрождение традиций играло ключевую роль в сохранении государства. Второе — акцент на исторических лидерах. Советский набор ключевых персоналий корректируется, хотя и не радикально, и получает разнообразие за счет наполнения учебников новыми историческими подробностями. Третье — актуализация понятия изменения или трансформации: больше внимания уделяется сравнению различных этапов истории страны, но уже не под идеологическим углом зрения. Четвертое — патриотический элемент становится центральным в оценке тех или иных событий, сохраняя в этом отношении преемственность с советскими учебниками.

Итоговый вывод авторов — акцент на традиции, исторической преемственности и патриотизме составляют новые координаты, основу новой формы интерпретации истории со стороны государства³⁰⁴. Появление в интерпретации прошлого таких координат является позитивным фактором для формирования новой идентичности. Подобные координаты присущи любому интегрированному национальному государству, включая «старые демократии», такие как США, Франция или Великобритания, не говоря о «новых демократиях». И наоборот, эрозия этих координат в 1990-е гг. приводила к таким явлениям, как разрыв между поколениями в интерпретации прошлого, прежде всего советского, к аморфному представлению о нем у нового поколения и, как следствие, к размытости представлений о государстве на современном этапе³⁰⁵.

Наряду с тенденцией отказа от отрицания советского прошлого, следует отметить и еще один интересный вектор. Начиная с 2000 г. происходит и изменение отношения к первому постсовет-

³⁰⁴ Zajda J., Zajda R. The Politics of Rewriting History: New History Textbooks and Curriculum Materials in Russia // International Review of Education, No 49 (3-4), 2003. P. 379.

³⁰⁵ См. Веселова А. Советская история глазами старшеклассников // Отечественные записки. — 2004. — № 5. См. также Шмелев А. Увалы и овраги в языке школьных учебников истории // Отечественные записки. — 2004. — № 5.

скому десятилетию, которое само по себе становится историей и предметом интерпретаций. Его главная особенность — отсутствие новой волны радикального отторжения постсоветского периода, несмотря на отказ от отрицания прошлого советского. С одной стороны, на уровне политики идентичности происходит признание того, что распад СССР действительно представлял собой крупную геополитическую катастрофу для страны. Неоправданными признаются и издержки политических и социально-экономических трансформаций: деградация институтов государства, падение уровня жизни и т.п. С другой стороны, подобное признание не означает того, что государство должно вернуться к институтам и практикам советского периода: жизнеспособная демократия — главное достижение первого постсоветского десятилетия. Это достижение репрезентируется не как случайность, но как исторически вызревавшее в российском обществе в течение долгого времени. В этой связи весьма показательны тезисы В.В. Путина, выдвинутые им в 2005 г. в послании Федеральному Собранию России:

«Прежде всего, следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой.... Многие тогда думали... что наша молодая демократия является не продолжением российской государственности, а ее окончательным крахом, является затянувшейся агонией советской системы. Те, кто так думал, ошиблись. Именно в этот период в России происходили крайне значимые события. В нашем обществе вырабатывалась не только энергия самосохранения, но и воля к новой свободной жизни. В те непростые годы народу России предстояло одновременно отстоять государственный суверенитет и безошибочно выбрать новый вектор в развитии своей тысячелетней истории. Надо было решить труднейшую задачу: как сохранить собственные ценности, не растерять безусловных достижений и подтвердить жизнеспособность российской демократии. Мы должны были найти собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства»³⁰⁶.

³⁰⁶ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. — Москва, Кремль. 25 апреля 2005.
<http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>

Представляется, что эти высказывания президента страны могут рассматриваться как квинтэссенция интерпретации государством своего недавнего прошлого и трансформаций его политической идентичности.

Таким образом, анализируя процесс изменений политической идентичности России с точки зрения интерпретаций прошлого и формирования традиций, представляется возможным сделать следующие выводы.

Первое — формирование новой политической идентичности может рассматриваться в логике следующих альтернатив. Первая альтернатива, с кризиса которой начинаются трансформации идентичности, — советская идентичность, подразумевавшая целостную систему интерпретаций прошлого и соответствующие этим интерпретациям традиции и символы. Другая альтернатива — система интерпретаций прошлого, изначально противопоставляемая первой, а затем, после распада СССР, заменившая ее в качестве содержания политики идентичности государства. Третья альтернатива — новая позитивная идентичность, в рамках которой происходит отказ от отрицания советского прошлого, формируются новые традиции, задающие преемственность новой России с Советским Союзом и Российской империей.

Второе — новая политическая идентичность не сразу возникает как целостная и логически непротиворечивая система интерпретаций, сопоставимая с советской. Первоначально она формируется как негативная идентичность. В ее основе — отрицание или переосмысление ряда исторических событий советской эпохи, в том числе — ключевых для советской идентичности (таких как Октябрьская революция). Ее эволюция в целостную систему позитивных интерпретаций сопровождается длительным кризисом и хронологически происходит лишь к началу 2000-х гг.

Третье — к 2000 г. становится очевидной тенденция отказа от отрицания советского прошлого как основы политической идентичности. Более того, новая система интерпретаций прошлого в значительной степени базируется на патриотическом компоненте, присущей советской идентичности. В отрицании последней отказ происходит преимущественно от идеологических, но не от патриотических составляющих. В этом смысле

прослеживается преемственность между двумя альтернативами. В структуре новой идентичности патриотическая составляющая усиливается и получает свое дополнение. Наиболее ярким примером в этом смысле служат интерпретации Великой Отечественной войны и соответствующий им символический ряд. Через патриотическую составляющую новая система интерпретаций прошлого в рамках политики идентичности государства восстанавливает преемственность новой идентичности России как с советским, так и с досоветским периодом. В настоящее время подобная преемственность устанавливается уже с постсоветским прошлым страны, что, возможно, выступает индикатором того, что постсоветская история страны близка к своему завершению.

Заключение

Цель настоящей работы предполагала исследование формирования политической идентичности России в постсоветский период, выявление основных альтернатив, в логике которых проходил этот процесс, а также изучение его ключевых тенденций. Выполнение поставленной цели предполагало решение двух блоков задач, первый из которых связан с концептуализацией понятия политической идентичности, построением его абстрактной модели, а второй — с ее приложением к российскому случаю.

В рамках первого блока задач результатом исследования стала попытка определения понятия политической идентичности, его связи с близкими понятиями, а также его особенностей в контексте национального государства современного типа. Могут быть сделаны следующие выводы.

Политическая идентичность понимается как самоопределение государства, отражаемое в ключевых нормативных и доктринальных документах страны, укорененное в общественном сознании ее граждан. При этом идентичность рассматривается как коллективная, а не индивидуальная.

Понятие политической идентичности близко по своему смыслу к ряду понятий, среди которых можно выделить концепты политической идеологии и политического сознания или самосознания. Вместе с тем оно не тождественно им и находится с ними в логическом отношении пересечения. С понятием идеология политическая идентичность пересекается в том смысле, что она может выступать в качестве нормативной политической доктрины, совокупностью политических принципов, отраженных в доктринальных документах. Вместе с тем политическая идентичность государства в значительно меньшей степени является предметом конкуренции, претендуя на единый локус выражения для граждан страны (в отличие от идеологии, которая часто отражает интересы той или иной партии или социального слоя). Полити-

ческая идентичность — это совокупность фундаментальных, базовых принципов, которые служат основанием единства всего политического сообщества, а не его сегментов. Идентичность в меньшей степени подвержена изменениям и влиянию политической конъюнктуры, нежели идеологические доктрины тех или иных партий. Разведение понятий политической идеологии и политической идентичности в этом смысле решает концептуальную проблему анализа идентичности в демократических обществах, в конституциях которых, как правило, провозглашается плюрализм идеологий. Мы можем рассматривать множество идеологий, носителями которых являются различные политические акторы (партии, движения, политические лидеры), но в рамках одной политической идентичности потенциально значимой для всех граждан страны.

С понятием политического самосознания идентичность объединяет то, что функции политической идентичности (легитимация политического порядка, интеграция граждан, их политическая мобилизация и др.) не могут быть реализованы не будучи в той или иной степени укорененными в самосознании граждан. Вместе с тем политическая идентичность не может быть сведена к политическому самосознанию. Ее отличает «проектный» характер, она подразумевает связную логику принципов, символов, интерпретаций, тогда как самосознание представляется значительно более аморфным феноменом.

Ключевая особенность политической идентичности национального государства современного типа (сложившегося в эпоху Модерна, обладающего такими его атрибутами, как рациональность и рефлексивность) заключается в том, что идентичность формируется не только органически, но во многом выступает объектом конструирования, или политики идентичности, которая инициируется политической и интеллектуальной элитой. Подобное конструирование (как в смысле доктрин, так и в смысле символических образов) носит системный характер и осуществляется посредством рациональных институтов, включая СМИ и систему образования. «Органические» основания политического сообщества не теряют своей актуальности, но становятся объектом рациональной политики идентичности: в этом отношении мы можем говорить о «политике языка», о «символической политике», об «исторической политике» и т.п. как составных частях

политики идентичности. Подобное конструирование в то же время ограничено конструктами, созданными в прошлом, а также политической культурой и историей сообщества.

В контексте исследования смысловое ядро понятия идентичности состоит из трех базовых элементов, или кластеров. В рамках первого кластера политическая идентичность понимается как совокупность нормативных представлений или принципов, на основе которых государство «воображается» как политическое сообщество и которые служат основанием осознания гражданами страны своей общности. Коллективная политическая идентичность подразумевает взаимосвязь граждан в совместном политическом проекте и выступает значимой предпосылкой интегрированности государств. Подобная значимость определяется рядом условий функционирования государств современного типа: деконпозицией времени и пространства, разрушением органических сообществ (*Gemeinschaft*), их трансформацией в рациональное общество (*Gesellschaft*), повышением рефлексивности политических систем и т.п.

В рамках второго кластера политическая идентичность рассматривается как совокупность представлений, определяющих уникальность политического сообщества (государства) через его соотнесение с актуальными Другими (внешними и внутренними), через маркирование его границ, через определение своей роли и места в мире. Актуальный Другой может выступать в качестве военного соперника, носителя иной культуры, религии или традиций, в качестве носителя конкурирующего политического проекта. Другой может выступать и как объект «переплавки» и ассимиляции, хотя его полная ассимиляция чревата кризисом собственной политической идентичности. Оппозиция «Мы—Они», как правило, подразумевает наличие границ между ними, а формирование таких границ, равно как и конструирование образа Другого и представлений о месте страны в мире, является неотъемлемой составляющей политики идентичности современного государства.

В рамках третьего кластера политическая идентичность анализируется как совокупность представлений и интерпретаций прошлого страны. Через эти представления раскрывается историческая преемственность государства, определяется уникальность его исторического развития, выделяются его политические

традиции, акцентируются события, актуальные для всех или для большинства граждан страны. Прошлое выступает значимым содержательным источником политической идентичности. В то же время существенным ограничителем интерпретации прошлого является богатство и инвариантность самих исторических событий. Политическая идентичность не может быть сведена к одной формуле или одной интерпретации, которая задана «раз и навсегда». Подобная интерпретация рано или поздно опровергается ходом истории.

Второй блок задач подразумевал приложение сформированной абстрактной модели к казусу постсоветской России. Хронологически за постсоветский период принимался отрезок с 1991 г. по настоящее время, хотя подобное допущение подразумевало две оговорки. Во-первых, анализируя эволюцию политической идентичности в постсоветский период, мы неизбежно обращались к тому периоду, который непосредственно предшествовал постсоветской эпохе, а именно к периоду 1985—1991 гг. Во-вторых, мы исходили из того, что в настоящее время можно говорить о близости окончания постсоветского периода формирования российской идентичности, так как сложилась ее базовая конфигурация, качественно отличная от советской идентичности. В рамках выполнения этого блока задач могут быть сделаны следующие выводы.

Постсоветский период формирования политической идентичности следует рассматривать как период транзита, то есть как переход от одной альтернативы политической идентичности к другой. Подобный транзит может подразумевать и промежуточные альтернативы. Иными словами, логика смены альтернатив представляется не как их синхронная конкуренция, но как их последовательная смена друг друга, что не исключает, однако, комплексной взаимосвязи между ними: каждая новая альтернатива непосредственно связана с предыдущими.

К основным альтернативам политической идентичности мы можем отнести, прежде всего, советскую политическую идентичность. Ее кризис становится отправным пунктом, непосредственной предпосылкой появления новой российской идентичности; она выступает пунктом референции, в отношении которого формируется идентичность в постсоветский период. Следующая альтернатива, выступающая в качестве промежуточной, — негатив-

ная политическая идентичность, суть которой выражается в отрицании базовых составляющих советской идентичности. Вместе с тем подобная идентичность не несет в себе позитивного содержания, способного выступать долгосрочным фактором интеграции общества. С течением времени появляется новая альтернатива. Ее содержательная сторона отражает качественно новые политические принципы и представления, хотя в ее структуре прослеживаются элементы преемственности с советской политической идентичностью. Новая альтернатива представляет собой своеобразный синтез представлений, унаследованных из прошлых эпох, с теми, актуальность которых определяется современным этапом развития страны.

В логике указанных альтернатив рассматриваются и тенденции формирования политической идентичности России в постсоветский период. Ключевая тенденция предполагает отказ от советской идентичности и ее эволюцию в негативную идентичность в начале транзита с последующим формированием новой политической идентичности, способной выступать в качестве значимого фактора интеграции страны. Эта магистральная тенденция была изучена на уровне трех составляющих понятия политической идентичности и их приложения к российскому казусу.

В рамках становления политической идентичности в России как механизма «воображения» политического сообщества, как совокупности представлений и принципов, служащих основанием политического сообщества, выделяется следующая тенденция. Изменения начинаются с кризиса советского политического сообщества, «воображаемого» как совокупность наций (понимаемых, главным образом, в этническом смысле), объединенных в рамках единого идеологического проекта. На уровне политической практики этот кризис выразился в распаде СССР. После образования Российской Федерации наблюдается преобладание негативной идентичности, выражаемой в тенденциях локализма, роста этнического национализма в субъектах Федерации, актуализации локальных идентичностей. Первыми индикаторами преодоления негативной идентичности становится заключение базовых нормативно-правовых актов, отражающих принципы единства страны на уровне нормативных документов, таких как Федеративный договор и Конституция 1993 г. Другим индикатором становится попытка переосмысления на уровне политичес-

ких доктрин сущности российского политического сообщества. Советский принцип политического сообщества как совокупности наций заменяется принципом, в рамках которого Россия понимается как единая гражданская нация. В концепции России как гражданской нации реализуются ключевые либеральные принципы: национальное и культурное многообразие, языковой плюрализм, с одной стороны, равенство всех граждан, независимо от этнической («национальной») принадлежности перед законом, с другой стороны. Значимыми событиями относительно формирования в России гражданской нации становятся принятие Концепции государственной национальной политики в 1996 г., а также актуализация принципа гражданской нации и гражданского патриотизма в выступлениях президента страны после 2000 г. Становление в России гражданской нации может рассматриваться как составная часть российской модернизации: принцип гражданской нации реализован в большинстве развитых (модернизированных) стран мира. Его можно рассматривать также как качественное отличие от советской идентичности. Вместе с тем в новой альтернативе прослеживается и преемственность с советской идентичностью: Россия остается сообществом, нормативным принципом которого выступает сосуществование различных культур и преодоление внутренних границ между ними.

В контексте эволюции политической идентичности России как совокупности представлений, определяющих уникальность политического сообщества через маркирование границ, актуализацию Другого и видение места страны в мире, можно говорить о следующей тенденции. Изменения начинаются с попытки коррекции советской политической идентичности, сложившейся в послевоенный период, с логики биполярной системы и «холодной войны», военной, экономической и идеологической конкуренции с Западом, с появления концепции «общего европейского дома» и «нового внешнеполитического мышления». После распада СССР «новое внешнеполитическое мышление» в значительной степени приобретает характер негативной идентичности: на фоне радикального отказа от советской идентичности не происходит интеграции России в сообщество западных государств. Индикаторами преодоления негативной идентичности и появления новой альтернативы становятся появление Концепции национальной безопасности (1997 г.), Военной доктрины (2000 г.),

Концепции внешней политики (2000 г.). В этих документах, а также в публикациях государственных деятелей России политическая идентичность страны приобретает качественно новые координаты. Россия рассматривается как одна из великих держав, что определяется не только в терминах военного потенциала, но и в терминах экономического влияния (Россия как энергетическая держава). Запад остается актуальным Другим для России в свете потребности в экономической модернизации страны, однако Россия выступает его равноправным партнером, а сценарии ее «ассимиляции» на правах «младшего партнера» признаются неприемлемыми. Роль России в мире определяется ее способностью внести значимый вклад в решение глобальных проблем, включая энергетическую безопасность, борьбу с терроризмом и др. Качественное отличие от советской идентичности заключается в замене идеологических принципов в отношениях с внешним миром национальными интересами страны. Вместе с тем преемственность прослеживается в представлении России как великой державы, значимого регионального и мирового актора.

В контексте эволюции политической идентичности как совокупности представлений о прошлом страны выделяется следующая тенденция. Начало изменений характеризуется шагами, направленными на коррекцию той модели интерпретации прошлого страны, которая сформировалась к 1985 г. Ключевыми элементами реинтерпретации прошлого становятся инициативы по переосмыслению сталинского периода. Впоследствии реинтерпретации подвергаются и другие события, включая Октябрьскую революцию, а также — связанные с ними политические мифы и символы, что приводит к кризису советской идентичности. Распад СССР и образование Российской Федерации происходят на фоне преобладания негативной идентичности, выражаемой в масштабном отрицании интерпретаций прошлого, сложившихся в советский период (это характерно для 1991–1992 гг.). Индикатором преодоления негативной идентичности становится более осторожный подход к интерпретации прошлого. Его особенности заключаются, во-первых, в относительно толерантном отношении к советской символике и традициям на фоне появления и конструирования новых символов и традиций. Во-вторых, представления о прошлом наполняются качественно иным содержанием. Оно выражается в отказе от идеологической компо-

ненты, присущей советской политической идентичности, и актуализации патриотической компоненты, значимой для граждан страны. Последняя выступала также существенной составляющей советской идентичности, и именно через нее формируется преемственность новой российской и советской идентичности.

Таким образом, в настоящее время можно наблюдать образование новых координат политической идентичности России, для которых в целом характерно преодоление конфликта между «советской» и «постсоветской» альтернативами. Представляется возможным говорить об их синтезе в рамках нового самоопределения государства, что может определять ее роль как долгосрочного фактора целостности России, ее непротиворечивой внутренней и внешней политики.

Список литературы

- 1 *Аксютин Ю.В., Волобуев О.В* и др. Власть и оппозиция / Ю.В. Аксютин и др. — М. : РОССПЭН, 1995.
- 2 *Алексеева Т.А.* «Реванш кочевников» или ценностное осмысление глобализации // Космополис. — 2003. — № 2(4).
- 3 *Алексеева Т.А. Капустин Б.Г., Пантин И.К.* Перспективы интегративной идеологии // Полис. — 1997. — № 3.
- 4 *Алексеева Т.А.* Международный порядок: взгляд из Москвы // Международные процессы. — Т. 4. — № 1 (10).
- 5 *Алексеева Т.А.* Национализм в мировой политике // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. — М. : Изд-во «МГИМО-Университет», 2004.
- 6 *Алексеева Т.А.* Поиск новой парадигмы // Политическая наука в России / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М. : МОНФ, 2000.
- 7 *Алексеева Т.А.* Политическая философия. От концепций к теориям. — М. : РОССПЭН, 2003.
- 8 *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. — М. : РОССПЭН, 2000.
- 9 *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М. : Канон-Пресс, 2001.
- 10 *Арбатов А.Г.* Какая армия нам нужна? Контуры российской военной реформы // Россия в глобальной политике. — 2003. — Январь—март. — Т. 1. — № 1.
- 11 *Арбатов А.Г.* Российская национальная идея и внешняя политика. — М. : МОНФ, 1998.
- 12 *Арбатов А.Г.* Россия: особый имперский путь? // Россия в глобальной политике. — 2005. — Ноябрь—декабрь. — № 6.
- 13 *Арон Р.* Мир и война между народами. — М. : Nota Bene, 2000.
- 14 *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. — М. : МОНФ, 2000.
- 15 *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. — Новосибирск: «Сибирский Хронограф», 1997.

- 16 *Ашкеров А.* Политика идентичности. См. электронный ресурс «Государство и антропоток» // <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a188.htm>
- 17 Базовые ценности россиян / Под ред. А.В. Рябова, Е.Ш. Курбангалеевой. — М. : ИКСИ РАН, «Регион-Информ», 2003.
- 18 *Балибар Э.* Нация как форма: история и идеология. / Э. Балибар, И. Валлерстайн. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. — М. : Логос-Альтера, 2003.
- 19 *Балог А.* Венгры-мадяры: национальная и европейская идентичность (1990–1998). // Центрально-Европейский ежегодник, 2003. — М. : Логос, 2003.
- 20 *Баталов Э.Я.* О философии международных отношений. — М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.
- 21 *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1986.
- 22 *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. — М. : Прогресс-Традиция, 2000.
- 23 Беловежские соглашения // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. В 4 т. Т.4. — М. : РОССПЭН, 2002.
- 24 *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М. : Academia-центр, 1995.
- 25 *Берлин И.* Две концепции свободы // Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тэйлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998.
- 26 *Биго Д.* Проблемы безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. — М. : «Гардарики», 1998.
- 27 *Биллинг М.* Нации и языки // Логос. — 2005. — № 4.
- 28 *Биллингтон Д.Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. — М. : Изд-во «Рудомино», 2001.
- 29 *Богатуров А.Д.* Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. — 1996. — № 2.
- 30 *Борко Ю, Буторина О.* Европа: поиск новой идентичности // Космополис. — 2002. — № 1.
- 31 *Бродель Ф.* Что такое Франция? — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1994.
- 32 *Бусыгина И.М.* О состоянии немецкой нации: территориальный фактор в национальном самосознании немцев // Полис. — 1999. — № 1.
- 33 *Бусыгина И.М.* Территориальный фактор в европейском сознании // Космополис. — 2002–2003. — № 2.
- 34 *Валлерстайн И.* Типология кризисов в миросистеме // И. Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — М. : Университетская книга, 2001.
- 35 *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. — 1994. — № 6.
- 36 *Вебер М.* Основные социологические понятия // Теоретическая социология / Под ред. С.П. Баньковской. В 2 т. Т. 1. — М. : Книжный дом «Университет», 2002.
- 37 *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990.
- 38 *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990.
- 39 *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? См. электронный ресурс «Государство и антропоток» // <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a197.htm>.
- 40 *Веселова А.* Советская история глазами старшеклассников // Отечественные записки. — 2004. — № 5.
- 41 *Вирилио П.* Информационная бомба. Стратегия обмана. — М. : Гнозис, 2002.
- 42 *Вишневский А.* Пережить двадцать первый век // Прогнозис. — 2004. — № 1.
- 43 *Водолазов Г.Г.* Общенациональная идеология как идеология большинства населения // Полис. — 1997. — № 3.
- 44 Военная доктрина РФ 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. В 4 т. Т. 4. — М. : РОССПЭН, 2002.
- 45 *Володин А.Г.* Гражданское общество и модернизация в России (Истоки и современная проблематика) // Полис. — 2000. — № 3.
- 46 *Гаджиев К.С.* Американская нация: национальное самосознание и культура. — М. : Наука, 1990.
- 47 *Геллнер Э.* Условия свободы. — М. : Московская школа политических исследований, 2004.
- 48 *Генифе П.* Французская Революция и террор // 200 лет Французской революции. 1789–1799. Итоги юбилея. — М. : Эдиториал УРСС, 2000.

- 49 Гидденс Э. Устроение общества. — М.: Академический проект, 2003.
- 50 Горбачев М.С. Нобелевская лекция. — М. : Политиздат, 1991.
- 51 Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М. : Политиздат, 1987.
- 52 Гофман И. Порядок взаимодействия // Теоретическая социология / Под ред. С.П. Баньковской. — М. : Книжный дом «Университет», 2002.
- 53 Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. — М. : Канон-Пресс, 2000.
- 54 Гриневиц В., Гриневиц Л. Государственные гимны СССР и УССР: от какого наследия мы отказываемся // <http://geraldika.ru/symbols/3192>.
- 55 Гудков Л.Д. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Л.Д. Гудков. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. — М. : Новое литературное обозрение — «ВЦИОМ — А», 2004.
- 56 Гудков Л.Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа / Л.Д. Гудков. Негативная идентичность. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
- 57 Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. — 2005. — № 4.
- 58 Дилигенский Г.Г. Основные проблемы восприятия россиянами Запада и западных ценностей // Запад и западные ценности в российском общественном сознании / Под ред. В.И. Пантина. — М. : ИМЭМО РАН, 2002.
- 59 Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. — 2004. — № 5.
- 60 Дюркгейм Э, Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации / Э. Дюркгейм, М. Мосс. О Общества, обмен, личность. — М. : Восточная литература РАН, 1996.
- 61 Дюркгейм Э.О. разделении общественного труда. // Метод социологии / Под ред. А.В. Чудинова. — М. : Наука, 1990.
- 62 Жижек С. Возвышенный объект идеологии. — М. : Художественный журнал, 1999.
- 63 Зайончковская Ж. Экономическая и социальная модернизация и внутренняя миграция в России и в ССС. // Население России в XXв. Материалы научной конференции. — М. : Центр демографии и экологии человека, 1998.
- 64 Иванов Д.В. Виртуализация общества. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
- 65 Иванов И.С. Внешняя политика России на рубеже XXI века: проблемы формирования, эволюции и преемственности // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. В 4 т. Т. 1. — М. : РОССПЭН, 2002.
- 66 Иванов И.С. Различие позиций — не повод для конфронтации. Ответы министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на вопросы журнала Космополис // Космополис. — 2002. — № 1.
- 67 Иванов С.Б. О новой редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации // Лекция С.Б. Иванова в МГИМО(У) МИД России. 14 марта 2000 г. См. http://risa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1345&Itemid=294
- 68 Игнатьева И. Виртуализация идентичности в условиях развития новых технологий // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия / Под ред. Е. Алексеевой. — М. : РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кенна с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2003.
- 69 Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. — М. : РОССПЭН, 1997.
- 70 Иоанн-Павел II. Память и идентичность // Россия в глобальной политике. — 2005. — Март–апрель. — № 2.
- 71 Кампанелла Т. Город Солнца // Утопический социализм: Хрестоматия / Под ред. А.И. Володина. — М. : Политиздат, 1982.
- 72 Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. — М. : РОССПЭН, 1998.
- 73 Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. — 1994. — № 1.
- 74 Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса // Политическая наука в России / Под ред. А.Д. Воскресенского. — М. : МОНФ, 2000.
- 75 Касториадис К. Воображаемое установление общества. — М.: Логос, 2003.
- 76 Кинг Д. Отретушированная история. Фальсификация фотографий и произведений живописи в империи Сталина. — Будапешт: Полгарт, 2002.
- 77 Кирюнин А.Е. Имидж региона как интериоризация культуры. М. : Книжный дом «Университет», 2000.
- 78 Козер Л. Функции социального конфликта. — М. : Идея-Пресс, 2000.
- 79 Козырев А.В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. — 1994. — № 5.
- 80 Колдобская М. Живопись и политика // Космополис. — 2003. — № 2(4).

- 81 Конституция Российской Федерации 1993 г. — М.: Изд-во «ЭКМО», 1999.
- 82 Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. — М.: Политиздат, 1987.
- 83 Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. В 4 т. Т. 4. — М.: РОССПЭН, 2002.
- 84 Концепция внешней политики РФ 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. В 4 т. Т. 4. — М.: РОССПЭН, 2002.
- 85 Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. http://www.scrf.gov.ru/documents/decree/1996_909.shtml
- 86 Концепция национальной безопасности РФ 1997 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. В 4 т. Т. 4. — М.: 2002.
- 87 Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал / Под ред. Н.А. Хачатуряна. — М.: Наука, 2004.
- 88 Кортунов А.В. Ветер с Востока или свет с Запада? // Центрально-Европейский ежегодник, 2003. — М.: Логос, 2003.
- 89 Кортунов В.В. Недовольство либерализмом. // С.В. Кортунов. Имитация здравого смысла: очерки по теории мировой культуры. — М., 2001.
- 90 Кортунов С.В. Имперские амбиции и национальные интересы. Новые измерения внешней политики России. — М.: МОНФ, 1999.
- 91 Кортунов С.В. Россия: не сердиться, а сосредоточиться // Россия в глобальной политике. — 2005. — Сентябрь–октябрь. — № 5.
- 92 Кот В.С. Политическое сообщество: генезис и эволюция. — М.: Мысль, 2004.
- 93 Коукер К. Сумерки Запада. — М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- 94 Кузык Б.Н. Россия в пространстве и времени. — М.: Институт экономических стратегий, 2004.
- 95 Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия 2050 — стратегия инновационного прорыва. — М.: Экономика, 2004.
- 96 Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. — М.: Политиздат, 1987.
- 97 Кули Ч.Х. Социальная самость. Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренькова. — М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996.
- 98 Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- 99 Кулинченко В.А., Кулинченко А.В. О духовно-культурных основаниях модернизации России // Полис. — 2002. — № 3.
- 100 Куропятник А.И. Идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2000. — Т. 3. — № 2.
- 101 Лавров С.В. Россия в глобальной политике // Россия в глобальной политике. <http://www.globalaffairs.ru/articles/5270.html>
- 102 Ламартин А. Жирондисты. Историко-прагматическое исследование // История и историки. Жизнь. Творчество. Судьба / Авт.-сост. Е.Б. Черняк, Б.А. Тормасов. — М.: Остожье, 1998.
- 103 Лапкин В.В., Пантин В.И. Запад в Российском общественном мнении: до и после 11 сентября 2001 г. // Запад и западные ценности в российском общественном сознании / Под ред. В.И. Патиной. — М.: ИМЭМО РАН, 2002.
- 104 Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. — М.: Ладомир, 2001.
- 105 Леви-Строс К. Мифологии: сырое и приготовленное. — М.-СПб.: Университетская книга, 1999.
- 106 Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. — М.: РОССПЭН, 2000.
- 107 Лещенко В. Ветвящееся время. — М.: АСТ, 2003.
- 108 Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. — М.: Восточная литература РАН, 2001.
- 109 Лукач Д. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. — СПб.: Наука, 2003.
- 110 Луман Н. Медиа коммуникации. — М.: Логос, 2005.
- 111 Люббе Г. Историческая идентичность. // Вопросы философии. — 1999. — № 4.
- 112 Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- 113 Макиавелли Н. Князь. — М.: Завигор, 2000.
- 114 Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. — М.: Книжный дом «Университет», 2005.
- 115 Малахов В.С. Неудобства с идентичностью. // Вопросы философии. — 1998.— № 2.
- 116 Малахов В.С. Что значит «мыслить национально»? Из истории немецкой и русской мысли первой трети XX века // Логос. — 2001. — № 5-6.
- 117 Малахов В.С. Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обще-

- ствования последних десяти лет) // Политическая наука. — 2002. — № 4.
- 118 *Малинова О.В.* Либерализм и концепт нации // Полис. — 2003. — № 2.
- 119 *Малинова О.В.* Проблемы национальной идентичности и национальных прав в либеральной политической теории // Политическая наука. — 2002. — № 4.
- 120 *Малиновский Б.* Миф в первобытной психологии / Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. — М. : РОССПЭН, 2004.
- 121 *Малиновский Б.* Научная теория культуры. — М. : ОГИ, 1999.
- 122 *Малышева С.* Советская праздничная культура в провинции. Пространство, символы, исторические мифы. — Казань : Рутен, 2005.
- 123 *Маритен Ж.* Человек и государство. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2000.
- 124 *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 42. — М. : Издательство Политической Литературы, 1974.
- 125 *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. — М. : АСТ, 2003.
- 126 *Мельвиль А.Ю.* Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Внешняя политика и безопасность современной России. В 4 т. Т. 1 / Под ред. А.В. Торкунова. — М. : РОССПЭН, 2002.
- 127 *Мертес М.* Немецкие вопросы — европейские ответы. — М. : Московская школа политических исследований, 2001.
- 128 *Мид Дж.* Интернализированные другие и самость / Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. — М. : Международный университет бизнеса и управления, 1996.
- 129 *Мизес Л. фон.* Роль доктрин в человеческой истории / Л. Мизес фон. Либерализм. — М. : Экономика, 2001.
- 130 *Мизес Л. фон.* Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. — М. : Юнити Дана, 2001.
- 131 *Морозов В.* Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Международные процессы. — 2006. — Январь—апрель. — Т. 4. — № 1(10).
- 132 *Назаров В.* Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 г.? // Отечественные записки. — 2004. — № 5.
- 133 *Нойман И.* Использование другого. — М. : Новое издательство, 2004.
- 134 *Озуф М.* Революционный праздник 1789—1799. — М. : Языки славянской культуры, 2003.
- 135 *Олкотт М.* Владимир Путин и нефтяная политика России // Московский центр Карнеги: рабочие материалы. — 2005. — № 1.

- 136 *Панарин А.С.* «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Парадоксы европеизма в современной России // Вопросы философии. — 1996. — № 10.
- 137 *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. — М. : Алгоритм, 2000.
- 138 *Пантин В.В. Лапкин В.И.* Образы Запада в сознании постсоветского человека // Запад и западные ценности в российском общественном сознании / Под ред. В.И.Пантина. — М. : ИМЭМО РАН, 2002.
- 139 *Пацюрковский В.В.* Идентичность человека и общества в условиях глобализации / Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия / Под ред. Е. Алексеевой. — М. : РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2003.
- 140 *Печатнов В.О.* Америко-центристский мир и его последствия для России // Вторые горчаковские чтения «Мир и Россия на пороге XXI века» / Под ред. А.В. Торкунова. — М. : Изд-во «МГИМО-университет», 2000.
- 141 *Пивоваров Ю.С.* Государство, Русское государство. Русская мысль // Политическая наука. — 2000. — № 2.
- 142 *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. — СПб. : изд-во РХГИ, 1997.
- 143 *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. — М. : Феникс, 1992.
- 144 *Примаков Е.М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Т. 1. — М. : РОССПЭН, 2002.
- 145 *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен: 10 февраля 2007 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml
- 146 *Путин В.В.* Послание федеральному собранию Российской Федерации. Москва, Кремль 25 апреля 2005 г. // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>
- 147 *Путин В.В.* Россия на рубеже тысячелетий // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Т. 1. — М. : РОССПЭН, 2002.
- 148 *Рорти Р.* Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998.
- 149 *Ротштайн Б.* Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманна. — М. : Вече, 1999.

- 150 *Роулз Дж.* Идея блага и приоритет права // Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998.
- 151 *Роулз Дж.* Теория справедливости // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2 / Под ред. Т.А. Алексеевой. — М. : Мысль, 1997.
- 152 *Рыклин М.* Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. — М. : Логос, 2002.
- 153 Рэдклиф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. — М. : Восточная литература РАН, 2001.
- 154 *Салмин А.М.* Миф истории и история мифа // Национальная идея: история, идеология, миф / Под ред. Г.Ю. Семигина. — М., 2004.
- 155 *Салмин А.М.* Россия, Европа и новый мировой порядок // Полис. — 1999. — № 2.
- 156 *Сатаров Г.* Россия 2015 г.: судьба конституционно-политического устройства // Россия между вчера и завтра: книга первая, экспертные разработки / Под ред. В. Преображенского и Д. Драгунского. — М. : ИНДЕМ, 2003.
- 157 *Сергеев В.М.* Демократия и региональное неравенство // Полис. — 2003. — № 5.
- 158 *Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. — СПб.: Изд-во Михайлова, 1999.
- 159 *Смит Э.* Национализм и модернизм. — М. : Праксис, 2004.
- 160 *Согрин В.В.* Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. — М.: ИНФРА-М, Весь мир, 2001.
- 161 Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. — М.: Изд-во «ИС РАН», 1998.
- 162 *Старовойтова Г.* Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. — СПб. : Лимбус-Пресс, 1999.
- 163 *Судаков С.С.* Понятие традиции в современном американском либерализме. — Калининград : Изд-во КГУ, 2005.
- 164 *Сэндел М.Дж.* Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л.Б. Макеева. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998.
- 165 *Тейлор Ч.* Пересечение целей: спор между либералами и коммунистами // Современный либерализм: Роулз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998.
- 166 *Теннис Ф.* Общность и общество. — СПб.: «Владимир Даль», 2002.
- 167 *Тимофеев И.Н.* Коллективная идентичность как объект политической теории: концептуальный анализ // Актуальные проблемы политической теории. Вып. 2 / Под ред. Т.А. Алексеевой. — М. : Изд-во «МГИМО-университет», 2005.
- 168 *Тимофеев И.Н.* Концепция национального развития и политическая идентичность России: роль нефтегазового фактора // Сибирский регион — Центральная Азия — дальше зарубежье: энергетическое взаимодействие. — М. : Изд-во «МГИМО-университет», 2006.
- 169 *Тимофеев И.Н.* Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии. // Международные процессы. — 2007. — Январь–апрель. — Т. 5. — № 1(13).
- 170 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. — М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1996.
- 171 *Тишков В.А.* Самоопределение российской нации // Международные процессы, 2005. Май-август. — Т. 3, — № 2 (8).
- 172 *Тоноян Л.Г.* Логика. — СПб. : Общество «Знание», 1997.
- 173 *Торкунов А.В.* Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. — 1999. — № 12.
- 174 *Тренин Д.* Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. — 2004. — Т. 8. — № 3.
- 175 *Троицкий М.А.* Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада bipolarности. — М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004.
- 176 *Туровский Р.* Региональная идентичность в современной России // Формирование демократических ценностей в России / Под ред. М. Макфола и А. Рябова. — М. : Гендальф, 1999.
- 177 *Уайт Л.* Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. — М. : РОССПЭН, 2004.
- 178 Устав КПСС СССР. — М. : Издательство политической литературы, 1988.
- 179 Вернуть лидерство / В. Фадеев и др. // Эксперт. — 2005. — № 45.
- 180 Федеративный договор 1992 г. <http://www.cityline.ru/politika/doc/fd1.html#p1>
- 181 *Федотова В.Г.* Модернизация другой Европы. — М. : ИФ РАН, 1997.
- 182 *Фишман Дж.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструиристами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. — 2005. — № 4.

- 183 *Фримен Ю., Сколимовский Г.* Поиск объективности у Пирса и Поппера. / Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Под ред. Д.Г. Лахути и др. — М. : Эдиториал УРСС, 2000.
- 184 *Фромм Э.* Бегство от свободы. — М. : Прогресс, 1990.
- 185 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М. : «Ad Marginem», 1999.
- 186 *Фуко М.* Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) // Логос. — 2003. — № 4-5.
- 187 *Фуко М.* Рождение клиники. — М. : Смысл, 1998.
- 188 *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3.
- 189 *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. — М. : «Ad Marginem», 1998.
- 190 *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб. : Наука, 2000.
- 191 *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. — 2003. — № 4-5.
- 192 *Хайек Ф. фон.* Дорога к рабству // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2 / Под ред. Т.А. Алексеевой. — М. : Мысль, 1997.
- 193 *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М. : АСТ, 2004.
- 194 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М. : АСТ, 2003.
- 195 *Хаусхофер К.* Границы в их геополитическом значении // Классика геополитики: XX век / Сост. К. Королёв. — М. : АСТ, 2003.
- 196 *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. — 1994. — № 10.
- 197 *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. — СПб. : Алетейя, 1998.
- 198 *Хобсбаум Э.* Язык, культура и национальная идентичность // Логос. — 2005. — № 4.
- 99 *Шевченко В.* Повседневная жизнь Кремля при президентах. — М. : Молодая гвардия, 2004.
- 200 *Шестопал А.В.* Иберо-американистика. Традиции, тенденции, перспективы. — М. : Изд-во «МГИМО-университет», 2001.
- 201 *Шмелев А.* Увалы и овраги в языке школьных учебников истории // Отечественные записки. — 2004. — № 5.
- 202 *Шмитт К.* Понятие политического // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2 / Под ред. Алексеевой Т.А. — М. : Мысль, 1997.

- 203 *Шнейдер И.* Восприятие угроз и идентичность: Чешская Республика в Европе // Центрально-Европейский ежегодник, 2003. — М. : Логос, 2003.
- 204 *Элиас Н.* Общество Индивидов. — М. : Праксис, 2001.
- 205 *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 2. — М. : Изд-во Политической Литературы, 1974.
- 206 *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М. : Прогресс, 1996.
- 207 *Этциони А.* От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. — М. : «Ладомир», 2004.
- 208 *Agnew J., Brusa C.* New Rules for National Identity? The Northern League and Political Identity in Contemporary Northern Italy // National Identities, Vol.1, No 2, 1999.
- 209 *Armstrong J.* The Autonomy of Ethnic Identity: Historic Cleavages and Nationality Relations in the USSR / In Thinking Theoretically about Soviet Nationalities / Edited by A. Motyl. New York: Columbia University Press, 1992.
- 210 *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries: Long Grove: Waveland Press, 1998.
- 211 *Brodie J.* Citizenship and Solidarity: Reflections on the Canadian Way // Citizenship Studies, Vol.6, No 4, 2002.
- 212 *Bruner L.M.* Rhetoric of the State: The Public Negotiation of Political Character in Germany, Russia and Quebec // National Identities, Vol. 2, No 2, 2000.
- 213 *Bruter M.* On What Citizens Mean by Feeling “European”: Perception of News, Symbols and Borderlessness // Journal of Ethnic and Migration Studies, Vol. 30, No 1, January 2004.
- 214 *Bunce V.* Peaceful Versus Violent State Dismemberment: a Comparison of the Soviet Union, Yugoslavia and Czechoslovakia. // Politics and Society, Vol. 27, No 2, June 1999.
- 215 *Bunce V.* The National Idea: Imperial Legacies and Post-Communist Pathways in Eastern Europe // East European Politics and Societies, Vol.19, No 3, 2005.
- 216 *Campbell D.* Politics without Principle: Sovereignty, Ethics and the Narratives of the Gulf War. Boulder: Lynne Rienner, 1993.
- 217 *Campbell D.* Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991.
- 218 *Codagnone C., Filippov V.* Equality, Exit and National Identity in Multinational Federation: The Multicultural Constitutional Patriotism Project in Russia // Journal of Ethnic and Migration Studies, Vol. 26, No 2, April, 2000.

- 219 *Delanty G.* *Inventing Europe: Idea, Identity, Reality.* London: Macmillan, 1995.
- 220 *Delanty G.* The Frontier and Identities of Exclusion in European History // *History of European Ideas*, No 22 (2), 1996.
- 221 *Delanty G.* The Making of a Post-Western Europe: A Civilizational Analysis // *Thesis Eleven*, No 72, February, 2003.
- 222 *Eriksen T.H.* Place, Kinship and the Case for Non-Ethnic Nations // *Nations and Nationalism*, No 10 (1/2), 2004.
- 223 *Falk R.* The Decline of Citizenship in an Era of Globalization // *Citizenship Studies*, Vol.4, No 1, 2000.
- 224 *Ferretti M.* Memory Disorder. Russia and Stalinism // *Russian Politics and Law*, Vol. 41, No 6, November-December 2003.
- 225 *Fitzpatrick Sh.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Journal of Modern History*, December, 1993.
- 226 *Ford C.* *Creating the Nation in Provincial France: Religion and Political Identity in Brittany.* Princeton: Princeton University Press, 1993.
- 227 *Forest B, Johnson J.* Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // *Annals of the Association of American Geographers*, No 93 (3), 2002.
- 228 *Forest B, Johnson B., Till K.* Post-Totalitarian National Identity: Public Memory in Germany and Russia // *Social and Political Geography*, Vol. 5, No 3, September 2004.
- 229 *Fremeaux I., Albertazzi D.* Discursive Strategies Around Community in Political Propaganda: The Case of Lega Nord // *National Identities*, Vol. 4, No. 2, 2002.
- 230 *Gellner E.* *Nationalism.* London: Weidenfeld and Nicolson, 1997.
- 231 *Gerring J.* *Case Study Research. Principles and Practices.* Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- 232 *Goshulak G.* Soviet and Post-Soviet: Challenges to the Study of Nation and State Building. // *Sage Publications*, Vol. 3 (4), 2003.
- 233 *Haas M.L.* *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789–1989.* Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- 234 *Hentz J.J.* International Relations Theory, Communitarianism and U.S. Grand Strategy // *American Behavioral Scientist*, Vol. 48, No 12, August, 2005.
- 235 *Hobsbawm E.* *Inventing Traditions / The Invention of Tradition /* Edited by Hobsbawm E. and Terence R. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- 236 *Hobsbawm E.* *Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // The Invention of Tradition /* Edited by Hobsbawm E. and Terence R. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- 237 *Hopkins N., Murdoch N.* The Role of the ‘Other’ in National Identity: Exploring the Context-Dependence of the National Ingroup Stereotype // *Journal of Community and Applied Social Psychology*, No 9, 1999.
- 238 *Huntington S.* The Hispanic Challenge // *Foreign policy*, March–April, 2004.
- 239 *Irwin-Zarecka I.* *Frames of Remembrance.* New Brunswick: Transaction, 1994.
- 240 *Ivanov I.S.* The New Russian Identity: Innovation and Continuity in Russian Foreign Policy // *The Washington Quarterly*, Summer, No 24 (3), 2001.
- 241 *Jillis J.R.* *Commemorations: The Politics of National Identity.* Princeton: Princeton University Press, 1994.
- 242 *Keohane R.O., Nye J.S.* *Power and Interdependence: World Politics in Transition.* Princeton: Princeton University Press, 1984.
- 243 *Kortunov S.V.* Russia’s National Identity: Foreign Policy Dimension // *International Affairs*, No 4, 2003.
- 244 *Kortunov S.V.* The Fate of Russia // *Comparative Strategy*, No 15, 1996.
- 245 *Koslowski R.* EU Citizenship: Implications for Identity and Legitimacy / T. Banchoff and M.P. Smith. *Legitimacy and the European Union: The Contested Policy.* London: Routledge, 1999.
- 246 *Kymlicka W.* *Multicultural States and Intercultural Citizenship // Theory and Research in Education.* Sage Publications, Vol. 1 (2), 2003.
- 247 *Lawson K., Rommele A., Karasimeonov G.* (eds). *Cleavages, Parties and Voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania.* London: Routledge, 1999.
- 248 *Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction / S.M. Lipset, S. Rokkan (eds). *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives.* New York: The Free Press, 1967.
- 249 *Magelssen S.* Remapping American-ness: Heritage Production and the Staging of the Native American and the African American as Other in ‘Historyland’ // *National Identities*, Vol. 4, No 2, 2002.
- 250 *McLemore Dale S.* Simmel’s Stranger: A Critique of the Concept // *The Pacific Sociological Review*, Vol. 13, No 2 (Spring), 1970.
- 251 *Melville A.* Foreign Policy Therapy “a la Dr. Putin” // *Russian Foreign Policy in Transition. Concepts and Realities /* Edited by A. Melville and T. Shakleina. Budapest, New Yourk: CEU, 2005.
- 252 *Mentzel P.* Identity, Confessionalism and Nationalism // *Nationalities Papers*, Vol. 28, No 1, 2000.

- 253 *Merrett Ch. D.* Understanding Local Responses to Globalization: the Production of Geographical Scale and Political Identity // National Identities, Vol.3, No 1, 2001.
- 254 *Moller F.* Capitalizing on Difference: A Security Community or/as a Western Project // Sage Publications, Vol. 34 (3), 2003.
- 255 *Morgenthau H.J.* Scientific Man vs. Power Politics. Chicago: The University of Chicago Press, 1946.
- 256 *Neumann I.* Russia and the Idea of Europe: a Study in Identity and International Relations. London: Routledge, 1996.
- 257 *North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- 258 *Offe C., Elster J., Preuss K.* Institutional Design in Post-Communist Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- 259 *Oliker O., Charlick-Paley T.* Assessing Russia's Decline. Trends and Implications for the United States and the U.S. Air Force. Rand. Project Air Force, 2002 // http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1442/
- 260 *Poster M.* National Identities and Communication Technologies / The Information Society. Irvine: California University Press, 1999.
- 261 *Qualls K.D.* Imagining Sevastopol: History and Postwar Community Construction, 1942–1953 // National Identities, Vol.5, No 2, 2003.
- 262 *Reed-Danahay D.* Education and Identity in Rural France: the Politics of Schooling. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- 263 *Rice C.* Promoting the National Interest // Foreign Affairs, Vol. 79, No 1, 1999.
- 264 *Ringmar E.* The Recognition Game: Soviet Russia Against the West // Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association, Vol. 37 (2), 2002.
- 265 *Rothstein B.* Trust, Social Dilemmas and Collective Memories // Journal of Theoretical Politics, No 12 (4), 2000.
- 266 *Schopflin G.* Identities, Politics and Post-Communism in Central Europe // Nations and Nationalism, No 9 (4), 2003.
- 267 *Schopflin G.* The Political Traditions of Eastern Europe / Graubard S.R. (ed.). Eastern Europe... Central Europe... Europe. Boulder, 1991.
- 268 *Sharp J.* Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000.
- 269 *Smith A.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986.
- 270 *Smith G.* The Post-Soviet States: Mapping the Politics of Transition. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- 271 *Strath B.* A European Identity: To the Historical Limits of the Concept // European Journal of Social History, No 5 (4), 2002.
- 272 *Sztompka P.* Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // Zeitschrift fur Soziologie, No 2, April 1993.
- 273 *Taylor Ch.* Democratic Exclusion (and its Remedies?) / Cairns A. C. et al (eds). Citizenship, Democracy and Pluralism. Montreal and Kingston: McGill – Queen's University Press, 1999.
- 274 *Thaler P.* The Ambivalence of Identity: The Austrian Experience of Nation-Building in a Modern Society. West Lafayette: Purdue University Press, 2001.
- 275 *Tilly Ch.* Identities, Boundries and Social Ties. Boulder: Paradigm Publishers, 2005.
- 276 *Tilly Ch.* Social Boundary Mechanisms // Philosophy of the Social Sciences, Vol. 34, No 2, June 2004.
- 277 *Tilly Ch.* Stories, Identities and Political Change. Boulder: Rowman and Littlefield Publishers, 2003.
- 278 *Timofeev I.N.* The Legacies of the Communist Past and the Political Parties' Performance in the Post-Communist Period: The Russian Perspective. MA Thesis. Warsaw: CEU, 2003.
- 279 *Volodina T.* Teaching History in Russia after the Collapse of the USSR // The History Teacher, Vol. 38, No 2, February 2005.
- 280 *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- 281 *White S., Batt J., Lewis P.* Developments in East European Politics. Durham: Duke University Press, 1993.
- 282 *Zajda J., Zajda R.* The Politics of Rewriting History: New History Textbooks and Curriculum Materials in Russia. // International Review of Education, No 49 (3-4), 2003.
- 283 *Zarycki T.* The Role of Russia in the Modern Polish National Identity. // East European Policy and Societies, Vol. 18, No 4, 2004.

Научное издание

Тимофеев Иван Николаевич

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
АЛЬТЕРНАТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ**

Монография

Редактор *В.М. Титов*

Компьютерная верстка *Н.А. Федорова*

Подписано в печать 28.12.07.

Формат 60x84¹/16. Бумага офсет № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 9,8.

Тираж 120 экз. Заказ № 474.

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26